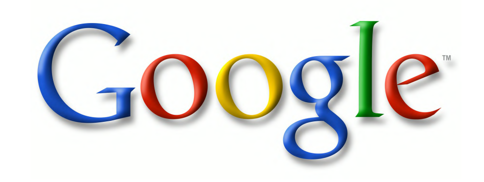
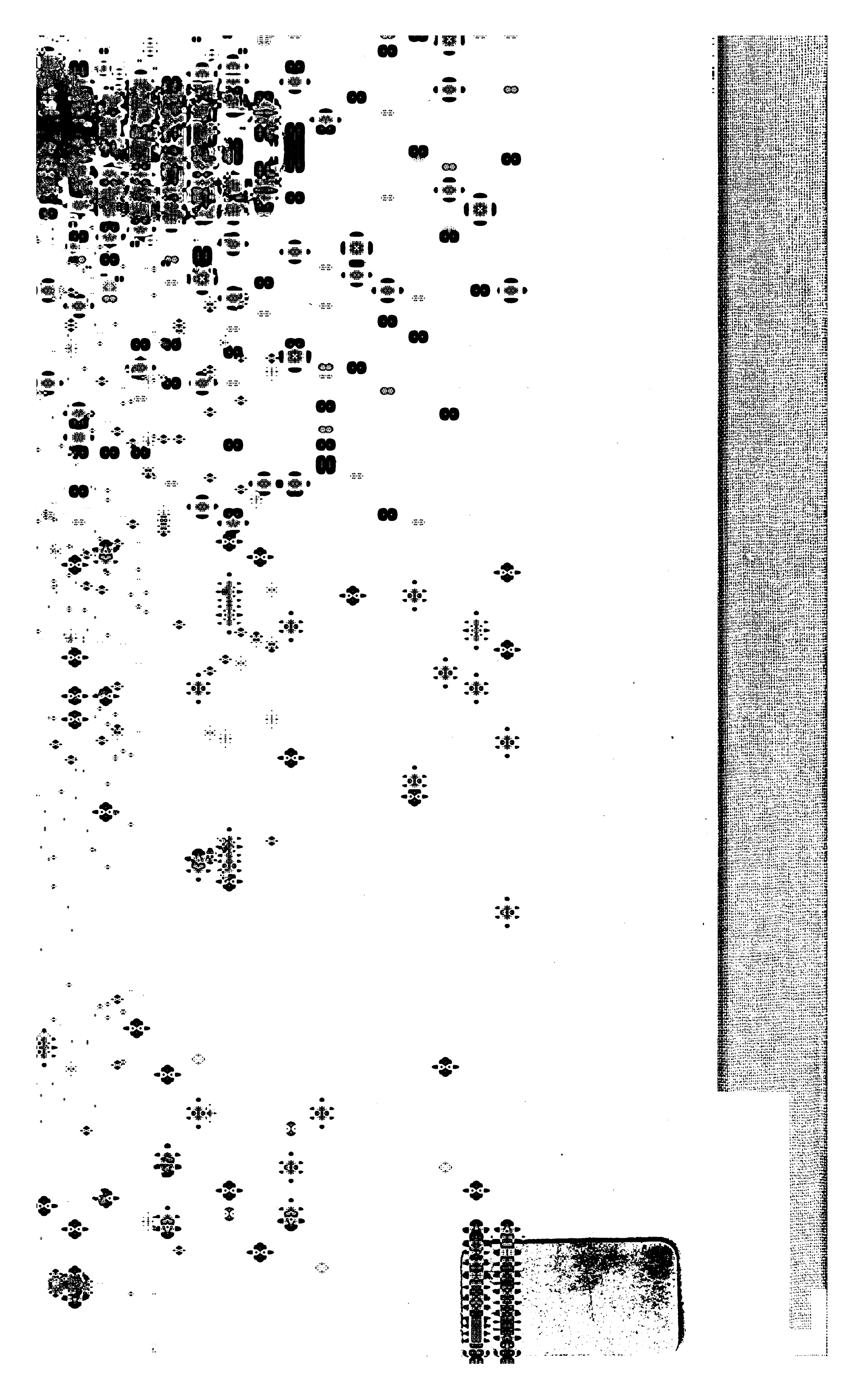

[Istoriczeskija Swiedienija
o cenzurie, v Rossii]

ИСТОРИЧЕСКІЯ

СВѢДѢНІЯ О ЦЕНЗУРѢ ВЪ РОССІИ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

ИСТОРИЧЕСКІЯ

СВѢДѢНІЯ О ЦЕНЗУРѢ ВЪ РОССІИ.

Istoricheskiia

ИСТОРИЧЕСКІЯ

sviedieniia o tsenzurie v Rossii

СВѢДѢНІЯ О ЦЕНЗУРѢ ВЪ РОССІИ

ко еретическимъ со

чѣ, вмѣстѣ съ возник-
ыстро обращаться въ
; духовные соборы и
емѣ, а свѣтская власть
анія эти только раз-
острадавшіе ихъ братія
ія секта, изъ чисто ре-
итическою.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА

1862

Печатано по распоряженію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О ЦЕНЗУРѢ ВЪ РОССІИ.

I.

Правительство наше, какъ и всѣ прочія, искони признавало за собою право не допускать словеснаго или письменнаго выраженія мыслей, несоотвѣтствующихъ своимъ видамъ: только въ новѣйшія времена постигнута мысль о пользѣ всесторонняго обсужденія и возраженій, служащихъ къ разъясненію дѣла. Постановленій, выражавшихъ это право, однако не могло естественно быть въ древнихъ законодательствахъ нашихъ по той простой причинѣ, что возраженій и оппозиціи, выраженныхъ письменнымъ, а тѣмъ болѣе печатнымъ словомъ, почти не существовало, за недостаткомъ грамотности; тѣмъ не менѣе, если въ какой нибудь сферѣ понятій возникало разномысліе, то оно подвергалось преслѣдованію; таково было, напримѣръ, преслѣдованіе извѣстнаго Максима-Грека по поводу предпринятаго имъ исправленія церковныхъ книгъ, признаннаго еретическимъ со стороны московскаго духовенства.

Позднѣе, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, вмѣстѣ съ возникновеніемъ раскола, стали появляться и быстро обращаться въ народѣ рукописи раскольничьихъ учителей; духовные соборы и патріархи московскіе предавали ихъ анаѳемѣ, а свѣтская власть преслѣдовала ихъ авторовъ; но преслѣдованія эти только раздражали, не устрашая, раскольниковъ; пострадавшіе ихъ братія вписывались въ число мучениковъ и новая секта, изъ чисто религіозной, скоро дѣлалась религіозно-политическою.

Въ то же время оказалось разномысліе, хотя и несравненно менѣе значительное, и съ другой стороны,—со стороны только-что присоединившейся Малороссіи. Московское духовенство нашло, что нѣкоторыя сочиненія кіевскихъ богослововъ заражены

«латинскою ересью» и наиболѣе рѣзкія изъ нихъ предавало сожженію. Вообще западно-русское духовенство казалось, въ религіозно-догматическомъ отношеніи, московскому духовенству подозрительнымъ, такъ что, когда при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, составлялся проектъ духовной академіи въ Москвѣ, то патріархъ Іоакимъ, за недостаткомъ учителей въ московской патріархіи, просилъ константинопольскаго патріарха прислать нѣсколькихъ преподавателей, и не только не обратился за этимъ къ кіевской академіи, славившейся тогда своею ученостію, или къ другимъ школамъ западной Руси, но напротивъ, положительно преградилъ доступъ въ новоустраиваемое заведеніе уроженцамъ этого края, «зане, говоритъ онъ про этихъ послѣднихъ, обычай есть многимъ прелестникомъ заводить въ школахъ богословскія пренія» (*).

Такимъ образомъ, хотя и безъ существованія цензуры, въ точномъ смыслѣ этого слова, въ древней Руси было тщательно устраняемо всякое разномысліе, начиная съ воспитанія дѣтей, со школы. Нельзя не замѣтить, однакожъ, что неудержимая сила вещей, сила самой жизни вызывала полемику и обмѣнъ мыслей. Эта полемика производилась въ кругѣ единственнаго вопроса, живо интересовавшаго современное общество,—вопроса религіознаго. Независимо отъ преслѣдованія раскольничьихъ рукописей силою свѣтской власти, духовенство московское рѣшалось иногда дѣлать противъ нихъ возраженія, и нѣкоторыя мѣста нѣкоторыхъ изъ такихъ сочиненій имѣютъ характеръ чисто полемическій, хотя вообще тонъ ихъ докторальный, наставительный: патріархъ и лица, писавшія подъ его именемъ, или съ его благословенія, выступали не спорить съ заблудшими овцами, а научать и вразумлять ихъ. Подобный же характеръ имѣли и словесныя пренія съ сектаторами, на которыя иногда снисходило духовенство наше при царевнѣ Софіи и Петрѣ.

Много шума произвела полемика, происходившая еще со временъ царя Алексѣя между московскимъ духовенствомъ и духовными лицами западной Руси и Украйны. Еще любимецъ этого царя и наставникъ царевича Ѳеодора, Симеонъ Полоцкій, былъ заподозрѣнъ московскими богословами въ нѣкоторыхъ не строго православныхъ, католическихъ понятіяхъ; такія опасныя тенден-

(*) Древ. росс. вивліоѳика.

ціи замѣчены были въ еще сильнѣйшей степени со стороны его ученика, Сильвестра Медвѣдева. Для борьбы съ этимъ зарождавшимся разномысліемъ вызваны были изъ Греціи ученые богословы; но упорный чернецъ не сдавался. Тогда онъ былъ преданъ церковному проклятію вмѣстѣ съ своими сочиненіями; видя неминуемую бѣду, онъ покинулъ Москву и пробирался къ западнымъ границамъ царства, когда былъ схваченъ и заключенъ. Это сломило его упорство и онъ отвергъ свою ересь; но сдѣлалъ это притворно: когда стала во главѣ правительства расположенная къ нему царевна, онъ снова, по выраженію одного современника, «возвратился, какъ песъ, на свои блевотины», и упорствовалъ, пока наконецъ не былъ казненъ за участіе въ замыслахъ Шакловитаго.

До сихъ поръ полемика производилась въ сферѣ чисто религіозной, и если раскольники въ своихъ писаніяхъ касались правительственной власти и даже особы самого царя, то это происходило исключительно по поводу религіозныхъ вопросовъ; предпринятыя Петромъ великимъ преобразованія перенесли и возраженія и полемику въ сферу гражданскихъ и политическихъ понятій. Множество подметныхъ писемъ и «пасквилей», относящихся къ этой эпохѣ, уже обнародовано, но еще большее ихъ число хранится въ архивахъ. Авторы всѣхъ этихъ писаній строго розыскивались Тайнымъ приказомъ и предавались жестокимъ казнямъ. Полное собраніе законовъ представляетъ огромное количество указовъ, направленныхъ противъ подобнаго рода преступленій, которые, однакожъ, по своему характеру, *не предупредительному*, а *карательному* въ настоящей запискѣ имѣть мѣста не могутъ.

Изъ распоряженій же чисто предупредительныхъ можно указать на два; первое относится къ 1701 году и было вызвано открытіемъ участія монаховъ въ писаніи и распространеніи противу-правительственныхъ памфлетовъ: по этому поводу послѣдовалъ указъ о томъ, что «монахи въ кельяхъ никаковыхъ писемъ писать власти не имѣютъ, чернилъ и бумаги въ кельяхъ имѣти да небудутъ, но въ трапезѣ опредѣленное мѣсто для писанія будетъ»—«и то съ позволенія начальнаго» (*).

Другое распоряженіе Петра съ характеромъ предупредитель-

(*) Полн. собр. зак. т. IV № 1835.

нымъ относится къ послѣднимъ годамъ его царствованія. Со времени основанія первой въ Россіи типографіи, предназначенной для печатанія духовныхъ книгъ, власть надъ нею принадлежала патріарху, и обычай, если не законъ, предоставлялъ ему предварительный просмотръ печатаемыхъ въ ней сочиненій. Такъ патріархи жаловались, что сочиненія Полоцкаго и Медвѣдева, найденныя не православными, были выпущены безъ предварительнаго съ ихъ стороны просмотра. Это *цензированіе*, въ точномъ значеніи этого слова, и было учреждено въ московской патріархіи; но въ кіевской митрополіи книги печатались безъ вѣдома патріарха, даже и послѣ ея подчиненія общему въ Россіи духовному управленію, и нерѣдко заслуживали его неодобреніе. Поэтому состоялся въ 1720 году слѣдующій указъ (*): «Великому государю извѣстно учинилось, что въ кіевской и черниговской типографіяхъ въ печатныхъ книгахъ печатаютъ не согласно съ всеросійскими печатьми, которыя со многою противностію восточной церкви». «Того ради Его Царское Величество указалъ новопечерскому и черниговскому монастырямъ»—«вновь книгъ никакихъ, кромѣ церковныхъ, прежнихъ изданій, непечатать. А и старыя церковныя книги, для совершеннаго согласія съ всероссійскими, съ такими жъ церковными книгами справливать прежде печати». Предупредительный характеръ просмотра книгъ духовнаго содержанія вошелъ въ это же время и въ законодательство; въ духовномъ регламентѣ сказано по этому предмету: «Аще кто о чемъ богословское письмо сочинитъ, и то его не напечатать, но первѣе презентовать въ коллегіумъ, а коллегіумъ разсмотрѣть долженъ, нѣтъ ли какого въ письмѣ ономъ погрѣшенія, ученію православному противнаго».

Ограниченіе это относилось исключительно къ сочиненіямъ духовнаго содержанія, да и самая типографія академіи наукъ, предназначаясь «для сочиненія историческихъ книгъ», была изъята изъ вѣдомства св. Синода (*) (въ 1727 г.). Предоставляя духовному правительству ограничивать по своему усмотрѣнію своеволіе мысли, и весьма строгій, какъ выше замѣчено, къ рукописной литературѣ монастырей и раскольничьихъ скитовъ, царь всѣми силами поощрялъ распространеніе книгъ по воен-

(*) Полн. собр. зак. т. VII № 4578.

(*) Библ. записки, 1861 г. № 2.

нымъ наукамъ, мореплаванію, физикѣ, искуствамъ, географіи, исторіи проч., при чемъ не колебался пропускать «непригожія» выраженія относительно существовавшихъ въ то время обычаевъ и нравовъ; одно изъ историческихъ сочиненій весьма уважаемаго современниками Пуфендорфа было переводимо, по порученію государя, при чемъ, разсказываетъ Голиковъ, переводчикъ почелъ нужнымъ смягчить сужденія автора о Россіи; но царь былъ весьма этимъ недоволенъ и приказалъ возстановить текстъ подлинника во всей его рѣзкости. Были ли принимаемы этимъ государемъ мѣры къ уничтоженію книгъ, писавшихся заграницею противъ него лично — неизвѣстно; но извѣстно, что онъ платилъ деньги писателямъ изъ иностранцевъ, прославлявшимъ его; неизвѣстно также, подвергались ли въ Петрово время преслѣдованіямъ лица, читавшія неблагопріятныя царю сочиненія; но такъ какъ указаній на подобныя преслѣдованія не открыто, то можно заключить, что и самыхъ преслѣдованій не было, хотя изъ описей современныхъ библіотекъ и изъ разныхъ рукописныхъ «сборниковъ» видно, что въ рукахъ людей того времени бывали книги, впослѣдствіи признаваемыя зловредными.

Первый примѣръ признанія книги свѣтскаго содержанія вредною и преслѣдованія за чтеніе оной, замѣчается въ дѣлѣ Волынскаго; онъ былъ обвиненъ между прочимъ въ томъ, что читалъ сочиненіе Юста Липсія (какое именно, неизвѣстно). За тѣмъ послѣдовали уже формальныя запрещенія нѣкоторыхъ сочиненій, и между прочимъ переводовъ сочиненій германской богословской школы, извѣстной подъ именемъ піетистовъ. Такимъ образомъ одно изъ сочиненій главы этой школы, д-ра Арнда, «Ученіе о началѣ христіанскаго житія» было переведено на русскій языкъ въ 1735 г., напечатано за границею и вывезено въ Россію въ нѣкоторомъ числѣ экземпляровъ. Въ началѣ царствованія императрицы Елисаветы оно обратило на себя вниманіе св. синода, который представлялъ государынѣ о необходимости изъять эту книгу изъ обращенія, какъ имѣющую «титулу подъ видомъ ревности къ Богу» аки бы о истинномъ христіанствѣ, добродѣтеляхъ, о прочемъ, а въ Синодѣ оная не свидѣтельствована (*), о чемъ и послѣдовалъ указъ въ 1743 году.

(*) Библіогр записки 1861 г. № 2; замѣчательно, что, какъ нынѣ открылось, переводчикомъ этой книги былъ весьма вліятельный при императрицѣ Елисаветѣ епископъ Симеонъ Тодорскій (въ числѣ прочихъ членовъ синода, ходатайствовавшій о ея запрещеніи) и что она переведена по указанію Ѳеофана Прокоповича.

Вообще при императрицѣ Елисаветѣ случались неоднократно запрещенія книгъ, и даже не только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія, что̀ объясняется не столько распространеніемъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ книгъ и вкуса къ чтенію, сколько, съ одной стороны, религіозною ревностію государыни и вліяніемъ на нее духовенства, а съ другой многочисленными переворотами и перемѣнами въ правительствѣ нашемъ, предшествовавшими ея вступленію на престолъ. Поэтому-то вскорѣ по своемъ воцареніи она указала (27 октября 1742 г.): всѣ книги церковныя и гражданскія, «печатанныя по кончинѣ блаженныя памяти императрицы Анны Іоанновны», для переправленія объявлять», а 19 августа 1748 г. «книги россійскія и иностранныя, въ которыхъ упоминаются въ бывшихъ два правленія извѣстныя персоны, предъявлять въ де-сіансъ академію». Затѣмъ въ 1750 г. опубликованно запрещеніе ввозить въ Россію изъ за границы подобныя книги (*).

Замѣчательно при этомъ, что во исполненіе этихъ указовъ, въ синодъ безпрекословно было представлено для истребленія довольно большое количество сочиненія Арнда, а по распоряженію 1748 года свезено было въ «де-сіансъ академію» множество книгъ и даже картъ, которыхъ, какъ сказано въ сенатскомъ указѣ того же 1750 г., представлять вовсе не слѣдовало (*), черта характеристическая, рисующая, съ одной стороны, до какой степени покорствовала Россія волѣ государыни, съ другой, какъ мало дорожила она тогда книгами и другими учеными предметами (**).

Въ слѣдующемъ году было запрещено печатать «артикулы о происхожденіяхъ при дворѣ ея императорскаго величества (**)».

Такимъ образомъ мало-по-малу распространялась система ограниченія печатнаго слова, сначала, какъ сказано, предупреждая разномысліе религіозное, потомъ распространялась мало по малу и на сферу гражданской жизни. Подобно академической типо-

(*) Полн. собр. зак. т. XIII № 9794.

(*) Полн. собр. зак. т. XIII № 9805.

(**) О равнодушіи тогдашняго общества къ книгамъ есть и другія свидѣтельства: въ конторѣ московской синодальной типографіи накопилось такое множество напечатанныхъ при Петрѣ великомъ книгъ, ненаходившихъ покупателей, что въ 1752 г. ихъ приказано сжечь (Наука и литерат. при Петрѣ, въ Пекарскаго).

(**) Полн. собр. зак. т. XIII № 9903.

графіи, начали учреждаться таковыя же и при различныхъ казенныхъ вѣдомствахъ. Въ 1771 году дано дозволеніе на открытіе первой «вольной» типографіи, для печатанія только иностранныхъ книгъ, и то не иначе, какъ по полученіи каждый разъ дозволенія академіи наукъ и съ вѣдома полиціи (*). Вскорѣ потомъ, съ распространеніемъ вольныхъ типографій, были приставлены къ нимъ особые смотрители, «кои обязаны смотрѣть, чтобы въ печатаемыхъ книгахъ и прочихъ сочиненіяхъ ничего противнаго, а особливо закону (божію), правительству и благопристойности не было.» Смотрители эти были опредѣляемы отъ синода и отъ академіи; за объявленіями же и афишами вмѣнено наблюдать полиціи (*).

Чрезъ три года послѣдовалъ новый указъ, съ одной стороны распространявшій относительно учрежденія типографій общія правила фабрикъ и рукодѣлій, а съ другой подчинявшій надзоръ за книгопечатаніемъ полиціи вообще, въ столицахъ же управамъ благочинія (**). Но вольныя типографіи скоро возбудили противъ себя подозрѣніе, а именно по случаю типографской и издательской дѣятельности извѣстнаго Новикова, въ Москвѣ, и учрежденнаго имъ «Дружескаго общества». Этотъ необыкновенно дѣятельный и энергическій человѣкъ умѣлъ найти въ средѣ тогдашняго общества необходимые капиталы, усердныхъ тружениковъ и талантливыхъ писателей (онъ вызвалъ на литературное поприще и Карамзина) и съ помощью тѣхъ и другихъ издавалъ журналы, отдѣльныя сочиненія, матеріалы отечественной исторіи, изъ коихъ значеніе послѣднихъ уступаетъ развѣ изданіямъ археографическихъ коммисій.

Тѣмъ не менѣе этотъ полезнѣйшій соревнователь отечественнаго просвѣщенія подвергся подозрѣніямъ правительства, встревоженнаго началомъ французской революціи. Императрица писала въ 1786 году къ московскому митрополиту Платону между прочимъ слѣдующее: «Въ разсужденіи, что изъ типографіи Новикова выходятъ многія странныя книги, призовите къ себѣ помянутаго Новикова и прикажите испытать его въ законѣ, равно и книги его типографіи освидѣтельствовать: не скрывается ли

(*) Полн. собр. зак. т. XIX № 13,572.
(*) Полн. собр. зак. т. XX № 15019.
(**) Полн. собр. зак. т. XXI № 15634.

въ нихъ умствованій, несходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности»... Не взирая на благопріятные отзывы архипастыря, по настоянію главнокомандующаго Москвы, кн. Прозоровскаго, часть книгъ Новикова была конфискована, типографія закрыта, и самъ онъ съ нѣсколькими его друзьями былъ сосланъ; московскимъ же типографіямъ было повелѣно «остерегаться издавать книги съ подобными мудрствованіями (*).

Вскорѣ послѣ того, въ 1790 году, появилась въ печати книга подъ названіемъ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», соч. Радищева, наполненная, какъ сказано въ именномъ указѣ императрицы Екатерины, «самыми вредными умствованіями.» Книга эта была цензирована по установленному порядку, но напечатана съ прибавкою, сверхъ пропущенныхъ цензурою, еще нѣсколькихъ листовъ, въ собственной типографіи автора. Радищевъ былъ за это преданъ суду при с.-петербургской уголовной палатѣ и приговоренъ къ смертной казни; но императрица опредѣлила сослать его въ Сибирь, въ Илимскій острогъ на десять лѣтъ (*).

Между тѣмъ, какъ злоупотребленія со стороны вольныхъ типографій повидимому продолжались, а успѣхи французской революціи дѣлали правительство наше болѣе подозрительнымъ, то типографіи эти были закрыты; бдительность внутренней цензуры усилена, а въ различныхъ пограничныхъ пунктахъ учреждены цензурныя управленія для разсмотрѣнія иностранныхъ, ввозимыхъ въ Россію книгъ (**). Это было одно изъ послѣднихъ распоряженій императрицы Екатерины II; оно относится къ 1796 году.

Но иностранныя сочиненія становились потребностію для нашего общества и безвозвратно миновало уже то время, когда по первому призыву правительства, русскіе спѣшили отдавать на auto da fé даже и тѣ книги, которыя не были требуемы: въ

(*) Полн. собр. зак. т. XXII № 16362 и брош. г. Лонгинова: «Новиковъ и Шварцъ.» При этомъ было запрещено и опечатано нѣсколько сочиненій, а именно: а) О заблужденіяхъ и истинѣ, б) апологія или защищеніе вольныхъ каменьщиковъ, в) Братское увѣщаніе, г) Хризомандеръ, аллегорическая и сатирическая повѣсть д) Карманная книжка, е) Парацельса химическая, псалтырь.

(*) Полн. собр. зак. т. XXIII № 16901.

(**) Полн. собр. зак. т. XXIII № 17508.

одномъ изъ указовъ императора Павла мы читаемъ слѣдующее: французское правительство «старается распространять посредствомъ сочиненій свои безбожныя правила» и разсѣвать эти сочиненія и газеты; «съ своей стороны и газетчики отступаютъ отъ прямой цѣли должности своей и ищутъ»—«подражать имъ, и къ сожалѣнію, власти нѣкоторыя взираютъ на сіе съ спокойнымъ духомъ» (*).

Строки эти очень важны для характеристики нашего общества въ исходѣ XVIII вѣка, и доказываютъ, что дѣло цензуры сдѣлалось при Павлѣ уже гораздо затруднительнѣе, нежели было при Елисаветѣ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, цензура была приглашена къ новой бдительности. Какимъ образомъ проявлялась эта бдительность, въ чемъ состояло ограниченіе, въ архивахъ цензурнаго вѣдомства мало указаній; въ нихъ сохранилось всего три дѣла относящихся къ 1798—99 годамъ; одно изъ нихъ возникло по поводу нѣмецкаго сочиненія: Unser Jahrhundert, oder Darstellung der interessantesten Merkwürdigkeiten und Begebenheiten der groessten Männer, etc von D. H. Stöfer, въ которомъ были замѣчены «предосудительныя израженія о прежде бывшей россійской Верховной Власти», почему и повелѣвалось по Высочайшей волѣ ее истребить ($_{*}$). Второе дѣло заключается въ предписаніи, данномъ бывшимъ с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ гр. Паленымъ, истребить по Высочайшему повелѣнію найденныя въ книжныхъ лавкахъ 1211 экземпляровъ извѣстной комедіи «Ябеда», (**) и наконецъ, третье дѣло заключаетъ переписку между гр. Паленымъ и бывшимъ генералъ-прокуроромъ Беклешовымъ, объ отобраніи изъ книжныхъ лавокъ сочиненія, напечатаннаго въ 1796 году подъ названіемъ «Дворянинъ философъ» ($_{**}$).

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра восторжествовали иныя начала, нежели тѣ, на которыя указываютъ выше приведенные случаи. Въ началѣ 1802 года былъ обнародованъ слѣдующій указъ: ($^{*}_{*}$) Пятилѣтній опытъ доказалъ,— изо-

(*) Полн. собр. зак. т. XXV № 18524.
($_{*}$) Дѣло ком. иностр. цензуры. № $\frac{3259}{34}$
(**) Дѣло ком. иностр. ценз. № $\frac{1781}{33}$.
($_{**}$) Дѣло ком. ин. ценз. № $\frac{3435}{35}$.
($^{*}_{*}$) Полн. собр. зак. т. XXVII № 20139.

бражено въ этомъ указѣ о предшествовавшей системѣ,—что средство сіе было весьма недостаточно къ достиженію предположенной имъ цѣли». Поэтому и «по причинѣ измѣнившихся обстоятельствъ» повелѣвалось «освободивъ сію часть отъ препонъ», подчинить типографіи и внутренній порядокъ изданія книгъ правиламъ указа 1786 года, постановлявшимъ типографіи подъ одну категорію съ фабриками и рукодѣліями, при чемъ предоставлялось имъ право «печатать книги на всѣхъ языкахъ, наблюдая только, чтобъ не было ничего въ нихъ противнаго законамъ божіимъ и гражданскимъ, или къ явнымъ соблазнамъ клонящагося, «на каковой конецъ печатныя книги свидѣтельствовать отъ управы благочинія «въ столицахъ;» а за самовольное напечатаніе соблазнительныхъ (книгъ), не только книги конфисковать, но и виновныхъ за преслушаніе закона наказывать». Распоряженіе это дополнялось предоставленіемъ свидѣтельствованія напечатанныхъ уже внутри имперіи книгъ губернаторамъ, которые могли, по своему усмотрѣнію, употреблять для этого директоровъ народныхъ училищъ. Затѣмъ были уничтожены цензуры въ городахъ и портахъ. Изъ мѣры этой изъяты только: 1) книги духовнаго содержанія, долженствовавшія, по прежнему, подлежать предварительному просмотру духовной цензуры и печататься не иначе, какъ въ синодальныхъ типографіяхъ, и 2) книги, издаваемыя учеными обществами, подлежавшія одобренію самыхъ этихъ обществъ.

Такимъ образомъ въ началѣ нынѣшняго вѣка сдѣланъ былъ опытъ отмѣненія въ Россіи предварительной цензуры и системы обыкновеннаго преслѣдованія за преступленія печатнаго слова.

Замѣчательно, что въ то же время возникла мысль о весьма обширномъ періодическомъ изданіи, которое предполагалось назвать «Правительственнымъ журналомъ». (*) Авторъ этого предположенія, бывшій адъюнктъ московскаго университета, Баккаревичъ, излагаетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ: «Въ семъ журналѣ помѣщаемы будутъ всѣ государственные акты и бумаги, каковые только благоразуміе правительства почтетъ за благо обнародовать, какъ то: Высочайшие манифесты; рескрипты, «журналы всѣхъ Высочайшихъ путешествій, бывшихъ, или имѣющихъ быть; всѣ новыя узаконенія и уставы, если они не слиш-

(*) Дѣло деп. нар. просв. № 9735.

комъ обширны; реляціи министровъ и полководцевъ, описанія военныхъ экспедицій, сраженій и побѣдъ и разные трактаты съ иностранными дворами; примѣчательнѣйшія письма къ Императорскому Величеству или къ знаменитымъ государственнымъ особамъ; голоса и мнѣнія какъ гг. сенаторовъ, такъ и другихъ верховныхъ чиновниковъ относительно къ важнымъ дѣламъ; примѣчательнѣйшія тяжбы; достопамятнѣйшія уголовныя дѣла, рѣшенныя или въ правительствующемъ сенатѣ, или въ палатахъ, или въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, съ показаніемъ ихъ теченія и производства. Далѣе помѣщаемы будутъ краткія описанія жизни и дѣяній великихъ россійскихъ патріотовъ и героевъ, прославившихъ или спасшихъ отечество. Помѣщаемы будутъ всѣ новые одобренные проекты, писанные яснымъ и чистымъ слогомъ; всѣ новыя полезныя открытія, въ какомъ бы то родѣ ни было, всѣ основательныя разсужденія, относительныя къ общественной пользѣ; о законодательствѣ, напримѣръ, о земледѣліи, торговлѣ, пчеловодствѣ, о воспитаніи юношества; также всякія патріотическія мысли, всякія характерическія черты россійскаго народа, всякіе примѣры добродѣтели; словомъ это будетъ хранилище всѣхъ домашнихъ, такъ сказать, важнѣйшихъ государственныхъ происшествій»....

Г. Баккаревичъ представилъ свой проектъ министру народнаго просвѣщенія черезъ Н. Н. Новосильцова, непосредственному вѣдѣнію котораго онъ и предполагалъ подчинить изданіе. Въ его понятіи изданіе это должно было сдѣлаться архивомъ необходимыхъ для отечественной исторіи матеріаловъ: «родится—писалъ онъ—россійскій Тацитъ, россійскій Робертсонъ и найдетъ въ семъ обширномъ хранилищѣ богатый запасъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ», недостатокъ которыхъ, замѣчалъ г. Баккаревичъ, и составляетъ существенную причину невозможности написать исторію Россіи; поэтому онъ полагалъ предоставить редактору этого изданія званіе «исторіографа россійской имперіи». Всѣ матеріалы, долженствующіе войти въ этотъ журналъ, по предположенію автора проекта, обязаны были сообщать въ редакцію онаго министры и главноуправляющіе вѣдомствами.

Обширное это предположеніе, однакожъ, не состоялось. Тогдашній министръ просвѣщенія, гр. Заводовскій, представилъ Государю Императору, что въ замышляемое изданіе должны войти «такія статьи, которыя едва ли можно позволить издавать въ свѣтъ

частному человѣку», каковы манифесты, рескрипты,—которые, будучи напечатаны неисправно, могутъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Кромѣ того, министръ полагалъ, что слишкомъ трудно найти людей, довольно способныхъ и просвѣщенныхъ, для составленія редакціи подобнаго изданія, и что наконецъ, еслибъ такіе люди и нашлись, то потребовали бы слишкомъ большаго содержанія, а при этомъ и самое изданіе едва ли могло бы окупиться.

Причины, приводимыя гр. Завадовскимъ противъ предложенія г. Баккаревича, очевидно весьма слабы и дозволяютъ догадываться, что имъ были представлены въ свое время другія, болѣе уважительныя, или болѣе въ то время имѣвшія значенія. Повидимому, мысль о гласности въ дѣлахъ правительственныхъ дѣйствій встрѣчала въ это время со стороны правительственныхъ лицъ неодобреніе и даже положительное противодѣйствіе. Въ Высочайшемъ указѣ объ устройствѣ училищъ, послѣдовавшемъ въ началѣ 1803 г., (*) уже упоминается о цензурѣ (§ 30), и хотя слово это тогда безразлично употреблялось относительно предварительнаго, какъ и послѣдующаго за напечатаніемъ, просмотра сочиненій, но нѣкоторыя современныя дѣла не оставляютъ сомнѣнія, что начало предварительной цензуры уже преобладало. Такъ Н. Н. Новосильцовъ препровождалъ сообщенную ему рукопись: «Траянъ и Александръ» къ гр. Завадовскому, прося его «приказать разсмотрѣть оную цензурѣ *для одобренія къ напечатанію*». (*) Даже еще ранѣе, въ 1802 году, то есть чрезъ полгода послѣ обнародованія указа о «свидѣтельствованіи *печатныхъ* книгъ», нѣкто Августъ Видманъ представлялъ министру народнаго просвѣщенія рукопись, жалуясь, что с.-петербургская цензура *не дозволила ее напечатать* подъ предлогомъ, что «ему не слѣдуетъ писать о таковыхъ матеріяхъ и что сіе принадлежитъ однимъ знатнымъ особамъ,» и прося о дозволеніи ее напечатать (**).

Итакъ, въ тоже время, какъ въ сферѣ правительственной, начало предварительной цензуры получало перевѣсъ, оно получало перевѣсъ и въ средѣ самаго общества. Обстоятельство

(*) Пол. соб. зак. т. XXVII № 20597.
(*) Дѣло деп. нар. просв. № 9748.
(**) Дѣло деп. нар. просв. № 9743.

это не покажется удивительнымъ, если сообразить, что лишь при извѣстной силѣ общественнаго мнѣнія и при извѣстныхъ условіяхъ юридическаго развитія государства, такъ называемая карательная система цензуры представляетъ для писателя достаточныя гарантіи (*); послѣдствія, къ которымъ приводитъ предварительное цензированіе, мудрено было въ то время предвидѣть, и многимъ, если не всѣмъ, безопаснѣе должно было казаться, знать напередъ мнѣніе правительства о своемъ сочиненіи, нежели рисковать, что оно будетъ конфисковано и самъ авторъ подвергнется преслѣдованіямъ.

Подобныя случаи бывали нерѣдко. Въ 1803 году былъ пріостановлена продажа написаннаго барономъ Унгернъ-Штернбергомъ сочиненія: «Jst die von einigen des Adels projectirte Einführung der Freyheit unter dem Bauernstande in Livland dem Staatsrechte Russlands conform?» — Экземпляры онаго сожжены и автору объявлено «негодованіе Его Величества за столь дерзновенный поступокъ (*). Подобнымъ же образомъ отобраны изъ книжныхъ лавокъ экземпляры сочиненія Пнина: «Опытъ о просвѣщеніи относительно къ Россіи». (**) Московскій военный губернаторъ, Беклешовъ, пріостановилъ продажу сочиненія: «Abrégé de l'histoire de Russie,» которое, по разсмотрѣніи его цензурою, было признано «содержащимъ множество погрѣшностей», а потому запрещено (**). Московскій же военный губернаторъ, гр. Солтыковъ, опечаталъ сочиненіе: «Кумъ Матвѣй», переведенное съ французскаго и дозволенное для продажи московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, а книгопродавцевъ, у которыхъ оно продавалось, арестовалъ (**). Распоряженіе гр. Солтыкова не было одобрено въ С.-Петербургѣ; арестованныхъ книгопродавцевъ Государь Императоръ повелѣлъ освободить, а министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, увѣдомилъ о томъ одного изъ нихъ вѣжливымъ письмомъ; впослѣдствіи и убытки, понесенные распоряженіемъ гр. Солтыкова, были возна-

(*) Мысль эта положительно выражена въ настоящее время многими лицами, заявлявшими свое мнѣніе по поводу возбужденнаго вопроса о преобразованіи цензуры (см. въ концѣ настоящей записки.)

(*) Дѣла ком. иностр. ценз. №№ 895 и 1194.

(**) Дѣло деп. нар. просв. № $\frac{605}{37}$.

(**) Дѣло ком. иностр. ценз. № $\frac{482}{18}$.

(**) Дѣло. ком. иностр. ценз № $\frac{871}{4}$.

граждены изъ суммъ кабинета (*), тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что ни авторы, ни издатели и продавцы книгъ не могли чувствовать себя безопасными и, какъ выше сказано, весьма естественно желали знать заблаговременно взглядъ правительства на издаваемыя и продаваемыя ими сочиненія.

Выше приведенный указъ 1802 г., столь по духу своему либеральный, возлагая на мѣстныя власти надзоръ за непродажею книгъ недозволеннаго содержанія и неопредѣлявшій съ точностію, въ чемъ состоитъ недозволительность эта, подавалъ, какъ видно изъ предъидущаго, поводъ къ большимъ стѣсненіямъ.

Замѣчательно при этомъ, что въ то же самое время (1802—1804), когда такъ круто поступаемо было съ произведеніями литературы, и такъ подозрительнымъ казалась всякая свобода мысли, по ходатайству Н. Н. Новосильцова печаталось сочиненіе объ англійской конституціи (*), обстоятельство, разительно подтверждающее сдѣланное уже литературою нашею замѣчаніе о томъ глубокомъ различіи, которое заключалось въ понятіяхъ самого Государя и его молодыхъ приближенныхъ съ понятіями людей, завѣщанныхъ ему предшествующимъ временемъ.

II.

Какъ ни маловажно было шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ значеніе литературы въ числѣ общественныхъ потребностей, взывавшихъ къ удовлетворенію, на нее, однакожъ, обращено вниманіе при обширныхъ преобразованіяхъ, задуманныхъ въ первые годы царствованія Императора Александра. Практика указывала, казалось, на преимущество предварительнаго просмотра сочиненій; при этомъ требовалось только, казалось, дать положительныя указанія на то, что̀ правительство считаетъ дозволеннымъ и что̀ оно рѣшилось недозволять. Таковы, можно думать, были побужденія, вызвавшія составленіе «устава о цензурѣ», который и былъ обнародованъ въ началѣ 1804 года.

Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, гр. Заводовскій, въ докладѣ, при которомъ онъ представлялъ проектъ устава,

(*) Дѣло ком. иностр. ценз. № $\frac{872}{15}$.

(*) Дѣло ком. иностр. ценз. № $\frac{926}{26}$.

писалъ между прочимъ: «Сими постановленіями ни мало не стѣсняется свобода мыслить и писать, но токмо взяты пристойныя мѣры противъ злоупотребленія оной». (**) Дѣйствительно, уставъ 1804 года есть самый либеральный изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ у насъ цензурныхъ уставовъ, и едва ли не самый лучшій, потому что онъ самый краткій; послѣдующіе уставы, особенно уставъ 1826 года, старались предусмотрѣть всѣ виды отклоненія мысли отъ указаннаго ей пути; и, естественно, вдавались въ безполезную казуистику. Вотъ существеннѣйшія основанія устава 1804 года:

§ 15. «Цензура наблюдаетъ относительно пропускаемыхъ ею къ печатанію сочиненій, чтобъ ничего не было въ оныхъ противнаго закону божію, правленію, нравственности и личной чести какого либо гражданина. Цензоръ, одобрившій книгу или сочиненіе, противное сему предписанію, какъ нарушитель закона, подвергается отвѣтственности, по мѣрѣ важности вины.»

§ 16. «Если цензоръ, въ доставленной ему рукописи, найдетъ нѣкоторыя мѣста, противныя означенному въ предъидущемъ 15 пун. предписанію, то не дѣлаетъ самъ собою никакихъ въ оныхъ поправокъ; но, означивъ таковыя мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, дабы онъ самъ перемѣнилъ, или исключилъ оныя. По возвращеніи же исправленной такимъ образомъ рукописи, цензоръ одобряетъ ее къ напечатанію».

§ 21. «Впрочемъ цензура, въ запрещеніи печатанія, или пропуска книгъ и сочиненій руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, удаляясь всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ оныхъ, которыя, по какимъ либо мнимымъ причинамъ кажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать».

§ 22. «Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законоположенія, управленія государственнаго, или какой бы то ни было отрасли правленія, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тисненія, возвышающею успѣхи просвѣщенія».

(**) Полн. соб. зак. т. XXVIII № 21388.

Вмѣстѣ съ этими постановленіями, далеко обгонявшими многія изъ изданныхъ впослѣдствіи, находится, впрочемъ, и слѣдующее распоряженіе о рукописяхъ, «исполненныхъ мыслей и выраженій, явно отвергающихъ бытіе божіе, вооружающихся противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющихъ верховную власть, или совершенно противныхъ духу общественнаго устройства или тишины; такія рукописи повелѣвалось цензорамъ, недопуская къ печати, объявлять правительству для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ» (§ 19).

Что касается до организаціи цензурнаго управленія, то при каждомъ университетѣ, изъ профессоровъ онаго, былъ учрежденъ комитетъ для разсматриванія рукописей, а въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе комитетовъ, предоставлялось аппелировать на нихъ въ Главное правленіе училищъ.

Такимъ образомъ цензурное управленіе сосредоточивалось въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; но, во первыхъ, надобно замѣтить, что изъ круга его дѣйствій были изъяты: сочиненія духовнаго содержанія (подчиненныя духовной цензурѣ), періодическія изданія иностранныя, получаемыя чрезъ почту (и тамъ цензируемыя), и, наконецъ, изданія ученыхъ обществъ (одобряемыя къ печатанію самими этими обществами). Всѣ эти послѣднеисчисленныя сочиненія разсматривались на основаніи особыхъ правилъ, воззрѣній и цѣлей, что не могло не оказывать вліянія и на цензуру общую и не сообщать ей толчковъ и колебаній. Во вторыхъ, наблюденіе за необращеніемъ въ продажѣ сочиненій неодобрительнаго содержанія было предоставлено мѣстнымъ управленіямъ (*) и министерству внутреннихъ дѣлъ, что равномѣрно неизбѣжно должно было подчинять дѣйствія общей цензуры внѣшнимъ вліяніямъ и дѣлало рѣшенія цензурныхъ управленій неокончательными, всегда подверженными кассированію со стороны другихъ властей.

Неудобства, отъ этого происходящія, незамедлили обнаружиться, равно какъ и различныя направленія, происходившія отъ различія въ мнѣніяхъ правительственныхъ лицъ и политическихъ отношеній того времени. Преобразованная въ это время «комми-

---

(*) Высочайшее повелѣніе 1 мая 1804 г., о немъ упоминается въ дѣлѣ комит. ценз. иностр. № 871, да и самый уставъ (§ 34) предполагаетъ со стороны мѣстнаго управленія право запрещать обращающіяся въ продажѣ сочиненія.

сія составленія законовъ», во вступленіи въ первую часть своихъ трудовъ, «приглашала просвѣщенныхъ соотечественниковъ и всѣхъ друзей человѣчества доставлять къ ней основательныя замѣчанія, до занятій ея касающіяся. Вслѣдствіе этого вызова представлены были въ с.-петербургскій цензурный комитетъ нѣсколько рукописей, а именно: «Ideen über Gesetzbuch und ihre Gegenstände etc» и «Beantwortung der gemachten Bemerkung über die östländischen Bauerverfassung». Обѣ эти рукописи были устранены отъ обнародованія и препровождены къ авторамъ для доставленія, если желаютъ, непосредственно въ коммисію (*).

По поводу политическихъ отношеній Россіи къ другимъ державамъ, положеніе цензуры и самихъ авторовъ и книгопродавцевъ сдѣлалось затруднительнымъ. Еще съ 1802 г., свободно обращались въ продажѣ книги: «Histoire de Bonaparte» и «Du commerce francais dans l'état actuel de l'Europe, наполненныя напыщенными похвалами императору французовъ и представлявшія его протекторатъ спасеніемъ для всей Европы. Въ началѣ 1807 года, то есть во время войны съ Франціей, книги эти обратили на себя вниманіе и были препровождены с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, Вязмитиновымъ, къ предсѣдателю цензурнаго комитета, Новосильцову (*). Комитетъ этотъ, «во уваженіе нынѣшнихъ обстоятельствъ», нашелъ названныя сочиненія недозволительными; авторъ первой изъ нихъ, доносилъ онъ гр. Завадовскому (**), «вообще обнаруживаетъ себя попеременно то почитателемъ революціи и всѣхъ ея ужасовъ, то подлымъ обожателемъ хищниковъ трона».—«Сверхъ того, сочинитель этой книги отъ начала до конца превозноситъ Бонапарте, какъ нѣкое божество, расточаетъ ему самыя подлыя ласкательства, представляетъ всѣ его властолюбивыя дѣянія въ самомъ благовидномъ видѣ; всѣ его несправедливыя присвоенія и хищничества представляетъ праведными и законными». Въ книгѣ «Du commerce etc.», цензурный комитетъ также замѣчалъ непохвальное направленіе, а именно: «порицаніе англійскаго правительства, будто оно золотомъ своимъ подкупаетъ прочія

(*) Журн. глав. учил. прав. 4 мая 1805 г, и донесеніе цензора 29 сентября 1808 г. въ дѣлахъ глав. ценз. Комитета.

(*) Н. Н. Новосильцовъ поступилъ въ эту должность въ 1807 г., послѣ гр. П. А. Строгонова.

(**) Дѣло ком. иностр. ценз. № 39.

европейскія державы (а слѣдовательно и Россію) къ союзу противъ Франціи»; «будто Англія есть единственная причина всякой войны въ Европѣ» и пр. По всѣмъ этимъ уваженіямъ обѣ названныя книги были изъяты изъ обращенія.

Совершенно другимъ образомъ глядѣла цензура черезъ годъ на дозволительность и недозволительность политическихъ симпатій и антипатій. Издатель «Русскаго вѣстника», С. Глинка, извѣстный между прочимъ своею непримиримою враждою противъ Наполеона, не счелъ нужнымъ измѣнять свой образъ мыслей и послѣ тильзитскаго мира. Министръ народнаго просвѣщенія нашелъ это недозволительнымъ и писалъ т. с. Новосильцову, что въ журналахъ нашихъ «возникаютъ нелѣпыя разсужденія отъ неразумѣющихъ государственныхъ политическихъ соотношеній» (*).

Независимо отъ вышеприведенныхъ соображеній, основанныхъ на политическихъ отношеніяхъ Россіи, цензура руководствовалась и другими, непредвиденными уставомъ 1804 года, и запрещала рукописи, лишенныя литературныхъ или ученыхъ достоинствъ. Такъ, въ 1808 г. остановлено было сочиненіе «Гирлянда милымъ женщинамъ», по причинѣ «недостатка въ смыслѣ» (*); такъ гр. Завадовскій сдѣлалъ въ томъ же году замѣчаніе с.-петербургскому комитету за то, что въ пропущенной имъ книгѣ «Духъ великаго Суворова», онъ «не уважилъ ни писанія, не вездѣ смыслъ поддерживающаго, ниже нелѣпостей, коими (книга эта) наполнена» (**).

Конфискаціи, коихъ одинъ примѣръ приведенъ выше, бывали въ это время весьма нерѣдки, особенно относительно иностранныхъ и переводныхъ сочиненій. Въ 1807 году конфисковано было сочиненіе подъ заглавіемъ «Ежедневныя христіанскія упражненія по руководству слова Божія», напечатанное еще въ 1801 г., и свободно обращавшееся; подверглось же оно запрещенію потому, что напечатано было не въ типографіи духовнаго вѣдомства и безъ дозволенія св. синода, хотя въ приговорѣ этому сочиненію не упоминается, чтобъ оно было противно цензурнымъ правиламъ (**). Подъ тѣмъ же годомъ встрѣчается дѣло, со-

(*) Дѣло глав. ценз. ком , отм. 19 апрѣля 1808 г.

(*) Жур. спб. ценз. ком. 9 іюня 1808 г.

(**) Предписаніе отъ 9 сентября 1808 г., въ дѣлахъ С.-пбур. ценз. комит.

(**) Дѣло ком. ценз. иностр. № $\frac{222}{99}$.

стоящее изъ коротенькаго объявленія (на французскомъ языкѣ), сдѣланнаго книгопродавцемъ Клостерманомъ, слѣдующаго содержанія: «Его превосходительство, г. военный губернаторъ Вязмитиновъ, поручилъ мнѣ объявить моимъ собратамъ (confrères), что если у нихъ имѣется брошюра: «Réflexions sur la paix conclue», etc., то чтобы они немедленно донесли о томъ его превосходительству». Подъ этимъ лаконическимъ, но выразительнымъ объявленіемъ значатся подписи всѣхъ тогдашнихъ книгопродавцевъ, удостовѣряющія въ извѣстности имъ содержанія онаго (*). Впрочемъ, какая судьба постигла заявленные такимъ образомъ экземпляры «Réflexions», неизвѣстно.

Цензурныхъ дѣлъ за періодъ времени 1804—1811 годовъ сохранилось вообще немного, но тѣ, которыя сохранились, почти исключительно касаются конфискацій. Въ сентябрѣ 1807 года было отобрано болѣе 5000 экземпляровъ сочиненія: «Тайная исторія новаго французскаго двора», переведеннаго съ нѣмецкаго съ дозволенія (въ 1806 году) с.-петербургскаго комитета (⁎), ихъ велѣно было, какъ значится въ предписаніи с.-петербургскаго военнаго губернатора, Кн. Д. И. Лобанова-Ростовскаго, оберъ полиціймейстеру Эртелю (**) «истребить огнемъ». Но это autodafé обошлось не дешево: издатель «Тайной исторіи» потребовалъ удовлетворенія за убытки и по Высочайшему повелѣнію ему было выдано изъ кабинета 6,500 руб.

Не всегда, однакожъ, подобные случаи оканчивались такъ благополучно для издателей и для книгопродавцевъ, особенно относительно иностранныхъ книгъ. Цензура, установленная указомъ 1796 года, на различныхъ пограничныхъ пунктахъ, была уничтожена указомъ 1802 года; уставомъ же 1804 года (§ 27) предписывалось книгопродавцамъ не торговать книгами, «противными предписаніямъ», и отъ времени до времени доставлять въ цензуру свои каталоги. Разсматривая эти каталоги, цензура конечно могла указывать книгопродавцамъ на нѣкоторыя, извѣстныя ей, недозволительныя сочиненія, но за исключеніемъ этихъ указаній, торговцы не имѣли другаго руководства относительно дозво-

(*) Дѣло ком. ценз. иностр. № $\frac{1186}{44}$.

(⁎) Дѣла ком. ценз. иностр. №№ $\frac{43}{985}$ и $\frac{42}{771}$.

(**) Эртель былъ въ этой должности до 1808 года.

лительности книгъ, какъ свой собственный тактъ; а какъ взглядъ на этотъ предметъ подвергался въ то время весьма значительнымъ и частымъ колебаніямъ, то торговцамъ иностранныхъ книгъ постоянно грозили слова устава: «опасеніе строгаго отвѣта и взысканіе по законамъ». Въ 1806 г. привезено было къ петербургскому книгопродавцу Динеману нѣсколько экземпляровъ сочиненія «Feldzug von 1805», неблагопріятнаго нашей арміи,— вслѣдствіе чего г-лъ Вязмитиновъ адресовалъ на имя выборгскаго губернатора, Обрескова, слѣдующую записку: «По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію препровождаемаго при семъ книгопродавца Динемана благоволите, ваше высокопревосходительство, приказать выслать за границу и меня увѣдомить.» (*) Повѣренный Динемана въ С.-Петербургѣ ходатайствовалъ о дозволеніи ему возвратиться, объясняя, что выписанная имъ книга, хотя и дѣйствительно подвергалась запрещенію цензуры, но уже въ то время, когда было сдѣлано распоряженіе о ея высылкѣ; въ просьбѣ этой однакожь было отказано, потому ли, что приводимое въ ней объясненіе оказалось несправедливымъ, или по другимъ соображеніямъ,—неизвѣстно.

Слѣдить за иностранными книгами было крайне трудно цензурнымъ комитетамъ, весьма не сильнымъ въ то время по своему личному составу. Неуспѣвая прочитывать всего привозимаго изъ заграницы, они исходатайствовали у Главнаго правленія училищъ довольно оригинальное распоряженіе, а именно: о порученіи одному дрезденскому книгопродавцу сообщать русской цензурѣ о книгахъ недозволительнаго (по ея уставу) содержанія (*). Но это, разумѣется, не спасало ни цензурныхъ комитетовъ отъ замѣчаній, ни русскихъ книгопродавцевъ отъ конфискацій, которыя, какъ сказано, были весьма многочисленны. Неизчисляя ихъ, обратимся къ перемѣнѣ, которая произошла въ самомъ устройствѣ цензурной части.

Наблюденіе за необращеніемъ книгъ недозволеннаго содержанія было искони возложено, какъ уже замѣчено неоднократно, на мѣстныя административныя власти. Въ 1811 году, при общемъ учрежденіи министерствъ, организовано было особое вѣдомство полиціи,

---

(*) Дѣло ком. ценз. иностр. № 46. Вмѣстѣ съ нимъ выславъ и иностранецъ Женоки, но по какому поводу, неизвѣстно.

(*) Журн. Ком. цен. иност. 25 мая 1805 г.

котораго кругъ дѣйствія былъ опредѣленъ словами: «вѣдаетъ всѣ учрежденія къ охраненію внутренней безопасности» (*). Въ самомъ «наказѣ министерству полиціи» между прочимъ къ обязанностямъ «особой канцеляріи» министра была отнесена «цензурная ревизія», то есть надзоръ за книгопродавцами, типографіями, наблюденіе, «чтобъ не обращались книги, журналы, мелкія сочиненія и листки безъ установленнаго отъ правительства дозволенія», «и иностранныя сочиненія неодобрительнаго содержанія.» Кромѣ сего, наконецъ, этому министерству предоставлено было выдавать «дозволенія на представленія новыхъ театральныхъ сочиненій и на напечатаніе афишъ, объявленій и т. п. (*) Такимъ образомъ, министерству полиціи предоставлена была нѣкоторымъ образомъ повѣрка цензуры; ему поручалось имѣть наблюденіе, чтобъ не обращалось такихъ книгъ, которыя «хотя и бывъ пропущены цензурою, подавали бы поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, общему порядку и спокойствію противнымъ», и «если министръ полиціи усмотритъ»,—изъяснено въ наказѣ—о таковыхъ книгахъ, то предоставлялось ему сноситься съ министромъ просвѣщенія, или же представлять о нихъ съ своими замѣчаніями на Высочайшее усмотрѣніе. Наконецъ, хотя дозволеніе открывать типографіи было предоставлено министру народнаго просвѣщенія, но не иначе, однакожъ, какъ по полученіи согласія министра полиціи.

Ген.-адъют. А. Д. Балашовъ, бывшій с.-петербургскій оберъ полиціймейстеръ, назначенный министромъ вновь учрежденнаго вѣдомства, немедленно обратился къ гр. Разумовскому съ просьбою приказать цензурнымъ комитетамъ доставлять ему свѣдѣнія о книгахъ, ими одобряемыхъ къ напечатанію, не дѣлать публикацій и не печатать частныхъ объявленій безъ дозволенія полиціи. Нѣкоторыя ученыя общества, имѣвшія свои собственныя періодическія изданія, доходами отъ которыхъ они существовали, нашли неудобства въ точномъ исполненіи послѣдняго требованія г-на Балашова, который согласился оставить нѣкоторыя публикаціи на прежнемъ основаніи, за исключеніемъ между прочимъ публикацій о книгахъ (**).

(*) Полн. собр. зак. т. XXXI № 24686.
(*) Полн. собр. зак. т, XXXI № 24687.
(**) Дѣло деп. нар. пр. № $\frac{10972}{845}$.

Затѣмъ, приступивъ къ организованію новаго министерства, учрежденіе которое, по видимому, было весьма одобряемо тогдашними государственными людьми, г-лъ Балашовъ задумалъ устроить при особой канцеляріи своей особый комитетъ для «цензурной ревизіи.» Предположеніе это было внесено имъ въ комитетъ министровъ, который, одобривъ оное во всѣхъ частяхъ, поручилъ ему представить о томъ на Высочайшее утвержденіе (*).

Въ засѣданіи комитета министровъ, въ которомъ обсуждалось предположеніе г-ла Балашова, почему то не находился министръ просвѣщенія; на сообщенный же ему проэктъ полицейскаго цензурнаго комитета онъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія (*). Гр. Разумовскій не усматривалъ» въ наказѣ министерству полиціи« «достаточнаго повода для подобнаго учрежденія; «по предположенію г-ла Балашова, писалъ онъ, «возлагается на комитетъ обязанность просматривать вновь всѣ выходящія на россійскомъ языкѣ книги и сочиненія, хотя бы они и были, впрочемъ, одобрены цензурою. Сею статьею состоящіе въ вѣдѣніи министерства просвѣщенія цензурные комитеты совершенно лишаются сдѣланной имъ уставомъ о цензурѣ довѣренности и дѣйствіе ихъ становится излишнимъ. Слова 2-й ст. § 84 Высочайше утвержденнаго учрежденія министерства полиціи: «Если министръ полиціи усмотритъ» и пр., не могли содержать въ себѣ ту мысль, чтобы всѣ сочиненія были вновь разсматриваемы въ министерствѣ полиціи, а означаютъ, по моему мнѣнію, только: «Если дойдетъ до свѣдѣнія министра полиціи и проч.»

«Комитетъ этотъ, продолжалъ гр. Разумовскій, предполагается раздѣлить на 4 отдѣленія и предоставить ему просмотръ сочиненій по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній; но едва ли въ немъ можно надѣяться собрать потребное для этого количество специалистовъ.» «Далѣе, писалъ гр. Разумовскій, г-лъ Балашовъ предполагаетъ подчинить предварительному просмотру всѣ вновь привозимыя изъ за границы книги: если ихъ свозить въ Петербургъ, то это будетъ смертельнымъ ударомъ для книжной торговли и вредно подѣйствуетъ на просвѣщеніе, котораго я обязанъ быть ходатаемъ; если же, какъ слышно, желаютъ устроить, по преж-

(*) Дѣло комит. ценз. иностр. № 10.

(*) Тамъ же.

нимъ примѣрамъ, цензуру при таможняхъ и при начальникахъ пограничныхъ губерній, то есть ли вѣроятность, чтобы тамъ нашлись достаточно просвѣщенные для этого чиновники, и гдѣ ручательства, что признанныя указомъ 1802 г. неудобства подобной цензуры не возобновятся?

Въ заключеніе гр. Разумовскій писалъ, что имъ представленъ въ государственный совѣтъ проэктъ нѣкоторыхъ измѣненій въ учрежденіи ввѣреннаго ему министерства, сообразненный съ новыми условіями, вызванными измѣненіями цензурныхъ учрежденій и что проэктъ Балашова можетъ подать поводъ къ страннымъ противорѣчіямъ между комитетомъ министровъ и государственнымъ совѣтомъ, этою высшею законодательною инстанціею, которую не должно бы было миновать ни одно положеніе, получающее силу закона.

Соображенія гр. Разумовскаго, однакожъ, не были уважены: они даже были доложены ст. секретаремъ Молчановымъ Его Величеству не ранѣе какъ чрезъ три мѣсяца. Г-лъ Балашовъ былъ тогда, какъ извѣстно, въ большой силѣ.

Вскорѣ за тѣмъ наступила великая народная борьба 1812 года; общественная мысль приняла такое направленіе, которое оставляло мало пищи цензурѣ: появлялись патріотическія стихи, основывались періодическія изданія съ патріотическою цѣлію; всему этому не только, естественно, не противодѣйствовало правительство, но поощряло: такъ, при открытіи журнала «Сынъ отечества», «Его Императорское Величество, узнавъ, сказано въ письмѣ т. с. Оленина къ гр. Разумовскому, что издатель (г. Гречъ) недостаточенъ», повелѣлъ выдать ему изъ кабинета 1000 руб. (*).

Приближеніе борьбы со всею почти Европою обнаруживается въ цензурной сферѣ только слѣдующими распоряженіями: «Комитетъ гг. министровъ положилъ, писалъ гр. Разумовскій въ цензурные комитеты, чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ издатели всякихъ періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ такія только извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ, и заимствовали бы

(*) Дѣло деп. нар. просв. № 10150.

изъ С.-Петербургскихъ вѣдомостей, издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ» (*). Осенью же 1812 года велѣно было приготовлять календарь на слѣдующій годъ безъ родословій чужеземныхъ владѣтельныхъ домовъ (*).

Но миролюбивыя отношенія между цензурою и литературою недолго продолжались. Въ 1814 г. политическія наши отношенія сдѣлали крутой поворотъ: литературѣ было указано съ нимъ соображаться, и вотъ какъ мысль свою по этому предмету излагалъ предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, д. с. с. Уваровъ (**); «журналисты, писавшіе въ 1812 г., должны иначе писать въ 1815, мало по малу согласоваться съ намѣреніями правительства и содѣйствовать распространенію мирныхъ сношеній, слѣдуя, такимъ образомъ, общему стремленію къ новому и прочному порядку вещей.» При этомъ г. Уваровъ предлагалъ комитету «обратить свое вниманіе на выписки изъ листовъ и рѣчи членовъ оппозиціи въ англійскомъ парламентѣ», помѣщаемыя въ нашихъ журналахъ, а равно и «смягчать грубый тонъ въ сужденіяхъ о другихъ народахъ, стоящихъ нынѣ въ совершенно иныхъ отношеніяхъ къ намъ», но съ которыми, какъ видно, не могло еще примириться всколыхавшееся до дна патріотическое чувство русскихъ писателей. Въ такомъ же смыслѣ дѣйствовалъ и гр. Разумовскій, стараясь успокоить взволнованныя народныя страсти и не вполнѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, въ томъ успѣвая: «весьма непріятно для меня, писалъ онъ, въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, напоминать столь часто цензурнымъ комитетамъ о ихъ обязанностяхъ (**)».

Между тѣмъ русскій умъ, приведенный въ соприкосновеніе съ Европою, почувствовалъ новыя силы, и нѣкоторыя изъ возникшихъ въ это время періодическихъ изданій пустились въ изслѣдованія, которыя и удивляли и раздражали лица, удерживавшіяся въ кругѣ прежнихъ понятій. Въ 1814 году г. Яценковъ, членъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета, представилъ министру

(*) Дѣло спб. ценз. ком. № 55.

(*) Дѣло спб. ценз. комит. № 74.

(**) Дѣло спб. ценз. ком. № 73. д. с. с. Уваровъ вступилъ въ эту должность и въ должность попечителя въ 1811 году.

(**) 10 мая 1815 г. № 1264, въ дѣлахъ спб. ценз. ком.

полиціи программу предполагаемаго имъ періодическаго изданія, подъ названіемъ «Духъ журналовъ». Просматривая ее, г-лъ Вязмитиновъ обратилъ вниманіе на отдѣлъ «внутреннихъ обозрѣній», въ которомъ издатель предполагалъ изслѣдовать—«великіе способы Россіи и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія»— и проч. «Нахожу сію статью, писалъ Вязмитиновъ министру просвѣщенія, совершенно неприличною, ибо упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самаго правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично (*). Г. Яценкову сдѣланъ былъ выговоръ, но разрѣшеніе на изданіе послѣдовало.

Съ первыхъ же нумеровъ своихъ «Духъ журналовъ» подвергся неблагопріятнымъ отзывамъ и даже жалобамъ министерства полиціи. Г-лъ Вязмитиновъ обратилъ вниманіе гр. Разумовскаго на статью «О стараніи императрицы Екатерины II о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей» (**). «Статья эта, писалъ онъ, наполнена разсужденіями не только самыми глупыми, безсмысленными, но и непозволительными, дерзкими, могущими имѣть вліяніе вредное на мнѣніе народное. Какъ дерзнуть человѣку, неимѣющему (что все сплетеніе нелѣпыхъ его разсужденій доказуетъ) ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, дѣлать примѣненія и сравненія относительно мѣръ, принятыхъ и пріемлемыхъ правительствомъ въ разныя времена по части государственнаго хозяйства?» Впрочемъ, замѣчаетъ г-лъ Вязмитиновъ, нельзя и удивляться, что авторъ этой статьи дѣлаетъ на каждомъ шагу непростительные промахи, когда онъ «помѣщаетъ письма государыни Екатерины II на имя гр. Брюса, называя его *Яковомъ Алексѣевичемъ* вмѣсто *Якова Александровича*!» Гр. Разумовскій нашелъ и самъ статью «Духа журналовъ» неумѣстною и приказалъ сдѣлать петербургскому цензурному комитету выговоръ, объяснивъ однакожъ, что подобныя разсужденія могли бы имѣть мѣсто только въ сочиненіи серьознаго, ученаго содержанія, а не въ изданіи, доступномъ читателямъ различной степени образованія.

Приведенный случай былъ лишь началомъ борьбы «Духа журналовъ» съ цензурою; борьба эта непрерывно продолжалась

(*) Дѣло деп. нар. просв. № 10268.
(**) Тамъ же.

семь лѣтъ, т. е. во все время существованія этого журнала. Тотъ же, снисходительный впрочемъ, министръ просвѣщенія, обращалъ въ слѣдующемъ году вниманіе с.-петербургскаго попечителя, д. с. с. Уварова (*) «на разныя въ немъ неприличности» и между прочимъ на то, что «многія политическія статьи не въ духѣ нашего правительства»; изъ коихъ нѣкоторыя «цензированы и одобрены къ печати самимъ Яценковымъ».

Подобно гр. Разумовскому, и преемникъ его, кн. А. Н. Голицынъ (*), не спускалъ глазъ съ «Духа журналовъ», и сохранившаяся, по этому поводу, переписка, даетъ ясное понятіе съ одной стороны о постоянно расширявшихся требованіяхъ общественной мысли, съ другой—о борьбѣ съ ними цензуры. Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, кн. Голицынъ уже грозилъ закрыть этотъ журналъ; въ слѣдующемъ, 1818 г., онъ писалъ къ д. с. с. Уварову, что «издатель «Духа журналовъ» помѣщаетъ въ немъ статьи, содержащія въ себѣ разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ». Таковыя матеріи, замѣчалъ министръ, могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство, по усмотрѣнію своему, находитъ то нужнымъ и дастъ свое приказаніе, ибо ему одному можетъ быть извѣстно, что изъ такихъ матерій и въ какое именно время прилично сообщать для свѣдѣнія публики» (**). Въ представленномъ, по поводу этихъ замѣчаній, объясненіи, г. Яценковъ ссылался на цензурный уставъ, дозволяющій «скромное и благоразумное излѣдованіе» предметовъ управленія государственнаго и указывалъ «на нѣсколько другихъ статей, заключавшихъ сужденія о семъ предметѣ (крѣпостномъ правѣ) несравненно въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ»; наконецъ, писалъ онъ, «многократныя повторенія о пользѣ свободнаго книгопечатанія, читаемыя въ «Сѣверной почтѣ», газетѣ, издаваемой подъ руководствомъ министра, исправлявшаго должность министра внутреннихъ дѣлъ (**), не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, чтобы система сія, въ границахъ благоучрежденной цензуры, измѣнилась....»

Вникая въ смыслъ послѣднихъ строкъ, можно думать, что

(*) Дѣло деп. нар. просв. № 10268.

(*) Вступилъ въ управленіе министерствомъ въ 1817 г.

(**) Дѣло гл. упр. цен. 1818 г. № 4.

(**) Кн. А. Н. Голицынъ исправлялъ должность министра внутреннихъ дѣлъ въ 1817 г., въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

г. Яценковъ желалъ не болѣе какъ нѣкоторой снисходительности цензуры, а не «свободы книгопечатанія»; тѣмъ не менѣе кн. Голицынъ далъ предписаніе о закрытіи «Духа журналовъ.» Изданіе это, однакожъ, не было закрыто (неизвѣстно почему) и продолжало касаться разныхъ вопросовъ общественной и государственной жизни; такъ, въ 1819 году въ немъ была помѣщена статья о сохранныхъ кассахъ, и въ статьѣ этой опять выражалось сочувствіе къ судьбѣ низшихъ классовъ: «Подлинно, писалъ авторъ, нельзя не пожалѣть о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе благопріятствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы! У богатаго тысячи и милліоны растутъ сами собою, какъ будто хлѣбъ въ землѣ, а у бѣднаго малая лепта пропадаетъ какъ зерно, падшее на камень....» (*). За эту статью Яценкову было объявлено, что журналъ его будетъ закрытъ; но, отъ замѣчанія до замѣчанія, изданіе это просуществовало до 1820 года, когда, наконецъ, оно окончательно было запрещено (**).

Судьба «Духа журналовъ» даетъ вѣрное понятіе о пріемахъ тогдашней цензурной практики, противодѣйствовавшей тому, что ей казалось захватами со стороны литературы, но уже не прибѣгавшей къ конфискаціямъ. Послѣднее, извѣстное изъ дѣлъ цензурныхъ архивовъ, подобное распоряженіе послѣдовало въ Москвѣ, въ послѣднее время начальствованія тамъ гр. Ростопчина. Въ 1813 году былъ напечатанъ переводъ съ французскаго, сдѣланный д. с. с. Руничемъ (*), подъ названіемъ «Дружескій совѣтъ всѣмъ тѣмъ, до кого сіе касаться можетъ.» Книга эта была одобрена цензурою и даже въ перепискѣ, о ней производившейся, названа высоконравственною и христіанскою. Тѣмъ не менѣе, чрезъ годъ по ея появленіи, всѣ, находившіеся въ продажѣ ея экземпляры были конфискованы, по распоряженію московскаго главнокомандующаго.

Получивъ объ этомъ донесеніе попечителя, Голенищева-Кутузова, и ректора Гейма (изъ коихъ первый съ особенною силою указывалъ на неприличіе предъявленія ему воли гр. Ростопчина

(*) Дѣло гл. упр. цен. 1819 г. № 17.

(**) Дѣло гл. упр. цен. 1820 г. № 50.

(*) Бывшимъ потомъ попечителемъ с.-петербургскаго университета. Дѣло деп. нар. просв. № 10228.

чрезъ частнаго пристава), министръ просвѣщенія, гр. Разумовскій, сдѣлалъ о томъ всеподданнѣйшее представленіе, слѣдствіемъ котораго было снятіе запрещенія съ перевода Рунича.

Дѣйствіе цензуры при кн. Голицынѣ представляетъ болѣе системы и стойкости, нежели при его предшественникѣ; его восьмилѣтнее управленіе надолго опредѣлило ходъ цензурной практики и во многомъ отклонило ее отъ устава, начертаннаго гр. Завадовскимъ; а какъ въ тотъ же періодъ времени и литература начинала мужать и укрѣпляться, то увеличилось и число дѣлъ по цензурнымъ управленіямъ, дающихъ возможность съ достаточною вѣрностію опредѣлить характеръ и значеніе тогдашней цензуры.

Въ современныхъ періодическихъ изданіяхъ нерѣдко печатались статьи о крѣпостномъ правѣ, проскользавшія, не взирая на возраставшую бдительность цензуры. Надо думать, что онѣ не оставались безъ вліянія на общественное мнѣніе, потому что, какъ видно изъ одного дѣла (*), одинъ изъ бывшихъ въ Малороссіи безпорядковъ со стороны крестьянъ, былъ, тамошнимъ губернаторомъ, приписанъ вліянію статьи, помѣщенной въ «Историческомъ, географическомъ и статистическомъ журналѣ». Сколько можно судить, однакожъ, по отрывку, приведенному въ циркулярѣ кн. Голицына, статья эта едва-ли можетъ быть названа возмутительною; ибо въ ней говорилось, «что Государь Императоръ позволилъ крестьянамъ покупать свою свободу и что главное средство къ возведенію россійскаго государства на высочайшую степень благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобъ доставить крестьянамъ большую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ, какъ существамъ разумнымъ.»

Кн. Голицынъ, хотя и безъ особой суровости, порицалъ появленіе подобныхъ статей въ журналахъ и приказывалъ цензурѣ не пропускать ихъ; тогда тревожная мысль кидалась въ другую сторону: пыталась разсматривать послѣдній тарифъ, говорила о запретительной системѣ торговли (*); анализировала существо различныхъ формъ государственнаго управленія (**), всматрива-

(*) Дѣло гл. упр ценз. 1821 г. № 56.

(*) Дѣло гл. упр. цен. 1820 г. № 50.

(**) Дѣло гл. упр. цен. № 49 и дѣло деп. нар. пр. № 10 378

лась въ различныя части управленія (*), устремлялась къ религіознымъ предметамъ и, отвсюду отталкиваемая, спускалась на театральные подмостки. Но и здѣсь она была встрѣчаема негостепріимно. Еще гр. Разумовскій, въ 1815 г., по поводу нѣсколькихъ, представленныхъ въ цензуру, статей о театрахъ нашихъ, далъ отзывъ, «что сужденія о театрахъ и актерахъ позволительны только тогда, когда бы оные зависѣли отъ частнаго содержателя; но сужденія объ императорскихъ театрахъ и актерахъ, находящихся въ службѣ Его Величества, онъ почитаетъ неумѣстными (*).»

Если актеры были ограждены отъ сужденій о нихъ въ качествѣ служащихъ, то о чиновникахъ гражданскихъ и военныхъ управленій тѣмъ паче нельзя было допустить литературныхъ толковъ. Въ 1817 г., въ «Казанскихъ извѣстіяхъ», издававшихся при тамошнемъ университетѣ, были помѣщены слѣдующія строки о бывшемъ тамъ вице-губернаторѣ, Гурьевѣ: «Ревностнымъ исправленіемъ трудныхъ обязанностей, онъ снискалъ любовь и почтеніе людей благомыслящихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ навлекъ себѣ и недоброжелателей, по естественному ходу вещей.... Гдѣ достоинства, тамъ и зависть» (**). Замѣтка эта намекала, повидимому, на какое-то, неизвѣстное теперь, обстоятельство; во всякомъ случаѣ, она вызвала неудовольствіе министра полиціи, который сообщилъ кн. Голицыну, что онъ находитъ «неприличнымъ, чтобы въ вѣдомостяхъ помѣщаемы были сужденія о служащихъ, или уволенныхъ отъ службы, чиновникахъ», исключеніе, которое, мимоходомъ сказать, касалось едва-ли не всей грамотной части русскаго народа и на которое не давали права первоначальные цензурные законы, Высочайшею властію, въ то время, еще не отмѣненные.

Впрочемъ, цензурный уставъ 1804 года подвергался довольно произвольнымъ толкованіямъ. Журналы наши, въ первыхъ годахъ втораго десятилѣтія, иногда помѣщали извлеченія изъ тяжебныхъ и вообще судныхъ дѣлъ; въ началѣ 1817 года возникло сомнѣніе о приличности подобныхъ статей и гр. Разумов-

---

(*) Журн. спб. цен ком. 9 февраля 1817 г. Дѣло гл. упр. цен. 1824 года № 97.

(*) Дѣло гл. упр. цен. 1824 г. № 99.

(**) Дѣло деп. нар. пр. № 10 400.

скій положилъ, по этому поводу, слѣдующую резолюцію (*): «По уставу о цензурѣ, въ числѣ представленныхъ къ разсмотрѣнію цензурнаго комитета книгъ и сочиненій, не упоминается нигдѣ о подобныхъ запискахъ по частнымъ дѣламъ», почему министръ и заключилъ, что писать объ этихъ предметахъ недозволено, противорѣча въ этомъ одному изъ основныхъ юридическихъ афоризмовъ, что все, что не запрещено, дозволено. Запрещеніе, сдѣланное гр. Разумовскимъ, было неоднократно подтверждаемо кн. Голицынымъ и сдѣлалось правиломъ для цензуры.

Изъятіе изъ сказаннаго правила составляли западныя губерніи, въ которыхъ судопроизводство, какъ извѣстно, отправлялось на основаніи литовскаго статута, допускавшаго адвокатовъ и опубликованіе процессовъ. По поводу одного частнаго дѣла, опубликованнаго въ повременныхъ изданіяхъ 1818 г., министры полиціи и просвѣщенія, дѣйствуя съобща, потребовали объясненій отъ типографій и отъ цензурныхъ комитетовъ. Тогдашній попечитель виленскаго университета, кн. А. Чарторижскій, въ отвѣтѣ своемъ, представилъ кн. Голицыну, что не только запрещеніе печатать адвокатскіе «голоса», было бы противно дѣйствующимъ въ краѣ законамъ, но и подчиненіе оныхъ предварительной цензурѣ невозможно: «Голоса адвокатовъ, писалъ онъ, уважаются, какъ офиціальныя письма, за кои адвокаты отвѣтствуютъ передъ тѣмъ же судомъ, передъ коимъ ихъ чтутъ»; притомъ голоса эти должны быть предаваемы тисненію немедленно; часто ихъ печатаютъ въ то время, какъ на нихъ въ судѣ дѣлается возраженіе со стороны противной партіи, и измѣненіе такого порядка, съ цѣлію подвергать ихъ предварительному просмотру цензуры, произвело бы неблагопріятное впечатлѣніе (*). Мнѣніе кн. Чарторижскаго было сообщено министру юстиціи, кн. Лобанову, который отозвался, что, по его мнѣнію, «нѣтъ достаточнаго основанія возбранять въ присоединенныхъ губерніяхъ печатаніе записокъ адвокатовъ.» Право это, впрочемъ, удержалось недолго: въ 1825 г., по представленію Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, оно было уничтожено (**).

(*) Журн. спб. цен. ком. 16 марта 1817 г.

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1818 г. № 7.

(**) Дѣло гл. упр. цен. 1825 г. № 130.

Двадцатые года нынѣшняго столѣтія были, какъ извѣстно, эпохою нѣкотораго относительнаго оживленія нашей литературы. Въ цензурные комитеты поступало, въ это время, довольно много ходатайствъ объ изданіи повременныхъ сочиненій, но разрѣшеніе на нихъ давалось довольно туго; весьма часто причиною отказа на подобныя ходатайства и недопущенія къ печати были: дурной слогъ или недостатокъ свѣдѣній, замѣчаемые цензурою въ авторахъ (*). Въ 1818 г. А. Бестужевъ, тогда еще мало извѣстный въ литературѣ, просилъ о дозволеніи издавать журналъ; разсматривавшій его программу, с.-петербургскій цензурный комитетъ сдѣлалъ слѣдующее заключеніе (*):—«къ выполненію такого обширнаго плана, потребны также и обширныя, по всѣмъ частямъ, свѣдѣнія, а не менѣе того и практическая опытность для правильнаго сужденія о предметахъ, до государственнаго управленія относящихся, чего въ г. Бестужевѣ ни отрицать, ни предполагать, по его слишкомъ молодымъ лѣтамъ, комитетъ не можетъ.»

Въ это же почти время родилась мысль о частномъ періодическомъ изданіи въ провинціи; мысль эта принадлежитъ г. Броневскому; черезъ мѣстнаго губернатора онъ ходатайствовалъ о дозволеніи издавать въ Тулѣ еженедѣльныя вѣдомости; но ходатайство его не было уважено: Главное правленіе училищъ нашло, что «изданіе въ Тулѣ вѣдомостей будетъ съ одной стороны излишне, по причинѣ издаваемыхъ въ С.-Петербургѣ академіею наукъ и въ Москвѣ—тамошнимъ университетомъ», а съ другой—что новое изданіе можетъ, сверхъ того, быть подрывомъ для прочихъ.

Въ тотъ же періодъ времени, т. е. въ управленіе министерствомъ кн. Голицына, въ цензурной практикѣ возникаетъ мысль о предварительномъ просмотрѣ статей, касающихся различныхъ частей государственнаго управленія тѣми вѣдомствами, до которыхъ онѣ касались. Еще по поводу одной статьи объ откупахъ, помѣщенной въ «Духѣ журналовъ» 1817 года, кн. Голицынъ предписывалъ цензурнымъ комитетамъ не пропускать» ничего, относящагося до правительства, не испросивъ прежде на то согласія отъ того министерства, о предметѣ котораго въ книжкѣ

(*) Дѣла гл. упр. цен.
(*) Дѣла гл. упр. цен.

разсуждается (*)»:—распоряженіе, которое потомъ многократно подтверждалось, сдѣлалось однимъ изъ основныхъ правилъ цензуры и, наконецъ, вызвало самыя горькія жалобы, какъ со стороны литераторовъ, такъ и самой цензуры.

Авторы и въ описываемое время уже горько жаловались на строгость и прижимки цензуры. Не упоминая о жалобахъ писателей мало извѣстныхъ, нельзя не привесть словъ тѣхъ людей, которые снискали всеобщее уваженіе, какъ своимъ талантомъ, такъ и личнымъ характеромъ. Карамзину было, какъ извѣстно, Высочайше дозволено печатать свою исторію безъ цензуры; печаталась она въ военной типографіи; но въ 1816 году, бывшій дежурный генералъ, А. А. Закревскій, пріостановилъ печатаніе оной, требуя цензурнаго разрѣшенія. Карамзинъ жаловался на это кн. Голицыну: «Академики и профессоры, писалъ онъ, не отдаютъ своихъ сочиненій въ публичную цензуру; государственный исторіографъ имѣетъ, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что́ и какъ писать; надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, Государя и нравственности; но, быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, напримѣръ, говорить свободно о жестокости Царя Іоанна Васильевича. Въ такомъ случаѣ, что́ будетъ исторія (*)?» Желаніе Карамзина было удовлетворено.

Въ 1822 году Жуковскій горько жаловался на цензора Бирукова и на петербургскій цензурный комитетъ вообще за запрещеніе его баллады «Смальгольмскій баронъ» (**). «Я очень равнодушно соглашаюсь, писалъ онъ, признать эту балладу незаслуживающею вниманія бездѣлкою; но слышать, что ее не напечатаютъ, потому что она можетъ быть *вредна* для читателей, это совсѣмъ иное! Съ такимъ грозно-несправедливымъ приговоромъ я не могу и не долженъ соглашаться». Министръ тоже не согласился съ этимъ приговоромъ, но совѣтовалъ однакожъ Жуковскому измѣнить нѣкоторыя выраженія.

Въ слѣдующемъ году кн. Вяземскій приносилъ въ Главное правленіе училищъ жалобу на цензора Красовскаго за запрещеніе одной критической его статьи, по причинѣ заключающихся

(*) Дѣло деп. нар. пр. 1817 г. № 10 378.

(*) Дѣло деп. нар. просв. № 10 357.

(**) Дѣло гл. упр. ценз. 1822. № 76.

въ ней личностей противу нѣкоторыхъ писателей. «Смѣю замѣтить, писалъ онъ, что обвиненія мои не касаются нигдѣ *личности гражданина*, но падаютъ единственно на писателя, и то по одному литературному отношенію (*), поэтому кн. Вяземскій не считалъ цензуру въ правѣ мѣшать ему высказывать хотя бы и несправедливыя его мнѣнія: «Я буду отвѣчать за нихъ, продолжалъ онъ, единственно передъ судомъ разсудка и просвѣщенныхъ читателей.» «Въ тѣхъ мѣстахъ, кои подвергаются совершенному его (цензора Красовскаго) исключенію, не ясно ли видно, что г. цензоръ принимаетъ на себя въ отношеніи ко мнѣ обязанность рецензента и съ учительскою заботливостію наставляетъ меня искуству писать по своему, замѣняя слова мои своими и выкидывая выраженія, по мнѣнію его, видно некрасивыя или неправильныя. Да позволено мнѣ будетъ обратить вниманіе Главнаго правленія училищъ на нѣкоторые тому примѣры. Въ одномъ мѣстѣ вмѣсто *задѣваетъ* г. Красовскій ставитъ *упрекаетъ;* въ другомъ не позволяетъ мнѣ сказать, что Карамзинъ *слѣдовалъ благоразумію*; въ третьемъ прибавляетъ къ словамъ *строгимъ приговоромъ — но справедливымъ*, и такимъ образомъ предугадывая и насильствуя мое литературное мнѣніе, хочетъ, чтобы я волею или неволею почиталъ за справедливое въ словесности то, что онъ справедливымъ почитаетъ. Далѣе вмѣсто выраженія моего: *полемической тактики* ссужаетъ меня выраженіемъ *спорной тактики*, которое едва ли имѣетъ какой либо извѣстный смыслъ»...

Что постановило Главное правленіе училищъ по жалобѣ кн. Вяземскаго и по объясненію комитета, изъ дѣла не видно, но всѣ только что приведенные случаи показываютъ, что литераторы, даже самые умѣренные, находились въ отношеніяхъ враждебныхъ къ цензурѣ и тяготились ея строгостію, считая ее придирчивостію. Совершенно иначе смотрѣли на это лица правительственныя. Маркизъ Паулуччи, бывшій тогда рижскимъ военнымъ губернаторомъ, представлялъ самому Государю, что «публичные листы и вѣдомости, присвоивъ себѣ право судить о политическихъ отношеніяхъ и пользуясь большимъ числомъ читателей во всѣхъ сословіяхъ, имѣютъ величайшее вліяніе на мысли и сужденія и производятъ заблужденія, которыя весьма трудно истре-

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1823 г. № 86.

бить изъ общаго мнѣнія» (*). Записка, въ которой маркизъ развивалъ свою мысль, была читана въ комитетѣ министровъ и заслужила одобреніе, равно какъ и предложеніе его поручить надзоръ за газетами и журналами вмѣсто министерства полиціи, мѣстнымъ административнымъ властямъ, какъ это было до учрежденія министерствъ. Вліянію какой-то статьи, разсуждавшей о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, приписано было неповиновеніе, оказанное ими въ одной мѣстности; за пропущеніе ея приказано было, по Высочайшему повелѣнію, «опубликовать предъ прочими университетами» цензора, профессора Черепанова, «съ тѣмъ, чтобъ сіе послужило въ осторожность другимъ въ подобныхъ случаяхъ, а его не избирать впредь ни въ деканы ни въ цензоры» (⁎).

Въ 1824 году назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія адмиралъ Шишковъ и строгость цензуры немедленно и значительно усилилась. Къ этому же времени относятся двѣ характеристическія черты, вошедшія въ цензурную практику и навсегда въ ней сохранившіяся, а именно запрещеніе означать точками или другими знаками мѣста, непропущенныя цензурою (**) и *секретныя* наставленія цензурѣ (⁎⁎). Первое подобное наставленіе состоялось по поводу «отдѣльныхъ помѣщичьихъ уставовъ, непосредственно до управленія крестьянъ относящихся». — «Запрещеніе о подобныхъ уставахъ, писалъ министръ цензурнымъ комитетамъ, сообщается однимъ цензорамъ, а не публиковать оное во всеобщее свѣдѣніе».

Въ эпоху управленія цензурнымъ вѣдомствомъ адм. Шишкова послѣдовало много распоряженій, ограничивавшихъ литературу. Въ 1825 году гр. Аракчеевъ сообщилъ ему Высочайшую волю, «дабы единожды на всегда было принято за правило не помѣщать въ журналахъ ничего, касающагося до военныхъ поселеній, кромѣ тѣхъ статей, которыя будутъ сообщены именно отъ гр. Аракчеева (*⁎). По Высочайшему же повелѣнію два члена с.-петербургскаго цензурнаго комитета и директоръ департамента народнаго просвѣщенія преданы были суду (⁎*), первые

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1822 г. № 80.

(⁎) Журн. спб. ценз. ком. 9 сентября 1821 г.

(**) Дѣло деп. нар. просв. № 10313.

(⁎⁎) Журн. спб. ценз. ком. 1 марта 1821 г.

(*⁎) Дѣло Глав. упр. ценз. 1825 г. № 132.

(⁎*) Дѣло Спб. цен. ком. 1824 № 16.

два за одобреніе рукописи: «Духъ жизни и ученіе Господа Іисуса Христа», сочиненной однимъ петербургскимъ пасторомъ, наполненной «вредными разсужденіями» и признанной комитетомъ министровъ «противнымъ всѣмъ исповѣданіямъ христіанской религіи, оскорбительнымъ для господствующей въ Россіи вѣры и содержащимъ въ себѣ мнѣнія, клонящіяся къ разрушенію общественнаго благоустройства». Что касается до д. с. с. Попова, директора департамента народнаго просвѣщенія, то онъ признавался виновнымъ въ томъ, что поправлялъ своею рукою переводъ на русскій языкъ этого сочиненія» и въ частныхъ беседахъ излагалъ собственныя мысли въ томъ же духѣ, говоря между прочимъ про автора книги, что онъ «человѣкъ истинно христіанскихъ правилъ и образа мыслей».

Такое строгое взысканіе, и особенно вмѣненіе д. с. с. Попову въ преступленіе его личнаго образа мыслей, не можетъ быть объяснено иначе, какъ распространеніемъ въ это время въ Россіи и во всей Европѣ религіозно-мистическихъ идей и сектъ, на которыя правительство наше взирало съ особою непріязнію. Поповъ былъ директоромъ департаментапри кн. Голицынѣ и даже близкимъ къ нему человѣкомъ, а кн. Голицынъ извѣстенъ своею религіозностію. Впрочемъ, оба цензора оправдались по суду; но Государь повелѣлъ не опредѣлять ихъ вновь въ должности цензоровъ. Вообще правительство находило цензуру недостаточною и слабою. Изъ дѣлъ видно, что Императоръ Николай Павловичъ, на ходатайство адм. Шишкова о денежной наградѣ одному чиновнику цензурнаго вѣдомства положилъ такую резолюцію: «Тогда, когда цензура будетъ исправна» (*).

Все это служило указаніемъ на предстоящее преобразованіе цензурныхъ постановленій. Мысль о потребности такого преобразованія была высказана еще въ 1815 году адм. Шишковымъ. Въ томъ же году, по поводу предположеннаго г-мъ Вязмитиновымъ усиленія цензуры полицейскаго вѣдомства, происходили въ средѣ занимавшагося этимъ комитета, весьма любопытныя пренія, неприведшія однакожъ дѣла къ какимъ либо положительнымъ результатамъ (*). Далѣе, въ 1820 году поручено было

(*) Резолюція 16 марта 1826 г. въ дѣлахъ спб. ценз. ком.

(*) Это и дальнѣйшія извѣстія извлечены изъ обширнаго дѣла, хранящагося въ архивѣ ком. иностр. ценз. № 13.

главному правленію училищъ составить новый цензурный уставъ, и наконецъ однимъ изъ первыхъ попеченій Императора Николая Павловича, по вступленіи на престолъ, было составленіе удовлетворительныхъ постановленій о цензурѣ.

Адм. Шишковъ, вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, занятый и самъ, какъ выше сказано, мыслію о необходимости измѣненій по этой части, немедленно приступилъ къ составленію цензурнаго устава, и лѣтомъ 1826 г. представилъ оный на Высочайшее усмотрѣніе при всеподданнѣйшей докладной запискѣ, которая отчасти объясняетъ его взглядъ на предпринятое имъ дѣло и на направленіе, которое онъ желалъ ему сообщить. «Благосостояніе государства, писалъ онъ, утверждается на вѣрѣ и добрыхъ нравахъ; а потому правительства просвѣщеннѣйшихъ народовъ Европы въ разныя времена изыскивали всевозможныя средства къ сохраненію сихъ основаній общественнаго благоденствія невредимыми».

«Къ числу такихъ средствъ принадлежатъ цензурныя постановленія...» Уставъ 1804 года, по мнѣнію адм. Шишкова, грѣшилъ неполнотою и неопредѣлительностію и не давалъ достаточныхъ средствъ «къ защитѣ и ободренію хорошей, и къ остановкѣ или обличенію худой книги». Притомъ личный составъ управленія былъ слишкомъ слабъ по отношенію къ лежавшей на немъ обязанности; наконецъ, цензурныя постановленія должны, писалъ адмиралъ, «быть составлены съ великою подробностію и разсмотрительностію, дабы не только не отнимали у сочинителя свободы писать и разсуждать, но одобряли бы оную и питали, преграждая въ то же время пути къ издаванію въ свѣтъ худыхъ, дерзкихъ, соблазнительныхъ, невѣжественныхъ, пустословныхъ сочиненій, отъ которыхъ развращается нравственность, умножаются ложныя понятія, темнѣетъ просвѣщеніе и возрастаетъ невѣжество». Восполнить всѣ эти недостатки было цѣлію новаго устава и преобразованнаго цензурнаго управленія, котораго штаты были возведены до значительной въ то время суммы 84,800 руб. въ годъ; но, замѣчалъ при этомъ адм. Шишковъ, «какъ она послужитъ къ огражденію вѣры отцовъ нашихъ, преданности къ престолу, любви къ отечеству и чистоты нравовъ народныхъ»,—«то я не колеблюсь всеподданнѣйше ходатайствовать Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества соизволенія на утвержденіе сего новаго расхода».

Неизлишнимъ будетъ здѣсь привести мнѣніе о томъ же предметѣ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ людей того времени, государственнаго секретаря Оленина: по поводу предполагаемаго цензурнаго преобразованія, онъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія сообщить занимавшимся этою работою лицамъ мнѣнія, выраженныя въ вышеупомянутыхъ преніяхъ 1815 года. «Всемилостивѣйшій Государь, писалъ онъ; я побуждаюсь испрашивать Высочайшаго на сей предметъ соизволенія не токмо какъ государственный секретарь, но какъ директоръ императорской публичной библіотеки и президентъ императорской академіи художествъ, а сверхъ того, какъ искусившійся по части цензуры собственнымъ опытомъ въ теченіи многихъ уже лѣтъ, по страсти моей къ чтенію и къ собиранію всякаго рода полезныхъ книгъ. Сей опытъ доказалъ мнѣ непреоборимую трудность въ совершенно положительномъ узаконеніи на такой предметъ, который безпрестанно измѣняется, какъ по обстоятельствамъ, такъ и по разнымъ страстямъ и слабостямъ человѣческимъ. Сіе доказывается тѣмъ, что запрещенное политическое сочиненіе, чрезъ годъ, а иногда чрезъ мѣсяцъ, можно, даже и должно выпускать въ свѣтъ для направленія умовъ.

«1812 годъ торжественно то свидѣтельствуетъ.

«Самая иногда основательная книга по части ученой запрещается и сочинитель жестоко бываетъ преслѣдуемъ; но по истеченіи не токмо нѣсколькихъ вѣковъ, а даже лѣтъ, сія самая книга дѣлается основною для преподаванія науки.

«Сему свидѣтельствовать могутъ коперникова система и гоненія противъ Галилея.»

«..... Будучи совершенный противникъ, по образу моихъ мыслей, полной и неограниченной свободѣ книгопечатанія или безпутному либерализму, я равнымъ образомъ не могу слѣдовать побужденіямъ невѣжества, или коварству фанатизма. Такимъ образомъ, убѣжденный въ томъ, что истинное просвѣщеніе поставляетъ чтеніе книгъ въ число необходимыхъ потребностей образованнаго человѣка, я сравниваю книги съ хорошими или дурными жизненными припасами, которые или укрѣпляютъ или разстроиваютъ тѣло.»

Весьма различные въ своихъ взглядахъ на вещи по многимъ пунктамъ, и т. с. Оленинъ и адм. Шишковъ сходились между прочимъ на убѣжденіи, что на правительствѣ лежитъ обязан-

ность давать направленіе общественной мысли и подносить ей сообразную съ обстоятельствами пищу. Эта мысль и была однимъ изъ основаній цензурнаго устава 1826 года (*); онъ очевидно стремился не только удерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ свободу мысли, но и дать ей сообразное извѣстнымъ цѣлямъ направленіе. Другая черта, проходящая сквозь все новое законоположеніе, это его замѣчательная суровость; относительно подробностей его, замѣтить должно, что одною изъ характеристическихъ его особенностей было допущеніе толковать сомнительныя и двусмысленныя мѣста въ худшую сторону: «Не позволяется пропускать къ печатанію, говоритъ § 151 этого устава, мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ». Запрещеніе обнаруживать руку цензуры въ сочиненіяхъ выставленіемъ точекъ, было обращено въ законъ (§ 152); отъ критики требовалось безпристрастіе (§ 153), степень котораго опредѣлять возлагалось на цензуру; наконецъ, запрещалось допускать къ напечатанію рукописи, «въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, или которыя исполнены грамматическихъ погрѣшностей» (§ 154). Далѣе, подобно какъ въ уставѣ 1804 года, цензорамъ было вмѣнено въ обязанность представлять рукописи, обнаруживающія въ авторѣ «нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго», въ видахъ общей пользы (§ 165). Всякая иниціатива общественной мысли въ дѣлѣ правительственномъ строго запрещалась (§§ 169 и 171), въ противность предшествующаго устава Сочиненія. по части исторіи, философіи, и логики были подвергнуты особенной строгости цензуры (гл. XIV и XV). Взысканія съ цензоровъ за упущенія были постановлены весьма строгія (§§ 205, 208, 210); независимо отъ взысканія съ нихъ, было узаконено взысканіе и съ самихъ авторовъ, на томъ основаніи, что цензурный уставъ долженъ быть имъ извѣстенъ (§ 213), какъ будто сила и смыслъ статей цензурнаго устава не вполнѣ зависѣли отъ ихъ толкованія и не могли быть понимаемы различно различными лицами. Авторъ даже подвергался несравненно большей, нежели цензоръ, отвѣтственности, потому что, независимо отъ отвѣтственности по законамъ, признанное

(*) Полн. собр. зак. втораго отд. т. № 403.

вреднымъ сочиненіе отбиралось (§ 214), и издателю было предоставлено взыскивать убытокъ съ автора (§ 215). Подобнымъ же образомъ допускалось подписчикамъ взыскивать съ издателей повременныхъ изданій, запрещенныхъ правительствомъ до истеченія срока подписки (§ 137). Таковые издатели на-всегда лишались права предпринимать новыя изданія (§ 138).

Таковы главныя черты цензурнаго устава 1826 года. Онъ же устанавливалъ принципъ множественности цензуръ, или по-крайней мѣрѣ чрезмѣрно развивалъ его; кромѣ сочиненій, касавшихся предметовъ духовныхъ, иностранныхъ сочиненій и журналовъ, а также театральныхъ пьесъ, какъ извѣстно, подлежавшихъ особому разсмотрѣнію, новый уставъ учреждалъ особыя цензуры для сочиненій по предметамъ римско-католическаго и протестантскаго вѣроисповѣданій (§§ 118 и 121), для книгъ медицинскихъ (§ 124), для учебниковъ (§ 125), для сочиненій о царствѣ Польскомъ и великомъ княжествѣ Финляндскомъ (§ 148); наконецъ вообще, гласилъ уставъ, «статьи, касающіяся до государственнаго управленія, не могутъ быть напечатаны безъ согласія того министерства, о предметахъ коего въ нихъ разсуждается» (§ 141).

Уставъ 1826 года опредѣлялъ также условія, которыя признавались необходимыми для содержателей типографій, дозволеніе на открытіе которыхъ было предоставлено давать министерству внутренныхъ дѣлъ по сношенію съ министерствомъ народнаго просвѣщенія (гл. XX). Что касается до устройства цензурнаго управленія, то высшая инстанція его была преобразована: главное правленіе училищъ было устранено отъ рѣшенія цензурныхъ вопросовъ, а вмѣсто того учрежденъ верховный цензурный комитетъ, членами коего были министры внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ (*). Подъ его непосредственнымъ вѣдѣніемъ состояли главный цензурный комитетъ въ С.-Петербургѣ и комитеты при университетскихъ городахъ.

Новый уставъ, узаконявшій толкованіе въ дурную сторону, отвѣтственность автора, независимо отъ отвѣтственности цензора, налагавшій печать молчанія относительно важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни, требовавшій, наконецъ, во имя закона, чистоты слога и правильнаго критическаго взгляда, уставъ этотъ легъ на литературу тяжелымъ гнетомъ: дѣла цензурныхъ архи-

(*) Собирались ли когда нибудь эти лица, изъ дѣлъ не обнаруживается.

вовъ небольшаго періода времени, въ который онъ дѣйствовалъ, наполнены запрещеніями, урѣзками и произвольными измѣненіями цензурою представляемыхъ ей рукописей.

По этому послѣднему поводу нельзя не упомянуть о прошеніи, поданномъ издателями «Сѣверной пчелы», гг. Гречемъ и Булгаринымъ, главному цензорному комитету: «Господамъ цензорамъ благоугодно иногда, писали они (*), къ печатаемымъ въ нашемъ журналѣ статьямъ, присовокуплять свои замѣчанія, которыя мы безпрекословно печатаемъ, но не можемъ передъ публикою брать на свой счетъ. Не уклоняясь и впредь отъ сей обязанности, мы покорнѣйше просимъ главный цензурный комитетъ о письменномъ дозволеніи намъ подъ каждымъ таковымъ замѣчаніемъ печатать: «*замѣчаніе цензора*». Такимъ образомъ мы останемся передъ публикою при своемъ (мнѣніи), а усердіе и ревность г. цензора еще явственнѣе видны будутъ его начальству.»

Изъ подлинныхъ дѣлъ этого времени видно, что множество цензурныхъ затрудненій и частныхъ случаевъ ежедневно представлялось адм. Шишкову на разрѣшеніе. Объ одной рукописи была сдѣлана имъ слѣдующая замѣтка: «министръ народнаго просвѣщенія и товарищъ его не нашли никакого достоинства въ статьѣ «Конституціи» и не полагали, чтобъ переводчикъ настаивалъ на напечатаніи оной (*) «Стихотвореніе Ѳ. Глинки «Сонъ»—хотя въ стихахъ его ненайдено ничего противнаго цензурному уставу, было однакожъ адм. Шишковымъ недозволено къ печати, «какъ могущее подать поводъ къ различнымъ заключеніямъ (**). Можно догадываться, что приговоръ этотъ былъ положенъ на томъ основаніи, что имя Глинки было упоминаемо по поводу декабрьскихъ безпорядковъ 1825 года, хотя онъ, впрочемъ, и не попалъ въ списокъ государственныхъ преступниковъ.

Низшія инстанціи, какъ обыкновенно бываетъ, старались превзойти начальство своею предусмотрительностію. Зная, что Пушкинъ былъ нѣкоторое время въ изгнаніи, с.-петербургскій комитетъ почелъ нужнымъ исключить слѣдующія мѣста изъ его стихотворенія: «19 октября».

(*) Дѣло гл. ценз. ком. 1826 г. № 37.

(*) Журн. спб. ценз. ком. 1829 г. 27 октября.

(**) Журн. спб. ценз. ком. 14 января 1826 г.

«..........» Поэта домъ опальный
«О Д—ъ мой, ты первый посѣтилъ».
и далѣе:
«Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ (*)».

Главный цензурный комитетъ, которому дѣло это было представлено, затруднился рѣшить его самъ и внесъ его на благоусмотрѣніе министра, который, впрочемъ, дозволилъ напечатать вышеприведенные стихи.

Справедливость требуетъ замѣтить, что адм. Шишковъ былъ довольно снисходителенъ къ тѣмъ статьямъ, которыя клонились къ серьозному изслѣдованію отечественной исторіи, даже ближайшихъ временъ; такъ при немъ, и по его собственному разрѣшенію были напечатаны: «Собственноручная записка Эрнеста Бирона» и «Замѣчанія на записки Манштейна ($_*$)», важные матеріалы для нашей исторіи XVIII вѣка. Онъ потребовалъ при томъ, чтобъ вслѣдъ за первымъ изъ названныхъ сочиненій было напечатано возраженіе Миниха, составляющее ему, такъ сказать, противувѣсіе.

Въ 1826 году было предписано цензурѣ «принять за правило и строго наблюдать, дабы ни въ одной изъ газетъ, въ Россіи издаваемыхъ, отнюдь не были помѣщаемы статьи, содержащія въ себѣ сужденія о политическихъ видахъ Его Величества, допуская тѣ только изъ сего рода, кои заимствуются изъ с.-петербургскихъ академическихъ газетъ или изъ journal de S.-Pétersbourg, издаваемаго при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ (**)». Такимъ образомъ политическому отдѣлу всей русской періодической прессы былъ сообщенъ характеръ и значеніе оффиціальности, подавшій впослѣдствіи много поводовъ къ недоразумѣніямъ въ международныхъ отношеніяхъ. Заботливость цензуры, чтобъ не подать посредствомъ журнальныхъ статей причины къ какому нибудь неудовольствію за границей, простиралась до того, что невыгодный отзывъ о пасторѣ Штаркѣ, придворномъ проповѣдникѣ одного германскаго герцога, помѣщенный въ малоизвѣстной остзейской газетѣ, былъ признанъ неумѣстнымъ (*).

(*) Журн. глав. ценз. ком. 11 марта 1827 г.
($_*$) Журн. глав. ценз. ком. 1827 г. №№ 53 и 65.
(**) Журн. глав. ценз. ком. 1826 г. 14 іюня.
(*$_*$) Дѣло глвн. ценз. ком. 1827 г. № 34.

Преображенскаго полка подпоручикъ Челищевъ представилъ въ цензуру рисунокъ, изображающій гренадера дворцовой роты: ни с.-петербургскій, ни главный комитетъ не рѣшились пропустить его, «не зная соблюдена ли въ одеждѣ гренадера установленная форма (*)». Оказалось, впрочемъ, что цензура поступила основательно, потому что министръ Императорскаго двора, которому чрезъ министра народнаго просвѣщенія былъ представляемъ рисунокъ г. Челищева, не согласился на его напечатаніе, именно за неправильное изображеніе въ немъ установленной формы одежды.

Въ вышеприведенномъ случаѣ особый тактъ предохранилъ цензуру отъ легко могшихъ обрушиться на нее хлопотъ, но это не всегда удавалось; г. Н. Анненковъ, стихотворенія котораго нерѣдко урѣзывала и запрещала цензура, доставилъ г. Булгарину для напечатанія въ одномъ изъ его изданій, стихи подъ заглавіемъ: «Война въ Персіи (*)». С.-петербургскій комитетъ почелъ за нужное препроводить ихъ въ азіятскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, на его заключеніе, и конечно думалъ, что поступаетъ весьма осторожно и осмотрительно, а между тѣмъ гр. Бенкендорфъ, узнавъ объ этомъ написалъ адм. Шишкову слѣдующее письмо: «Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть мнѣ перечитывать всѣ стихи, присылаемые нашими офицерами къ г. Булгарину для помѣщенія въ издаваемыхъ имъ журналахъ. На семъ основаніи я просматривалъ стихи г. Анненкова подъ заглавіемъ: «Война въ Персіи», и не найдя въ нихъ ничего противнаго правиламъ цензурнаго устава, возвратилъ оные къ г. Булгарину для напечатанія. Нынѣ увѣдомленъ я, что цензура, не смотря на то, что г. Булгаринъ объявилъ мое одобреніе, не только непропустила сихъ стиховъ, но позволила себѣ даже не уважить моего имени и отнести разрѣшеніе сего вопроса на уваженіе азіятскаго департамента...» Оказалось, что надпись объ одобреніи гр. Бенкендорфа была сдѣлана рукою издателя, которой цензура не безъ основанія усомнилась придать оффиціальное значеніе, тѣмъ болѣе, что ей не была извѣстна Высочайшая воля о предварительномъ просмотрѣ гр. Бенкендорфомъ стихотвореній, присылаемыхъ изъ персидской арміи.

(*) Дѣло главн. ценз. ком. 1827 г. № 121.

(*) Дѣло главн. ценз. ком. 1827 г. № 138.

Случай этотъ объясняетъ между какими многоразличными вліяніями должна была лавировать цензура и съ какою предосторожностію должна она была разсчитывать каждый свой шагъ, а это постоянное опасеніе въ свою очередь объясняетъ появленіе такихъ личностей, какъ весьма извѣстный въ литературномъ мірѣ цензоръ Красовскій. Личность эту достаточно опредѣляетъ слѣдующій, можно сказать безъ преувеличенія, цензурный куріозъ, повторяемый какъ преданіе между литераторами и сохраненный цензурными архивами. Не весьма значительный писатель прежняго времени, Олинъ, представилъ въ с.-петербургскую цензуру стихи, подъ заглавіемъ: «Стансы къ Элизѣ», заимствованные изъ Вальтеръ-Скотта, и вотъ нѣкоторые стихи г. Олина и замѣчанія на нихъ Красовскаго (*).

«Улыбку устъ твоихъ *небесную* ловить»

Зам. Крас. «Слишкомъ сильно сказано: женщина недостойна того, чтобъ улыбку ея называть *небесною*».

«И молча *на тебѣ* свои покоить взоры»

Зам. Крас. «Тутъ есть какая-то двусмысленность».

«Что въ мнѣньи мнѣ людей? одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня *вниманья всей вселенной*».

Зам. Крас. «Сильно сказано; къ тому же во вселенной есть и цари и законныя власти, вниманіемъ которыхъ дорожить должно».

«О какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный, *близъ тебя къ блаженству пріучиться*»

Зам. Крас. «Это значитъ, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю, для того только, чтобъ быть всегда съ своею любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно только пріучаться близъ Евангелія, а не близъ женщины.»

«О какъ бы я желалъ *всю* жизнь тебѣ отдать...»

Зам. Крас. «Что же останется Богу?»

«И на груди моей главу твою покоить.»

Зам. Крас. «Стихъ чрезвычайно сладострастный.»

(*) Дѣло глав. ценз. ком. 1823 г. № 20.

Таковъ былъ цензоръ Красовскій и оставался такимъ всю жизнь. Въ 1827 году въ с.-петербургскомъ цензурномъ комитетѣ были горячія пренія по поводу одного эротическаго, но впрочемъ весьма благопристойнаго стихотворенія г. Даля. По зрѣломъ обсужденіи, комитетъ опредѣлилъ не дозволять ихъ къ напечатанію, а г. Красовскій присовокупилъ: «особенно неприлично нынѣ, въ продолженіе великаго поста» (*).

Между тѣмъ вліяніе адм. Шишкова и устава 1826 года приходили къ концу; какія именно причины сдѣлали столь краткимъ существованіе какъ автора, такъ и его творенія, изъ дѣлъ не видно; можно сказать только, что въ это время нашлись люди, довольно ясно понимавшіе вещи, чтобъ убѣдиться въ невозможности сообщить литературѣ цѣлой страны направленіе посредствомъ цензурнаго устава (**), а съ другой, что въ то же время утвердилась мысль о необходимости соединить всю цензуру, внутреннюю и иностранную, въ одихъ рукахъ. Еще въ томъ же 1826 году, когда адм. Шишковъ только что окончилъ свой уставъ, было Высочайше повелѣно управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ д. т. с. Ланскому (*), немедленно приступить къ начертанію устава для цензуры иностранной, принявъ «въ руководство и въ основаніе составленный уставъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія» (**). Уставъ, составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ представленъ на Высочайшее усмотрѣніе въ ноябрѣ того же года, но возвращенъ для разсмотрѣнія въ особый комитетъ изъ г.—а. Васильчикова, гр. Нессельроде, г.—а. Бенкендорфа, т. с. Уварова, д. с. с. Дашкова и самого д. т. с. Ланскаго. Труды этого комитета продолжались весьма долго—до конца 1827 года, когда уже почувствована была потребность въ новомъ цензурномъ уставѣ, однимъ изъ основаній котораго было бы соединеніе цензуры внутренней и иностранной въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія.

(*) Журн. глав. ценз. ком. 18 марта 1827 г.

(**) См. далѣе мнѣніе государ. совѣта объ уставѣ 1827 г.

(*) Д. т. с. В. С. Ланской управлялъ министерствомъ съ 1823 по 1828 г.

(**) Дѣло ком. ценз. иностр. № 13. Уставъ, составленный д. т. с. Ланскимъ, опредѣлялъ штатъ цензурнаго управленія мин. внутр. дѣлъ въ 44 800 р., тогда какъ штатъ комитета, учрежд. г. Балашевымъ, простирался лишь на 14 500 р.

Уставъ этотъ былъ представленъ кн. Ливенымъ и при разсмотрѣніи его въ государственномъ совѣтѣ состоялось о немъ слѣдующее мнѣніе (*):

«Уставъ о цензурѣ» — «10 іюня 1826 года опредѣлилъ ей кругъ дѣйствія, самый обширный.—Слѣдуя ему, цензура должна была давать безвредное направленіе произведеніямъ словесности, наукъ и искуствъ (§ 1); на верховномъ цензурномъ комитетѣ лежали три попеченія,—а именно: о наукахъ и воспитаніи юношества; о правахъ и внутренней безопасности и о направленіи общественнаго мнѣнія, согласно съ настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства» (§ 6).

«Напротивъ того, въ проэктѣ устава (представляемомъ нынѣ) вѣдомство цензуры заключено въ предѣлахъ, болѣе соотвѣтствующихъ истинному ея назначенію. Ей не поставляется уже въ обязанность давать какое либо направленіе словесности и общему мнѣнію: она долженствуетъ только запрещать изданіе или продажу тѣхъ произведеній словесности, наукъ и искуствъ, кои въ цѣломъ составѣ или въ частяхъ своихъ, вредны въ отношеніи къ вѣрѣ, престолу, добрымъ нравамъ и личной чести гражданъ. Она представляется, какъ бы таможнею, которая не производитъ сама добротныхъ товаровъ и не мѣшается въ предпріятія фабрикантовъ, но строго наблюдаетъ, чтобы не были ввозимы товары запрещенные, и клеймитъ лишь тѣ, коихъ провозъ и употребленіе дозволены тарифомъ».

«Отъ сего существеннаго различія въ опредѣленіи цѣли и вѣдомства цензуры происходитъ и различіе въ опредѣленіи обязанностей, возлагаемыхъ на цензоровъ. По проэкту новаго устава, они уже не поставлены судьями достоинства или пользы разсматриваемой книги. Они только отвѣтствуютъ на вопросъ: не вредна ли та книга, — и все ихъ дѣйствіе ограничивается простымъ рѣшительнымъ на сей вопросъ отвѣтомъ. Проэктъ новаго устава даетъ менѣе свободы собственному произволу цензоровъ, и тѣмъ способствуетъ успѣхамъ истиннаго просвѣщенія, но въ то же время даетъ имъ возможность запретить всякую вредную книгу на основаніи положительнаго закона и не входя въ предосудительныя пренія съ писателями».

«Между тѣмъ, съ какою бы точностію ни были изложены

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1828 г. уст. о ценз.

правила, долженствующія служить руководствомъ цензорамъ, нельзя однакоже предвидѣть всѣ случаи и предупредить всѣ недоразумѣнія. Уставъ, самый совершенный, есть мертвая грамота безъ вѣрныхъ и благоразумныхъ исполнителей, и на выборъ оныхъ въ цензурномъ дѣлѣ нужно обратить особенное вниманіе. По новому проекту предполагается, чтобъ въ члены окружныхъ комитетовъ назначаемы были съ Высочайшаго утвержденія надежнѣйшіе изъ профессоровъ и адъюнктовъ, по представленію попечителей университетовъ и по одобренію министра народнаго просвѣщенія. Къ нимъ присовокупляются, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, стороннія лица, опредѣляемыя также съ Высочайшаго утвержденія главнымъ управленіемъ цензуры. Симъ способомъ выборъ цензоровъ возложенъ на отвѣтственность попечителей и министерства и представляетъ довольно ручательства въ способностяхъ и благонамѣренности избранныхъ, но въ то же время заключенъ въ данныхъ предѣлахъ и оставляетъ менѣе прежняго на произволъ избирающихъ. Для большей предосторожности, окружные комитеты подчинены непосредственному надзору попечителей, кои, въ званіи предсѣдателей, распоряжаютъ занятіями цензоровъ. Наконецъ, учреждаемое вновь главное управленіе цензуры, бывъ поставлено выше комитетовъ, наблюдаетъ за ихъ дѣйствіями и за точнымъ исполненіемъ всего предписаннаго уставомъ. Сіе управленіе ввѣряется не временному совѣщанію разныхъ министровъ, обремененныхъ дѣлами, каждый по своей части, и посему не могущихъ слѣдовать постоянно за общимъ ходомъ цензуры; но лицамъ, удостоеннымъ Монаршей довѣренности, и составляющимъ особое присутствіе подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ цензура, составляя отдѣльное управленіе, связана, однако же съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и получаетъ отъ него, какъ главное свое направленіе, такъ и всѣ нужныя для успѣшнаго дѣйствія своего пособія».

«Доселѣ цензура иностранныхъ книгъ не была соединена съ цензурою внутреннею, хотя ихъ цѣль и коренныя правила одни и тѣ же, съ небольшими только оттѣнками въ примѣненіи. По предполагаемому плану цензура иностранныхъ книгъ подчиняется тому же вѣдомству и будетъ отдѣленіемъ общей цензуры; и сія перемѣна поставлена главнѣйшимъ поводомъ къ изданію новаго устава»...«Сіи правила независимы въ главныхъ началахъ сво-

ихъ отъ перемѣны обстоятельствъ и должны имѣть силу закона незыблемую: но есть такія наставленія, для цензоровъ необходимыя, кои не могутъ войти въ составъ закона, ибо по существу своему подвержены измѣненіямъ; къ сему роду принадлежатъ наставленія относительно сочиненій и статей политическихъ и частныя объясненія на уставъ для лучшаго разумѣнія цензорами воли и видовъ правительства. Сіи наставленія и объясненія не должны быть обнародованы, а составятъ временную часть постановленій цензурныхъ».

«....Частныя наставленія для разсматриванія книгъ иностранныхъ должны, въ нѣкоторомъ отношеніи, быть различны съ тѣми, кои даны будутъ для книгъ русскихъ. Первыя обращаются въ немногихъ рукахъ и между людьми образованными, а посему не такъ скоро могутъ подать поводъ къ соблазну».

Вотъ нѣкоторыя изъ правилъ, долженствовавшихъ войти въ новый уставъ (*):

«1) Въ §§ 10 11 и 12 устава опредѣлены условія, на коихъ дозволяется печатаніе извѣстій историческихъ и статистическихъ, а равно и сужденій о возможныхъ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, промышленности и проч. Но если бы цензура нашла притомъ какое либо сомнѣніе, то ей предоставляется право требовать заключенія о сомнительной книгѣ или статьѣ отъ департамента, до коего дѣло касается, съ тѣмъ, однакоже, чтобы сіе заключеніе было принимаемо цензурою единственно въ соображеніе и не стѣсняло собственнаго ея сужденія. Въ случаѣ несогласія ея съ таковымъ заключеніемъ, цензурный комитетъ обязанъ испрашивать разрѣшенія главнаго управленія цензуры».

2) «Когда бы представлены были кѣмъ либо на разсмотрѣніе въ цензуру книги или художественныя произведенія, клонящіяся къ распространенію безбожія, или обнаруживающія въ сочинителѣ или художникѣ нарушителя обязанностей вѣрноподданнаго, то комитетъ долженствуетъ немедленно извѣстить о томъ высшее начальство, для учрежденія надлежащаго надзора за виновнымъ, или же для преданія его законному суду, смотря по важности преступленія. Сіе правило, кажется приличнѣе можетъ быть помѣщено въ частномъ наказѣ цензорамъ, нежели въ печатномъ уставѣ.»

(*) Онѣ однакожъ не были въ него включены.

3) «Когда бы въ иностранномъ сочиненіи, писанномъ съ благонамѣренною цѣлью и могущемъ принести пользу въ общемъ употребленіи, нашлось нѣсколько словъ или строчекъ непозволительныхъ, то цензурному комитету дается право, съ согласія хозяина той книги, уничтожить сіи слова или строчки, вырѣзываніемъ страницы или инымъ извѣстнымъ способомъ».

4) «Когда же значительная часть иностранной книги не можетъ быть пропущена, то она подвергается запрещенію и не должна отнюдь быть оставляема у книгопродавцевъ. Но притомъ различаются два рода запрещенныхъ книгъ: однѣ дозволяется выдавать по разрѣшенію главнаго управленія цензуры, лицамъ извѣстнымъ, съ подпискою о храненіи ихъ для собственнаго употребленія; другія же, дѣйствительно вредныя, не могутъ быть выдаваемы никому безъ особеннаго Высочайшаго повелѣнія.»

Вышеприведенное мнѣніе государственнаго совѣта, характеризуя общій духъ новаго устава, не касается его частностей. Нельзя не сознаться, что онѣ, исходя изъ болѣе гуманнаго начала, далеко оставляютъ за собою уставъ 1826 г. Достаточно для этого указать лишь на нѣкоторыя. «Цензура, говорится въ § 6, долженствуетъ»—«въ сужденіяхъ своихъ принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣчи, недозволяя себѣ произвольнаго толкованія онаго въ дурную сторону». «Цензура не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры; она не можетъ входить въ сужденія о томъ, полезно или безполезно, разсматриваемое сочиненіе, буде только оно невредно, и не должна поправлять слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отношеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ запрещенію» (§ 151). Наконецъ въ сферѣ государственнаго управленія не дозволялось касаться только «коренныхъ законовъ». Всѣ эти существенныя измѣненія устава, сравнительно съ предшествующимъ, обѣщали немаловажное облегченіе литературѣ, хотя начало множественности цензуръ,—весьма щекотливое начало,—было новымъ уставомъ удержано, а именно относительно книгъ духовнаго содержанія, учебниковъ, лечебниковъ, иностранныхъ журналовъ, получаемыхъ черезъ почту, и театральныхъ піэсъ. Послѣднее было предоставлено просматривать III-му отдѣленію собственной Его

Величества канцеляріи, лечебники—медицинскому вѣдомству, для разсмотрѣнія учебниковъ образованъ особый комитетъ, наконецъ духовная и почтовая цензуры оставлены на прежнемъ основаніи.

Впрочемъ, какъ дѣйствовалъ уставъ 1828 года и въ какой мѣрѣ онъ на самомъ дѣлѣ былъ орудіемъ, направлявшимъ дѣйствія цензуры, обнаруживаютъ дѣла, во множествѣ сохранившіяся за это время.

Въ началѣ 1828 года послѣдовало нѣсколько существенныхъ для литературы облегченій, какъ напримѣръ, даровано право журналамъ печатать тяжебныя дѣла и разборы театральныхъ представленій; на подлинномъ корректурномъ листѣ одного № «Сѣверной пчелы» того времени сохранилась собственноручная отмѣтка г. ад. Бенкендорфа: «позволяется печатать и впредь можно писать о театрахъ, показывая мнѣ» (*). Въ составѣ цензурныхъ комитетовъ появляются люди съ болѣе широкимъ, нежели прежде, взглядомъ на свои обязанности. Такъ въ с.-петербургскій цензурный комитетъ представлена была статейка подъ заглавіемъ «Искусство брать взятки» (**). Вниманіе комитета остановилось на нѣсколькихъ строкахъ этой статьи, въ которыхъ говорится, что, чѣмъ древнѣе штаты какого нибудь присутственнаго мѣста, тѣмъ для лихоимца удобнѣе. Слова эти показались нѣкоторымъ цензорамъ намекомъ на многія изъ нашихъ учрежденій и даже на сенатъ, почему они и полагали строки сіи исключить. Но вновь поступившій цензоръ, профессоръ Сенковскій, не соглашался принять обсуждаемую мысль иначе, какъ за мысль общую, примѣнимую ко всѣмъ странамъ. Главное Управленіе цензуры, до котораго вопросъ этотъ былъ возведенъ, согласилось съ мнѣніемъ г. Сенковскаго.

Вообще нельзя не замѣтить, что въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ высшая цензурная инстанція смягчала, сколько это отъ нея зависѣло, приговоры низшихъ, и тяжбы литераторовъ съ цензурными комитетами нерѣдко выигрывались при аппеляціи Главному управленію цензуры или министру. Нельзя также не указать на то обстоятельство, что во время управленія министерствомъ кн. Ливена разрѣшались безъ осо-

(*) Дѣло спб. ценз. ком. 1828 г. № 7 и журн. того же комитета 8 декабря 1828 г.

(**) Дѣло глав. упр. ценз. 1830 г. № 253.

бенныхъ затрудненій новые журналы и изданіе альманаховъ. Но въ то же время должно указать и на явленія совершенно другаго свойства. Въ 1829 году одинъ изъ петербургскихъ цензоровъ былъ выдержанъ 8 дней на гауптвахтѣ за пропущеніе статьи объ упадкѣ питейныхъ сборовъ по Курской губерніи (*). Въ 1830 году въ «Литературной газетѣ», издававшейся барономъ Дельвигомъ, былъ напечатанъ переводъ четверостишія къ монументу въ память «іюльскихъ дней», во Франціи; за это баронъ Дельвигъ былъ лишенъ права продолжать свое изданіе (*).

Вскорѣ послѣ этого представлена была въ цензуру статейка подъ названіемъ «Обелискъ», и цензоръ не-рѣшился ее пропустить на томъ основаніи, что въ ней «говорится о памятникѣ, воздвигнутомъ неизвѣстно гдѣ и по какому случаю: можетъ быть, разсуждалъ онъ, подъ онымъ разумѣетъ сочинитель обелискъ во Франціи, въ память послѣднихъ переворотовъ (**).» Такъ отклонилась цензурная практика отъ устава, запрещающаго толковать чужія мысли въ дурную сторону!

И это была не единственная сторона, въ которую уклонялась отъ закона цензурная практика. О нѣкоторыхъ изъ нихъ даетъ понятіе слѣдующая переписка между министрами народнаго просвѣщенія и финансовъ (**). Въ одномъ повременномъ изданіи было напечатано, что с.-петербургскій технологическій институтъ учрежденъ по мысли академика Гамеля. Гр. Канкринъ отрицалъ справедливость этого факта и просилъ кн. Ливена, чтобъ цензору, пропустившему статью, было приказано объяснить: «по какимъ доказательствамъ онъ пропустилъ фактъ сей, когда не надлежитъ писать о дѣйствіяхъ министерствъ, не спрося ихъ напередъ, или чтобъ объявилъ въ той же газетѣ, что обстоятельство сіе министерствомъ финансовъ рѣшительно не признается согласнымъ съ ходомъ дѣла». На письмо гр. Канкрина кн. Ливенъ отвѣчалъ, что по силѣ существующаго устава цензоръ не могъ не пропустить статьи, не заключавшей ни рѣз-

---

(*) Журн. спб. ценз. комит. 14 марта 1829 г.

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1830 г. № 315.

(**) Дѣло спб. ценз. ком. 1831 г. № 23.

(**) Дѣло спб. ценз, ком. 1830 г. № 216.

кихъ сужденій о правительственныхъ дѣйствіяхъ, ни личнаго оскорбленія, но что, впрочемъ, онъ готовъ предписать цензорамъ не пропускать ничего касающагося до министерства финансовъ безъ предварительнаго сношенія съ нимъ, министромъ; въ настоящемъ же случаѣ предлагалъ ему самому, если считаетъ случай этотъ столь важнымъ, распорядиться о его публичномъ опроверженіи.

Но гр. Канкринъ ни мало этимъ не удовлетворился: «чтобъ министры у насъ занимались печатаніемъ въ газетахъ опроверженій на подобныя статьи, отвѣчалъ онъ кн. Ливену, и себя защищали передъ публикою противъ тщеславія авторовъ, сего у насъ еще не введено и едва ли введено быть можетъ.»—«Я долженъ въ семъ дѣлѣ просить справедливости у вашей свѣтлости не потому, чтобъ я имѣлъ малѣйшее вниманіе къ подобнымъ самохвальнымъ статьямъ, а для избѣжанія вообще столь вреднаго примѣра». Затѣмъ, продолжалъ гр. Канкринъ, «если законъ, чтобъ не писать о министерствахъ, безъ вѣдома ихъ, еще въ своей силѣ, но не исполняется, то, спрашивалъ онъ: 1) «что министерство впредь должно дѣлать, если о немъ будутъ печатать факты, противные истинѣ, кои могутъ имѣть болѣе или менѣе вліянія на государственныя дѣла, или покрайней мѣрѣ на уваженіе публики; 2) въ чемъ состоитъ обязанность и отвѣтственность цензора относительно допущенія къ печатанію фактовъ, до лицъ и публичныхъ мѣстъ касающихся?»

Въ отвѣтѣ своемъ на письмо это, кн. Ливенъ приводилъ параграфы цензурнаго устава, оправдывавшіе появленіе въ печати упоминаемой статьи. Затѣмъ, опровергая опасеніе гр. Канкрина объ ослабленіи уваженія къ правительственной власти посредствомъ подобныхъ статей и объяснивъ, что обязанность предварительныхъ сношеній съ министрами при цензированіи статей, до ихъ управленій касающихся, снята новымъ уставомъ, заключалъ возраженіемъ на желаніе гр. Канкрина, чтобъ если не цензору, то автору статьи было предписано совершить публичное покаяніе: «министерство не можетъ, писалъ онъ, отъ себя непосредственно заставить неподвѣдомственное оному частное лицо принять какую либо статью въ свое изданіе».

На это замѣчаніе, проникнутое уваженіемъ къ личности и правамъ человѣка, и едва ли не кн. Ливенымъ въ первый разъ

выраженное, гр. Канкринъ отвѣчалъ слѣдующимъ лаконическимъ письмомъ «... видя, что вашей свѣтлости неугодно принять какую либо мѣру, а между тѣмъ прошло довольно времени, я долгомъ счелъ испросить Высочайшее повелѣніе, какъ вообще должно поступать въ случаѣ печатанія въ публичныхъ листахъ невѣрныхъ фактовъ о министерствѣ финансовъ. Государь Императоръ, не соизволяя, чтобъ министерство финансовъ защищало само себя въ газетахъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: доложить Его Величеству когда подобное случится впредь».

Приведенная переписка явственно обрисовываетъ положеніе, въ которое была поставлена цензура—положеніе чисто страдательное и почти зависимое отъ всѣхъ прочихъ вѣдомствъ; никто, конечно, не удивлялся вмѣшательству министра финансовъ въ дѣло цензуры, но никто, съ другой стороны, не могъ бы не удивиться, еслибъ предсѣдатель Главнаго управленія цензуры заявилъ министру финансовъ, что въ его вѣдомствѣ случаются безпорядки, вызывающіе голоса, которые цензурныя управленія принуждены заглушать.

Замѣтимъ здѣсь, что начало, допущенное уставомъ 1826 года о непечатаніи статей, до различныхъ вѣдомствъ касающихся, безъ ихъ согласія, было сильно поддерживаемо практикою, вопреки новому закону. Такъ, гр. Чернышевъ потребовалъ, въ 1833 году, чтобъ статьи о современныхъ военныхъ событіяхъ печатались неиначе, какъ по его предварительномъ одобреніи (*). Что касается до III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, то такъ какъ въ оное перешла обязанность бывшаго министерства полиціи наблюдать за необращеніемъ вредныхъ сочиненій, главноначальствующій отдѣленіемъ потребовалъ, въ 1830 году, чтобъ ему было доставляемо по экземпляру всѣхъ печатаемыхъ журналовъ и альманаховъ (*), а чрезъ два года потомъ былъ, по его представленію, назначенъ членомъ главнаго управленія цензуры управлявшій III-мъ отдѣленіемъ, д. с. с. Мордвиновъ (**). Около этого же времени г. ад. Бенкендорфъ сообщилъ кн. Ливену, что отнынѣ цензоры обязываются «извѣщать высшее

(*) Дѣло спб. ценз. ком. 1833 г. № 67.

(*) Въ дѣлахъ спб. ценз. ком. отношеніе ст. секр. Молчанова 14 марта 1830 г.

(**) Дѣло гл. упр. ценз. 1832 г. № 405.

начальство» въ тѣхъ случаяхъ, «когда представлены будутъ на разсмотрѣніе цензуры книга или художественное произведеніе, клонящіяся къ распространенію безбожія, или обнаруживающія въ сочинителѣ или художникѣ нарушителей обязанности вѣрноподданнаго» (*).

Для того же, чтобъ показать въ какой формѣ выражалось наблюденіе гр. Бенкендорфа за литературою и каковы были его отношенія къ главѣ цензурнаго вѣдомства, можно привести слѣдующее письмо: «Препровождая при семъ къ вашей свѣтлости 72 нумеръ журнала «Сѣверный Меркурій», долгомъ считаю обратить вниманіе ваше, м. г., на отмѣченное въ ономъ мѣсто статьи: «Естественная исторіяословъ». Я полагаю, что цензоръ, одобрившій къ напечатанію такое мѣсто, долженъ быть наказанъ, и покорнѣйше прошу вашу свѣтлость приказать объявить издателю «Сѣвернаго Меркурія», что если онъ осмѣлится впредь помѣщать въ своемъ журналѣ статьи, столь неблагонамѣренныя и дерзкія, то ему будетъ запрещено изданіе онаго (*).

Кн. Ливенъ оставилъ управленіе министерствомъ въ 1833 году. Изъ нѣсколькихъ вышеприведенныхъ чертъ довольно явственно обозначается взглядъ его на его отношенія къ литературѣ и къ человѣку вообще; слѣдующій случай очертитъ еще яснѣе то и другое. Въ 1829 году произошелъ одинъ изъ тѣхъ «скандаловъ», которые бывали нерѣдко между литераторами прежняго времени и оканчивались взаимными жалобами начальству, а именно между редакторомъ одного московскаго журнала, Каченовскимъ, и московскимъ цензоромъ, С. Глинкою. Взаимныя озлобленныя жалобы ихъ были разбираемы московскимъ цензурнымъ комитетомъ и дошли до министра. По этому поводу кн. Ливенъ написалъ между прочимъ: «раздѣляя съ московскимъ цензурнымъ комитетомъ желаніе, чтобы литературныя критики приняли сколь можно лучшій и приличнѣйшій тонъ и чтобы въ нихъ соблюдаемы были всѣ условія вѣжливости и учтивости, но, не находя въ уставѣ о цензурѣ постановленія, дающаго цензурнымъ комитетамъ права воспрещать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изданіяхъ, невыходящія впрочемъ изъ предѣловъ благопристойности и необидныя для

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1831 № г. 404.

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1831 № 404.

нравственности и чести, Главное управленіе цензуры признало, что исправленіе сихъ недостатковъ литературы надлежитъ предоставить вліянію читающей публики и дѣйствію общаго вкуса».

Т. с. Уваровъ, вступивъ въ исправленіе должности министра народнаго просвѣщенія, предложилъ цензурѣ обратить особенное вниманіе на повременныя изданія и въ сомнительныхъ случаяхъ испрашивать разрѣшенія Главнаго управленія и даже его собственнаго. Близко знакомый съ отечественною литературою, министръ этотъ дѣйствительно принялъ въ ея дѣлахъ, на столько, на сколько они его касались по цензурнымъ отношеніямъ, самое непосредственное участіе и между прочимъ потребовалъ, чтобъ переводы французскихъ романовъ, возбуждавшихъ столько же неодобренія, сколько и интереса въ публикѣ, были представляемы на его личный просмотръ, прежде одобренія ихъ къ печати (*).

Строго слѣдя за ходомъ литературы и въ особенности журналовъ и беллетристики, нерѣдко призывая своими циркулярами къ бдительности и осторожности подвѣдомственную ему цензуру, т. с. Уваровъ не успѣлъ, однакожъ, ни придать ей болѣе самостоятельности въ отношеніи другихъ вѣдомствъ, ни удержать въ тѣхъ границахъ снисходительности, которой безъ сомнѣнія желалъ его просвѣщенный умъ. Время управленія т. с. Уварова было однимъ изъ самыхъ затруднительныхъ для него самого и самыхъ тягостныхъ какъ для цензоровъ, такъ и для литераторовъ.

Въ 1834 году въ «Библіотекѣ для чтенія» были напечатаны стихи, переведенные изъ Виктора Гюго: «Къ красавицѣ», оканчивающіеся слѣдующимъ образомъ:

«......И еслибъ Богомъ былъ, селеньями святыми
Клянусь, я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ, съ ихъ ликами живыми,
За твой единый поцѣлуй».

И. А. Крыловъ, прочтя этотъ бредъ, сказалъ:

«Когда бъ, мой милый, былъ ты Богъ,
Подобной глупости ты сдѣлать бы не могъ».

Авторъ этого стихотворенія отдѣлался этимъ сарказмомъ; по

(*) Дѣло спб. цен. ком. 1834 г. № 3.

цензурѣ было сдѣлано сильное внушеніе, а всѣмъ вообще редакторамъ объявлено, что одобреніе цензора не избавляетъ и ихъ отъ отвѣтственности за напечатаніе «чего нибудь явно не приличнаго» (*). Въ томъ же 1834 г. запрещенъ «Московскій телеграфъ», столь живо интересовавшій современную публику.

Черезъ два года потомъ московскій журналъ «Телескопъ» началъ печатать «философскія письма». Г. Чеодаевъ, авторъ этихъ писемъ, былъ однимъ изъ передовыхъ и въ тоже время крайнихъ людей между такъ называемыми «западниками», то есть приверженцами западно-европейской цивилизаціи, со всѣми ея преимуществами и несовершенствами, въ противоположность кореннымъ началамъ Россіи, въ которой люди этой партіи не видѣли никакихъ задатковъ развитія. Г. Чеодаевъ приписывалъ, притомъ, преимущество Западной цивилизаціи католицизму. По этому мысли его изложенныя впрочемъ весьма изящно, показались вообще оскорбительными. Цензоръ былъ отрѣшенъ указомъ правительствующаго сената отъ должности, журналъ запрещенъ, а редакторъ его, г. Надеждинъ, отправленъ, по представленію особой коммисіи, назначенной для обслѣдованія этого случая, въ Усть-Сысольскъ (*).

Почти единовременно съ этими случаями былъ напечатанъ въ издававшемся въ Петербургѣ журналѣ: «Magazin belehrender Unterhaltung» рѣзкій отзывъ о нѣмецкой труппѣ. По представленію министра Императорскаго двора автору этой статьи было запрещено «писать о театрахъ, какъ въ семъ журналѣ, такъ и вообще, неисключая даже извѣщеній» (**).

Въ это же время возобновляются и конфискаціи, хотя конечно не въ той формѣ, какъ при гр. Ростопчинѣ и кн. Салтыковѣ. Въ 1837 году была напечатана книга, подъ заглавіемъ: «Разсказы о преступленіяхъ и невинности.» «Изъ дѣлъ невидно, въ чемъ именно состоитъ содержаніе этого сочиненія; изъ предложенія министра с.-петербургскому цензурному комитету обнаруживается только, что, «не видя никакой пользы въ распространеніи подобныхъ сочиненій», книгу эту, признаваемую «хотя ничтожною, но вредною», велѣно было изъять изъ обращенія

(*) Дѣло спб. ценз. ком. 1834 г. № 66.
(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1836 г. № 91.
(**) Журн. спб. ценз. ком. 19 іюня 1834 г.

и «воспретить дальнѣйшую ея продажу» (*). Подобнымъ образомъ, нѣсколько лѣтъ спустя, были конфискованы экземпляры драматическаго сочиненія: «Янстерскій» и еще позднѣе, «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ» (*).

Должно сознаться, что т. с. Уваровъ дѣлалъ все возможное, чтобъ поставить цензуру на требуемую ногу; замѣчая, что непріятныя для нея послѣдствія вызываются большею частію журнальными статьями, онъ приставилъ къ каждому журналу по два цензора и увеличилъ личный составъ комитетовъ (**). Напоминанія его были часты, строги и настойчивы. Онъ даже съ особенною тщательностію заботился объ устраненіи всякихъ статей, могущихъ подать поводъ къ оживленной полемикѣ. Дозволеніе на изданіе новыхъ журналовъ сдѣлалось несравненно труднѣе получать, потому что на это съ 1832 г. требовалось уже соизволеніе Государя Императора (**). Осторожность цензуры доходила до того, что она воспретила перепечатаніе перевода извѣстнаго Беккаріева сочиненія: «о преступленіяхъ и наказаніяхъ» (**), хотя «цѣлыя главы этого сочиненія, какъ писалъ разсматривавшій его цензоръ, заимствованы изъ него въ наказъ Екатерины II, русскій же переводъ сего сочиненія, изданный въ 1803 году, «напечатанъ по Высочайшему повелѣнію на счетъ кабинета Его Императорскаго Величества.»

Все это, однакожъ, не улучшало положенія цензуры въ средѣ государственныхъ учрежденій, не дѣлало ея положенія болѣе самостоятельнымъ. Въ 1841 году между лифляндскими крестьянами произошли волненія. Мѣстный генералъ-губернаторъ, гр. Паленъ, отнесся къ гр. Бенкендорфу, объясняя ему, что въ настоящее время было бы неудобно дозволять публичныя разсужденія объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и просилъ его содѣйствія, дабы дерптскому цензурному комитету было предписано недопускать къ напечатанію статей объ этомъ предметѣ безъ его, гр. Палена, одобренія (***). Гр. Бенкендорфъ,

(*) Дѣло спб. ценз. ком. 1837 г. № 7.

(*) Журн. спб. ценз. ком. 4 марта 1841 и 17 мая 1846 г.

(**) Мѣра эта, кажется принята по мысли члена глав. упр.ценз. барона Брункова, коего записка о мѣрахъ къ усиленію цензуры находится при дѣлѣ гл. упр. ценз 1836 г. № 120.

(**) Дѣло гл. упр. ценз 1832 г. № 476 и спб. ценз. ком. 1836 г. № 47.

(**) Дѣло спб. ценз. ком. 1838 г. № 23.

(***) Дѣло канц. мин. нар. просв 1841 г. № 84.

вполнѣ раздѣляя мнѣніе это, приглашалъ т. с. Уварова сдѣлать согласно оному распоряженіе. Но это значило бы подчинить цензуру еще новой опекѣ, а потому т. с. Уваровъ предложилъ дерптскому комитету, не разрѣшая статей помянутаго содержанія, препровождать ихъ на усмотрѣніе Главнаго управленія. Получивъ о томъ увѣдомленіе, гр. Бенкендорфъ сообщалъ д. т. с. Уварову: «признавая таковое распоряженіе совершенно правильнымъ и не позволяя себѣ вмѣшиваться въ дѣйствія ваши, м. г., я осмѣливаюсь однако изложить, что ходатайство г. генералъ-губернатора помянутыхъ губерній основывается на причинахъ, выходящихъ изъ установленнаго порядка службы, и что Главное управленіе цензуры, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о настоящихъ мѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ признать и такую статью совершенно невинною, которая при нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ легко можетъ произвести вредное на умы впечатлѣніе». Такимъ образомъ, указывая на одну статью газеты «Das Inland», по его мнѣнію предосудительную, гр. Бенкендорфъ замѣчалъ: «..... судить публично о такихъ предметахъ въ этомъ краѣ не было обычая, и вѣроятно этого не могло бы случиться, еслибъ вашему высокопревосходительству угодно было ограничить изданіе всѣхъ подобныхъ статей, на томъ основаніи, какъ я имѣлъ честь изложить.»

Цензурное вѣдомство теряло годъ за годомъ, шагъ за шагомъ ту самостоятельность, которая была ей указана уставомъ 1828 года. Выше уже было изложено о правѣ, испрошенномъ министрами: военнымъ, финансовъ и Высочайшаго двора предварительно просматривать статьи, до ихъ вѣдомствъ касающіяся. Вслѣдъ за ними и всѣ другія вѣдомства, одно за другимъ, получили то же самое право. Въ 1841 году ученый Кеппенъ напечаталъ статейку, подъ названіемъ «Почтовыя сообщенія», которая обратила на себя вниманіе главноначальствовавшаго надъ почтовымъ департаментомъ (бывшаго министра народнаго просвѣщенія) князя Голицына. «Авторъ этой статьи, писалъ онъ поэтому поводу къ т. с. Уварову (*), критикуетъ распоряженія почтоваго начальства, предлагаетъ новыя взамѣнъ существующихъ, указываетъ на какія-то злоупотребленія и даже порицаетъ систему страховаго сбора, утвержденную Государемъ

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1841 г. № 87.

Императоромъ». Въ подтвержденіе своихъ словъ, кн. Голицынъ приводилъ выдержки изъ самой статьи и заключалъ такъ: «Изъ этихъ отрывковъ легко усмотрѣть непростительную смѣлость, какую позволилъ себѣ г. Кеппенъ, входить то въ разборъ коренныхъ почтовыхъ законовъ, то въ осужденіе дѣйствій почтоваго управленія».—«Это попытка того либеральнаго духа западной Европы, который стремится подвергать дѣйствія правительствъ контролю свободнаго книгопетатанія».—«Кеппенъ и теперь уже возглашаетъ въ той же статьѣ: «наступаетъ и для насъ время развитія силъ народныхъ»!..

Статейка почтеннаго академика, написанная самымъ скромнымъ образомъ, не обратила бы на себя въ нынѣшнее время вниманія ни цензуры ни публики, но двадцать лѣтъ тому назадъ она навлекла автору офиціальный выговоръ отъ министра народнаго просвѣщенія и подчинила статьи, до почтоваго вѣдомства касавшіяся, предварительному просмотру этого вѣдомства.

То же самое послѣдовало чрезъ нѣсколько лѣтъ и относительно вѣдомства путей сообщенія и публичныхъ зданій. Въ 1845 году появилась статья о николаевской желѣзной дорогѣ и была перепечатана въ нѣсколькихъ газетахъ; нисколько не порицая ея содержанія, вполнѣ благонамѣреннаго, гр. Клейнмихель испросилъ, однакожъ, Высочайшее повелѣніе, чтобъ впредь ничего не печаталось объ этомъ предметѣ безъ его предварительнаго одобренія (*); когда же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, появились литографированные фасады церквей, главноуправлящій путями сообщенія такимъ же образомъ преградилъ путь свободному обсужденію и исходатайствовалъ запрещеніе и на этотъ родъ изданій.

Не упоминая о поводахъ подобныхъ запрещеній по другимъ вѣдомствамъ, достаточно будетъ ихъ одного перечисленія. Въ 1843 году предоставлено было министру императорскаго двора просматривать всѣ статьи о театрахъ, по пропущеніи ихъ III отдѣленіемъ, послѣ чего уже онѣ подвергались дѣйствію обыкновенной цензуры (**). Въ 1843 году запрещено было печатать записки изъ тяжебныхъ дѣлъ (***); нѣсколько ранѣе послѣдовало

(*) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1845 г. № 24.

(**) Журн. спб. цен. ком. 1843 г. іюля 13.

(***) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1844 г. № 104.

запрещеніе всѣмъ служащимъ, военнымъ и гражданскимъ, отдавать что-либо въ печать, неполучивъ предварительнаго согласія своего начальства (*). Право предварительнаго просмотра даровано въ разныя времена управленію военно-учебнымъ вѣдомствамъ, кавказскому комитету, II отдѣленію собственной канцеляріи, археографической коммисіи, главному попечительству дѣтскихъ пріютовъ, с.-петербургскому оберъ-полиціймейстеру, управленію государственнаго коннозаводства (*)... Въ дѣлахъ цензурныхъ архивовъ есть прошеніе какого-то француза, Женіеса, агента любскаго пароходства, ходатайствовавшаго о недозволеніи печатать ничего противнаго интересамъ его, Женіеса, патроновъ, директоровъ компаніи (**).

Всѣ эти запрещенія, или почти равносильныя запрещеніямъ, спеціальныя цензуры крайне стѣсняли литературу. Въ архивахъ цензурныхъ вѣдомствъ сохранилось замѣчательное представленіе, сдѣланное по этому поводу бывшимъ попечителемъ московскаго университета, гр. Строгоновымъ: «Рѣшаюсь обратить вниманіе вашего высокопревосходительства», писалъ онъ къ д. т. с. Уварову (**), отвѣчая на увѣдомленіе объ одномъ подобномъ запрещеніи, «что въ недавнее время послѣдовали также Высочайшія повелѣнія о непечатаніи свѣдѣній, касающихся и другихъ вѣдомствъ безъ предварительнаго соображенія главныхъ ихъ начальствъ: о театрахъ, о кавказскомъ краѣ, о обязанныхъ крестьянахъ и по другимъ временнымъ мѣрамъ правительства. При точномъ исполненіи этихъ правилъ, я замѣтилъ на опытѣ, что писатели наши *до крайности стѣсняются* цензурою въ изданіи своихъ сочиненій и тѣмъ самымъ нерѣдко благонамѣренныя и полезныя для общей образованности статьи или остаются ненапечатанными, или выходятъ въ свѣтъ совершенно несвоевременно». Поэтому гр. Строгоновъ просилъ, «не будетъ ли до-

---

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1836 г. № 1053.
(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1850 г. № 171.
— — — — 1852 г. № 154
— — — — — № 221.
— спб. ценз комит. 13 іюля 1843 г.
— глав. упр. ценз. 1837 г. № 1053.
— канц. мин. нар. просв. 1845 г. № 80.
(**) Дѣло глав. упр. ценз. 1838 г. № 94.
(**) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1845 г. № 24.

зволено ему самому разсматривать непропускаемыя цензурою статьи и одобрять въ напечатанію, посылая въ министерства лишь тѣ, къ которыхъ онъ самъ усомнится». Въ чемъ состоялъ отвѣтъ министра на это ходатайство, изъ дѣла не видно.

Д. т. с. Уваровъ самъ, впрочемъ, содѣйствовалъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ ограниченію сферы литературныхъ изслѣдованій. Усмотрѣвъ, что въ одномъ повременномъ изданіи невѣрно былъ переданъ отчетъ II отдѣленія академіи наукъ, онъ, по выходѣ уже изъ министерства, въ качествѣ президента академіи, испросилъ, чтобъ и ему представляемы были всѣ отзывы объ этомъ отдѣленіи, предназначаемые къ печати (*). Наконецъ, по его же представленію, отнято было у ученыхъ обществъ древнее ихъ право: цензировать самимъ свои изданія. Это случилось по слѣдующему поводу.

Въ 1848 г., еще во время управленія гр. Уварова министерствомъ просвѣщенія, въ бытность его въ Москвѣ, вышла книжка «Чтеній въ обществѣ любителей исторіи и древностей», въ кокорой былъ помѣщенъ переводъ сочиненія англичанина Флетчера о Россіи временъ Іоанна Грознаго. Сочиненіе это весьма рѣзко, но и весьма важно для спеціалистовъ, для которыхъ собственно и самое изданіе московскаго общества предназначается (*). Гр. Уваровъ приказалъ пріостановить продажу этой книги и сдѣлалъ о томъ донесеніе Государю Императору, объясняя, въ то же время, что за пропускъ Флетчерова сочиненія цензура не подлежитъ отвѣтственности, такъ какъ изданія общества отъ нея изъяты. Цензура дѣйствительно и не была за это къ отвѣтственности привлечена, но за то «Общество любителей» и пр. потеряло право цензировать свои «Чтенія».

Постепенное, постоянное стѣсненіе мысли въ ея стремленіи къ изслѣдованію, производило раздражающее вліяніе на литературу, признаки котораго, какъ вслѣдъ за симъ будетъ объяснено, не замедлили обнаружиться; но было бы несправедливо думать, что столь старинный принципъ, какъ принципъ предварительной цензуры, не находилъ и въ описываемое время своихъ защитниковъ. Журналъ «Маякъ», выражавшій крайнюю идею нетерпимости въ дѣлѣ народности и православія, въ одномъ изъ своихъ нумеровъ говоритъ, между прочимъ: «Ну вотъ хоть и ли-

(*) Дѣло гл. упр. цен. 1852 г. № 244.
(*) Дѣло гл. упр. цен. 1848 г. № 109.

тература наша: еще слава Богу, что у насъ есть цензура! не будь ея, сейчасъ бы явились у насъ свои Поль-де-Коки и Жоржъ-Занды. Стоитъ только припомнить два несчастные романа: «Тайна» и «Мертвыя души». Но всего достойнѣе сожалѣнія, что въ Россіи нашлись два какіе-то профессора, которые смотрѣли на «Мертвыя души» не какъ на злоупотребленіе великаго таланта, но.... увы!... какъ на образцовое твореніе! Ахъ, слава Богу, что у насъ есть цензура (*)!» Другой, какой-то неизвѣстный писатель, по поводу нѣкоторыхъ статей «Московскаго телеграфа», предавалъ анафемѣ всѣхъ мыслителей, отъ Декарта до Штилинга и Бема (**).

Но самое непріятное впечатлѣніе на весьма значительную часть общества производили статьи, заключавшія намеки на крѣпостное состояніе. Къ чести литературы можно сказать, что отвращеніе отъ личной зависимости людей обнаружилось въ ней весьма рано; еще въ прошедшемъ вѣкѣ Радищевъ (*) горячо и сильно возставалъ противъ этого учрежденія и во все продолженіе текущаго столѣтія возвышались голоса, высказывавшіеся въ томъ же смыслѣ. Цензура заглушала ихъ большею частію, но случалось, что они проскользали въ печать, или что общество угадывало намѣренія автора въ либиринтѣ тщательно замаскированныхъ словъ, намсковъ и наведеній; тогда тѣ, которые не сочувствовали подобному образу мыслей, требовали защиты цензуры и призывали вмѣшательство правительственной власти. Въ 1844 году напечатана была въ московскихъ вѣдомостяхъ статья: «освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ». (**) Сообщая о ней министру народнаго просвѣщенія, гр. Орловъ замѣчалъ, что онъ «изъ различныхъ источниковъ изъ Москвы получилъ однѣ и тѣ же извѣстія, что статья эта произвела въ публикѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе», тѣмъ болѣе, что, видя на статьѣ одобреніе цензора, ей было многими приписываемо полуоффиціальное значеніе. Въ то же самое время и гр. Перовскій, тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствовалъ передъ гр. Уваровымъ о разныхъ толкахъ, возбужденныхъ этою статьею.

(*) Жур. спб. ценз. ком. 1844 г. апрѣля 25.

(**) Дѣло спб. цен. ком. 1835 г. № 31.

(*) См. въ началѣ этой записки.

(**) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1844 г. № 47.

Любопытная «Таблица сочиненій, напечатанныхъ съ дозволенія цензуры», составленная въ нынѣшнемъ году при министерствѣ народнаго просвѣщенія, даетъ понятіе о положеніи литературы при всѣхъ вышеобъясненныхъ условіяхъ. Цифры общаго числа книгъ, начиная съ 1833 г. (которымъ начинается «таблица»), колеблясь и измѣняясь, уменьшается:

	1833—37 год.	1838—42	1843—47.
Пятилѣтній итогъ:	51,828 кн.	44,609	45,793.

Если разсматривать эту «таблицу» по родамъ сочиненій, то окажется, что въ теченіе періода времени съ 1833 по 1847 годъ уменьшилось: книгъ для дѣтей, романовъ, стихотвореній, сочиненій по части теоріи словесности и искуствъ, а также философіи (разительно), отечественной исторіи, математики, естественныхъ наукъ (разительно) и медицины; увеличилось же лишь по предмету сельскаго хозяйства и юридическихъ наукъ. Почему именно усилился этотъ послѣдній отдѣлъ, объяснить трудно, но сельское хозяйство очевидно было единственнымъ поприщемъ, на которомъ цензура не дѣлала стѣсненій общественной мысли. Сохранившіеся въ дѣлахъ отчеты о періодическихъ изданіяхъ, болѣе подробные чѣмъ о книгахъ, даютъ возможность вглядѣться еще ближе въ характеръ, сообщенный въ это время литературѣ. Оказывается, что число періодическихъ изданій, хотя и увеличивалось (весьма впрочемъ слабо), но увеличивалось именно число изданій хозяйственно-промышленныхъ, медицинскихъ и модныхъ; напротивъ того, число изданій учено-литературныхъ уменьшилось въ 1834—1847 годахъ. Такъ въ 1844 году было разрѣшено изданіе «Иллюстраціи» и album des petites soizées, но не было разрѣшено изданіе «Московскаго обозрѣнія», о которомъ ходатайствовалъ знаменитый московскій профессоръ Грановскій (*).

И такъ, если число періодическихъ изданій и не уменьшилось, то въ печальной пропорціи уменьшилось ихъ просвѣтительное на общество, благотворное дѣйствіе, а чрезвычайная осторожность цензуры не давала ходу и тѣмъ немногимъ дѣльнымъ,

(*) Дѣло канц. мин. нар. просв 1844 г. № 71.

серьозным сочиненіям, которыя от времени до времени создавались. Так, академик Шопен, сочиненіе котораго об Арменіи удостоилось демидовской преміи, о напечатаніи котораго ходатайствовал кн. Паскевич и за которое автор получил подарок от Государя Императора, не мог однакож, в теченіе десяти лет, провести ее сквозь цензурныя фуркулы, отчасти потому, что он неблагосклонно отзывался об армянах вообще, отчасти по соображеніям политическим.

В 1843 году кн. Львов просил о дозволеніи ему издавать книги для простонародья. Служа страждущим в теченіе 20 лет, писал он (*), и в «продолженіе сего времени обращаясь с сими несчастными виновными против небеснаго и земнаго правосудія, я опытом убедился, что большая часть из них не имеет почти никакого понятія о божественной религіи нашей, ни об обязанностях, ею налагаемых в отношеніи к Богу и ближнему, и таким образом, будучи вне закона нравственнаго, они руководствуются одним инстинктом животной своей природы.» Я желал бы, продолжал кн. Львов, снабжать их такими книгами, «которыя вместе питают душу и сердце русскаго примерами нравственными и благородными»;—«миссіонеры шотландскіе, англійскіе и американскіе желают помочь нам своими произведеніями, «но их книги неудовлетворяют нашим потребностям.» Разрешеніе, просимое кн. Львовым, было ему дано, но с соблюденіем больших и затруднительных формальностей. Вообще на простонародную литературу смотрели тогда весьма недоверчиво. Еще в 1834 г. т. с. Уваров, заметив, что нередко поступают прошенія об изданіи дешевых книг и періодических сочиненій, предложил на обсужденіе Главнаго управленія цензуры вопрос о том, удобно ли распространять подобную литературу? Главное управленіе пришло к тому заключенію, «что приводить низшіе классы некоторым образом в движеніе и поддерживать оные как бы в состояніи напряженія, не только безполезно, но и вредно» (*).

(*) Дело канц. мин. нар. просв. 1843 г. № 51.
(*) Дело гл упр. ценз. 1834 г. № 783.

Подобнымъ же образомъ устраняемо было, и едва ли не съ еще большею тщательностію, всякое общеніе, умственное и нравственное, съ западными славянами. Въ 1842 году писано было т. с. Уварову: «Въ послѣдніе годы нѣкоторые журналы, и въ особенности Москвитянинъ, приняли за особенную тему выставлять живущихъ подъ владычествомъ Турціи и Австріи славянъ, какъ терпящихъ особыя угнетенія и предвѣщать скорое отдѣленіе ихъ отъ иноплеменнаго ига».—«Возбуждать участіе къ политическому порабощенію нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, представлять имъ Россію, какъ главу, отъ которой могутъ они ожидать лучшаго направленія къ будущности и явно рукоплескать порывамъ ихъ къ эманципаціи,» заключало это донесеніе,—едва ли можно считать, «такую пропаганду не опасною» (*). Нѣсколько лѣтъ спустя, какъ ниже будетъ показано, нѣкоторыя правительственныя лица старались возбудить сочувствіе русской публики къ западнымъ славянамъ и печалились, что сочувствіе это слабо.

Тоже стремленіе заглушить сочувствіе къ единоплеменникамъ нашихъ западныхъ губерній, замѣтно въ цензурныхъ дѣйствіяхъ сороковыхъ годовъ. Въ 1841 году Хомяковъ представилъ въ цензуру одно изъ прекраснѣйшихъ своихъ стихотвореній «Кіевъ», въ которомъ изображаетъ со всѣхъ концовъ православной земли стекающихся поклонниковъ; цензура исключила изъ этого стихотворенія слѣдующія строфы:

«Мы вокругъ твоей святыни
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ жь сыны Волыни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

«Горе, горе! ихъ сгубили
Польши лютые костры;
Ихъ сманили, ихъ прельстили
Польши царскіе пиры!

(*) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1842 г. № 67.

«Мечъ и месть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ.

«Пробудися, Кіевъ! снова
Падшихъ чадъ своихъ зови:
Сладокъ гласъ отца роднова
Зовъ моленья и любви.

. . . .

«И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой.»

Нѣкто г. Волковъ представилъ въ 1841 году рукопись подъ названіемъ «La Russie et ses ressources», имѣвшую цѣлію отразить обвиненія, возводимыя на Россію иностранными писателями; онъ защищалъ тарифъ 1822 года, предварительную цензуру и даже до нѣкоторой степени крѣпостное право; но онъ приводилъ мѣста изъ книги маркиза Кюстина и другихъ запрещенныхъ сочиненій, а потому и рукопись г. Волкова была недозволена въ печати (*). Цензура упорно держалась основнаго своего начала, причины своего бытія: «осторожнѣе и соотвѣтственнѣе природѣ человѣческой, людей, незнакомыхъ со зломъ, оставлять въ прежнемъ его невѣдѣніи, нежели знакомить съ онымъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій» (**). Кн. Шихматовъ, писавшій эти строки, намекалъ на зло, содержащееся въ запрещенныхъ книгахъ. Но дѣла цензурныхъ архивовъ показываютъ, что книги эти пробирались въ Россію всевозможными путями, даже въ видѣ обертокъ на товарахъ, вложенными въ книги совершенно другаго содержанія, въ картонажи и т. д.; зло слѣдовательно было: только никто не осмѣливался противудѣйствовать ему.

(*) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1841 г. № 49.
(**) Жур. спб. ценз. ком. 1850 г. 28 февраля.

Но если различныя побужденія, указанныя въ предшествующихъ строкахъ, объ отсутствіи которыхъ нынѣ горько сожалѣютъ, были тщательно заглушаемы цензурою сороковыхъ годовъ, то въ то же самое время обнаруживаются въ литературѣ другія начала, которыхъ появленіе не менѣе достойно сожалѣнія. Еще во время младенчества русской литературы, въ прошедшемъ вѣкѣ, въ ней замѣтенъ элементъ сатирическій: Кантемиръ писалъ сатиры прежде нежели установилось наше стихосложеніе; комедіи Фонъ-Визина уважаются и теперь, между тѣмъ какъ современныя ему трагедіи невозможно уже читать; Крыловъ, Грибоѣдовъ, Вяземскій, Гоголь провели, хотя подъ различными формами, сатиру до нашихъ временъ. Но никогда передъ тѣмъ она не являлась столь желчною и раздражительною, какъ въ описываемое время. Невозможно исчислить случаевъ удержанія или смягченія цензурою всѣхъ горькихъ сатирическихъ выходокъ въ сороковыхъ и даже тридцатыхъ годахъ; но нерѣдко ей это не удавалось; случалось, что подъ вымышленными именами, перенося, напр., театръ дѣйствія въ Китай, сатира обманывала бдительность цензуры и уже публика разгадывала ея истинное значеніе. Въ такого рода сочиненіяхъ, какъ замѣчалъ кн. Вяземскій въ запискѣ, поданной имъ въ 1848 г. «каждое слово есть обинякъ. Литература наша, и особенно нѣкоторые изъ петербургскихъ журналовъ, исполнены этихъ обиняковъ и намековъ, прозрачныхъ для смышленыхъ читателей» (*). Въ 1846 году гр. Орловъ писалъ министру народнаго просвѣщенія: «получено мною свѣдѣніе, что напечатанная въ недавнее время въ Москвѣ брошюрка, подъ названіемъ: «Турусы на колесахъ», принадлежа къ народнымъ разсказамъ, признана въ публикѣ явнымъ пасквилемъ, ибо объясняютъ, что напечатанное на стр.—«*Пришла правда отъ Воскресенья въ Кадашахъ*», означаетъ домъ бывшаго градскаго головы Шестова; на той же страницѣ слова: *а то всякій Иванъ смотритъ только въ свой карманъ*», относятъ какъ намекъ на московскаго оберъ-полиціймейстера (*)...., тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за тѣмъ идетъ рѣчь о «*Левушкѣ забубенной головушкѣ*,

---

(*) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1848 г. № $\frac{49}{50}$.

(*) Это имя, какъ и послѣдующія, прописаны въ подлинномъ письмѣ графа Орлова.

который махнулъ отъ съвера на югъ», въ чемъ видятъ ясно намѣреніе злословить генерала ...., уѣхавшаго на югъ, въ Херсонскую губернію. Далѣе изъ словъ: *«кто съ темной ночи оброкъ бралъ* выводятъ общія мысли о брантъ-маіорахъ, а подъ выраженіемъ: Г*«записнаго плута оправдалъ»*, разумѣютъ дѣло купца Сопова, произведенное бывшимъ полиціймейстеромъ.....»

Въ то же время обнаружились и ростки совершенно новыхъ у насъ началъ и понятій: по поводу предназначенныхъ въ одинъ сборникъ статей г. Буташевича-Петрушевскаго «Организація промышленности» и нѣкоторыхъ другихъ, разсматривавшій ихъ цензоръ, доносилъ (*): «Главное затрудненіе проистекало изъ общаго направленія статей противъ существующаго порядка въ общественной жизни. Редакція (сборника) видитъ во всѣмъ *ненормальное*, какъ оно выражается, положеніе и напрягается всѣми силами развивать способы къ приведенію общества въ другое положеніе, *нормальное*. Для редакціи кажется, что въ христіанскомъ обществѣ должно быть равенство, потому что религія христіанская есть религія братской любви». Цензора поражало также и слово «организація», и это выражаемое авторомъ желаніе все организовать; послѣ организаціи производства и торговли, разсуждалъ цензоръ, можетъ появиться статья подъ заглавіемъ: организація войска, организація труда; «на чемъ можетъ остановиться этотъ рядъ организацій, угадать трудно».

Инстинктъ не обманывалъ цензора: передъ нимъ были первыя основанія весьма полной системы, которую онъ только не умѣлъ назвать—соціализма.

Всему этому могла и должна была, по мнѣнію многихъ, пособить цензура: въ ихъ понятіяхъ принудить зло къ печатному безмолвію, значило, повидимому, искоренить его; по крайней мѣрѣ изъ дѣлъ цензурныхъ вѣдомствъ не видно, чтобъ въ то время кто либо вглядывался въ дѣло глубже; усилить цензуру, преобразовать ея устройство, дать ей иное направленіе, вотъ единственныя мысли, на которыя указываютъ документы, и въ 1848 году съ этою цѣлію былъ составленъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Ширинскаго-Шихматова, но подъ руководствомъ

(*) Журн. спб. ценз. ком. 12 марта 1846 г.

самого министра, комитетъ для пересмотра цензурнаго устава и начертанія «наказовъ» цензорамъ (*).

Проэкты, составленные этимъ комитетомъ, не были утверждены, а потому излишне было бы о нихъ распространяться; достаточно сказать, что въ оный вошли всѣ суровыя ограничительныя мѣры, введенныя въ цензурную практику различными частными распоряженіями; что иностранныя книги предполагалось обложить пошлиною; что ученое сословіе было устранено отъ исправленія цензорскихъ обязанностей и что, наконецъ, оба с.-петербургскіе цензурные комитеты предполагалось соединить въ одинъ департаментъ, подраздѣленный на отдѣленія и столы, дѣлопроизводство которыхъ было во всей подробности тщательно изложено въ проэктѣ.

Государственный совѣтъ призналъ, однакожъ, ненужною предполагаемую организацію цензурнаго управленія, а предполагаемыя проэктомъ средства къ сообщенію литературѣ направленія, болѣе соотвѣтствующаго видамъ правительства, недостаточными, и потому весь проэктъ былъ возвращенъ къ гр. Уварову. Изъ всѣхъ его предположеній осуществилось только два, а именно: объ увеличеніи содержанія цензорамъ и о назначеніи чиновниковъ особыхъ порученій при Главномъ управленіи цензуры для чтенія всего, что печаталось въ Россіи и наблюденія, такимъ образомъ, какъ за направленіемъ литературы, такъ и за дѣйствіями цензуры вообще.

Между тѣмъ мысли, высказанныя, какъ выше приведено, г. Петрушевскимъ въ его статьяхъ, обнаружили стремленія къ фактическому своему осуществленію и подверглись преслѣдованію правительства. Послѣдствія этого отразились и на литературѣ, и на цензурѣ. Въ началѣ 1848 года былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Меншикова, особый комитетъ съ обязанностію «разсмотрѣть, правильно ли дѣйствуетъ цензура и издаваемые журналы соблюдаютъ ли данныя каждому журналу программы», о всемъ же имъ замѣчаемомъ, докладывать Государю Императору. Комитетъ этотъ вскорѣ уступилъ мѣсто другому, подъ предсѣдательствомъ д. т. с. Бутурлина, для высшаго надзора въ нравственномъ и политическомъ отношеніи за духомъ и направленіемъ книгопечатанія. Комитетъ этотъ принялъ наименова-

(*) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1848 г. № $\frac{49}{50}$.

ніе «комитета 2-го апрѣля 1848 года», которое онъ и сохранялъ до своего уничтоженія въ 1856 году.

Комитетъ 2-го апрѣля дѣйствовалъ съ большою энергіей и слѣдилъ неослабно за всѣмъ печатаемымъ въ Россіи и за провозимымъ изъ за границы печатнымъ товаромъ, подобно тому, какъ это дѣлали чиновники особыхъ порученій при Главномъ управленіи цензуры. Эти послѣдніе должны были доводить о всѣхъ замѣченныхъ ими недосмотрахъ цензуры до свѣдѣнія министра; комитетъ сообщалъ ему о томъ же съ своей стороны. Такимъ образомъ можно было, казалось, надѣяться, что никакое упущеніе цензуры, никакое отклоненіе мысли отъ указаннаго ей пути не въ состояніи будутъ укрыться. Дѣйствительно, ничто не ускользало отъ вниманія по крайней мѣрѣ комитета 2-го апрѣля.

Главнѣйшее его вниманіе было обращено на между-строчный смыслъ сочиненій, не столько на «видимую», какъ указывалъ уставъ 1828 года, сколько на предполагаемую цѣль автора и не на «дозволительность» статей, а на приличіе или умѣстность ихъ. Все туманное, неопредѣленное, дающее, по мнѣнію комитета, «поводъ къ предположеніямъ и толкованіямъ», было равномѣрно указываемо комитетомъ министру и указываемо въ слѣдующихъ, напримѣръ, формахъ. «Хотя означенная поэма была разсмотрѣна цензурою еще прежде происшествій на западѣ, писалъ д. т. с. Бутурлинъ гр. Уварову, но какъ проявленія подобныхъ мыслей не слѣдовало допускать въ нашей литературѣ, то комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству сдѣлать цензору за пропускъ означенныхъ стиховъ строгое замѣчаніе. О таковомъ заключеніи комитета, удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, имѣю честь сообщить вашему сіятельству для зависящаго распоряженія (*)».

Подобныхъ указаній съ выраженіемъ Высочайшей воли въ одномъ іюнѣ 1848 году было сообщено д. т. с. Бутурлинымъ шесть. Надзоръ комитета производился съ изумительною дѣятельностію, не только по текущей литературѣ, но, какъ видно изъ предшествующаго примѣра, и по сочиненіямъ, изданнымъ ранѣе; онъ простирался на губернскія вѣдомости, на изданія совершенно спеціальныя и совершенно мѣстныя, какъ напримѣръ

(*) Дѣло канц. мин. нар просв. 1848 г. № 127.

на описаніе пятидесятилѣтняго юбилея наборщика Нёберта, напечатанное въ Митавѣ (*), на нѣмецкій словарь, въ которомъ замѣчены были нѣкоторыя неприличныя слова (**), и т. д.

Впрочемъ, наблюденіе комитета не ограничивалось одною лишь литературою; онъ обращалъ вниманіе и на механизмъ самаго цензурнаго управленія и указывалъ министру на случавшіяся въ его вѣдомствѣ неисправности, какъ напримѣръ, на то, что Journal d'Odessa выходилъ безъ подписи цензора (*). Комитетъ же сообщилъ ему Высочайшую волю, чтобъ авторы непремѣнно выставляли свои имена подъ статьями (**), по Высочайшему же повелѣнію потребовалъ списковъ всѣмъ журнальнымъ сотрудникамъ по редакціямъ (*,*). Словомъ, Высочайшая воля по дѣламъ цензурнаго вѣдомства объявлялась гр. Уварову чрезъ комитетъ, и изъ дѣлъ невидно, чтобъ министръ въ это время имѣлъ личные доклады у Государя. Все это до такой степени лишило гр. Уварова всякой самостоятельности, направленія, инииціативы, что онъ иногда не рѣшался самъ, и даже съ помощію Главнаго управленія, разрѣшать или запрещать статьи, а посылалъ ихъ на предварительное обсужденіе главноначальствующаго III отдѣленіемъ гр. Орлова (*,*,*).

Въ началѣ 1849 г. помѣщена была въ «Современникѣ» статья «О значеніи русскихъ университетовъ», которую комитетъ нашелъ неприличною, и, по докладѣ Его Величеству, увѣдомилъ о томъ министра народнаго просвѣщенія. Это новое замѣчаніе побудило гр. Уварова представить и свое объясненіе. Въ докладной всеподданнѣйшей запискѣ гр. Уваровъ излагалъ, что «статья эта написана съ благонамѣренностью, съ нелицемѣрною преданностію правительству, съ знаніемъ предмета и настоящаго положенія учебной части; наконецъ, съ любовію къ просвѣщенію истинному и благотворному» (*,*,*).—«Комитетъ 2 апрѣля, продолжалъ онъ, самъ принужденъ сказать, и говоритъ, что статья эта, по ея изложенію, ничего не имѣетъ предосудительнаго, что напротивъ,

(*) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1848 г. № 73.
(**) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1848 г. № 70.
(*) Дѣло кан. мин. нар. просв. 1848 г. № 72.
(**) Дѣло кан. мин. нар. просв. 1848 г. № 19.
(*,*) Дѣло кан. мин. нар. просв. № 51.
(*,*,*) Дѣло кан. мин. нар. просв. № 139.
(*,*,*) Дѣло кан. мин. нар. просв. 1849 № 51.

вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности государю, о любви къ Россіи и проч. При всемъ томъ, комитетъ, *вникнувъ*, какъ сказано въ отношеніи д. т. с. Бутурлина, *во внутренній смыслъ* ея, видитъ въ ней неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства... Какой цензоръ или критикъ можетъ присвоить себѣ даръ, недоставшійся въ удѣлъ смертному, даръ всевидѣнія и проникновенія внутрь природы и человѣка, даръ въ выраженіяхъ преданности и благодарности открывать смыслъ, совершенно тому противный? Я вижу себя присужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, недовольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую оболочку, подозрѣвать тайное значеніе, что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и несправедливымъ обвиненіямъ». Излагая содержаніе статьи объ университетахъ, гр. Уваровъ замѣчаетъ, что комитетъ 2 апрѣля не порицаетъ мыслей автора, но находитъ только, что онѣ, вмѣсто того, чтобъ заявлять ихъ въ печати, *могли бы быть представлены на усмотрѣніе высшаго начальства*.—«Опять нахожусь въ необходимости сказать откровенно, что статья благонамѣренная, и комитетъ самъ двукратно призналъ ее такою, не можетъ оттого только, что она напечатана, сдѣлаться внезапно столь преступною, какою потомъ она выставляется».

«Государь, продолжалъ гр. Уваровъ, статья въ «Современникѣ» была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность, по совѣсти и закону, должна единственно пасть на меня».

За тѣмъ гр. Уваровъ изображалъ щекотливыя отношенія свои къ комитету и заключалъ предложеніемъ; не благоугодно ли будетъ Его Величеству вовсе отдѣлить цензуру отъ министерства народнаго просвещнія, подчинивъ ее исключительно комитету 2-го апрѣля, или же комитету этому, совмѣстно съ III отдѣленіемъ собственной канцеляріи.

Вскорѣ послѣ этого представленія гр. Уваровъ оставилъ министерство; мѣсто его занялъ бывшій товарищъ министра, кн. Ширинскій-Шихматовъ.

Новый министръ откровенно подалъ руку комитету 2 апрѣля и указанія его принималъ не какъ посягательство на свою са-

мостоятельность, но какъ дружелюбную помощь и содѣйствіе для достиженія общей цѣли, — сообщенія литературѣ болѣе удовлетворительнаго направленія. Однакожъ это оказывалось несостоятельнымъ и въ рукахъ цензуры 1849 года, какъ и въ рукахъ адмирала Шишкова. Государь Императоръ, обратилъ въ 1850 г. вниманіе на недостатокъ простонародныхъ книгъ, соотвѣтствующихъ цѣли, и замѣтилъ это кн. Шихматову. Кн. Шихматовъ немедленно представилъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ подробно разсматривалъ цѣль, которую должны подобныя книги имѣть въ виду и склонялся къ тому мнѣнію, что въ нихъ долженъ быть употребляемъ церковно-славянскій шрифтъ. Дѣло, однакожъ, на томъ и остановилось. По крайней мѣрѣ, когда чрезъ два года потомъ, г-ъ ад. Анненковъ, предсѣдательствовавшій въ комитетѣ 2 апрѣля, спрашивалъ у кн. Шихматова какія именно книги одобрены министерствомъ, то онъ отвѣчалъ ему, что книги для народнаго чтенія составлять очень трудно и что потому, не взирая на всѣ поощренія, которыхъ вправѣ ожидать литераторы, посвятившіе себя на этотъ предметъ, онъ не можетъ еще указать ни на одинъ удачный опытъ подобнаго сочиненія (*).

Единственный успѣхъ, на который могло указать министерство, заключался въ увеличившейся строгости цензуры, и точно она сдѣлалась до того подозрительною, что одинъ цензурный комитетъ вступилъ въ ходатайство о назначеніи въ его составъ музыканта для разсмотрѣнія нотъ, ибо, представлялъ онъ, необходимо бываетъ опредѣлить «дѣйствительно ли представляемыя ноты содержатъ въ себѣ музыкальную пьесу, а не какое либо безнравственное и вредное сочиненіе, написанное въ видѣ нотъ, знаками, составленными по извѣстному ключу (*). Одинъ цензоръ, имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду выговоръ, сдѣланный за пропущеніе въ словарѣ неблагопристойныхъ словъ, просматривая словарь Рейфа, подвергъ исключенію многія иностранныя слова, одни по причинѣ ихъ неблагопристойнаго смысла, другія по причинѣ ихъ созвучія съ русскими неблагопристойными словами, третьи по разнымъ своимъ соображеніямъ; такъ, между прочимъ, замѣтивъ, что нѣмецкое слово Litanej было переведено словами:

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1850 г. № 60.

(*) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1851 г. № 36.

«литія, молебенъ, скучный разсказъ», онъ вычеркнулъ послѣднее. Издатель словаря, жалуясь Главному управленію, объяснялъ, «что хуже будетъ, если русскій ученикъ, встрѣтивъ на нѣмецкомъ языкѣ это слово въ смыслѣ «скучнаго разсказа», станетъ переводить его словами «литія, молебенъ» (*). Изъ приведенныхъ примѣровъ можно заключить, что цензура въ это время дѣйствительно не грѣшила излишнею снисходительностію; каковы же были трудности, которыя ей приходилось преодолѣвать, явствуетъ изъ объясненія, даннаго с.-петербургскимъ цензурнымъ комитетомъ (*), въ которомъ между прочимъ прописываетъ, что представляемыя въ цензуру статьи весьма часто бываютъ «преступнаго содержанія»; что мудрено при этомъ напорѣ преступныхъ мыслей, не дать проскользнуть нѣкоторымъ изъ нихъ; но что еслибъ правительство знало, сколько вредныхъ мыслей остановлено имъ, «то оно отдало бы еще похвалу ихъ усердію и предусмотрительности».

Приведенное объясненіе цензоровъ представляло двѣ стороны одного и того же вопроса: они старались указать на дѣлаемыя имъ усилія къ очищенію русской прессы; другіе могли видѣть безсиліе цензуры къ удержанію напора вредныхъ мыслей, и эта послѣдняя сторона вопроса многихъ озабочивала. Уже въ 1848 г. кн. Вяземскій, въ представленной на Высочайшее усмотрѣніе запискѣ, указывалъ на многія несовершенства тогдашней цензуры и признавалъ ея несостоятельность (**); въ то же почти время въ комитетъ 2 апрѣля подана была генераломъ б. Медемомъ другая записка, касавшаяся того же предмета. Равномѣрно признавая несостоятельность существующей цензуры, г. Медемъ не отчаявался, однакожъ, придать ей болѣе силы и дѣйствительнаго значенія; средство же, которымъ онъ надѣялся этого достигнуть, состояло въ томъ, чтобъ снабдить какъ редакторовъ, такъ и цензоровъ весьма подробными инструкціями относительно ихъ обязанностей, и поручить вторымъ не только откидывать тѣ выраженія и мысли, которыя признаны неудобными къ печати, но измѣнять ихъ и замѣнять своими собственными мыслями, проводя въ представляемыхъ имъ статьяхъ взгляды и понятія, согласныя съ видами правительства.

(*) Жур. глав. упр. цен. 1854 г. ноября 27.
(*) Дѣло гл. упр. цен. 1848 г. № 56.
(**) Дѣло канц. мин. нар. просв. 1848 г. № 13.

Весьма одобренная комитетомъ 2 апрѣля, записка эта была препровождена на заключеніе бывшаго канцлера: гр. Нессельроде, въ своихъ замѣчаніяхъ, касался лишь политическаго отдѣла; отдавая полную справедливость стремленіямъ автора, онъ сомнѣвался, однакожъ, въ исполнимости его предположенія. Для успѣха этого предположенія «надо, замѣчалъ онъ, чтобъ редакторы и ихъ ближайшіе сотрудники проникнуты были духомъ самого автора записки; чтобъ всѣ они смотрѣли на политическія событія съ одной и той же точки зрѣнія, чтобъ они имѣли самыя полныя понятія о государственныхъ формахъ, законахъ, управленіяхъ, какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ; наконецъ чтобъ они могли все это объяснить не только съ совершеннымъ знаніемъ предмета, но еще съ краснорѣчивымъ убѣжденіемъ». — «Если всѣ эти условія окажутся соединенными въ поименованныхъ лицахъ, въ такомъ случаѣ,— но только въ такомъ,—вновь составленныя инструкціи будутъ соблюдены въ совершенной точности и въ ихъ настоящемъ духѣ. Я предоставляю комитету, заключилъ канцлеръ, судить, легко ли достигнуть сочетанія этихъ условій и можно ли даже требовать и ожидать его иначе, какъ отъ людей государственныхъ и вмѣстѣ первостепенныхъ писателей».

Не болѣе успѣха канцлеръ ожидалъ и отъ непосредственнаго участія цензоровъ въ редижированіи или направленіи статей. «Указать редактору газеты, какъ надо передѣлать политическую статью, какое ей надо дать направленіе, на что въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобъ окончательно сдѣлать полезное заключеніе, и все это въ виду основныхъ началъ нашего государственнаго управленія и общественнаго мнѣнія,— все это требуетъ зрѣлости, вѣрной точки зрѣнія, наконецъ истинной опытности,—достоинствъ, которыя весьма трудно найти въ одномъ лицѣ». Передѣлывать, по предположенію автора записки, статьи, было бы, продолжалъ гр. Нессельроде, такъ же трудно, какъ написать новыя, а «статьи подобнаго рода не могутъ и не должны быть написаны посредственно: надо, чтобъ критика, даже словесная, не могла ихъ оспорить и опровергнуть. Иначе онѣ не только не принесутъ пользы, но будутъ рѣшительно вредны».—«Весьма понятно, что на эти статьи и у насъ и въ чужихъ краяхъ будутъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній

правительства, отчего и въ отношеніи дипломатическомъ могутъ возникнуть разныя затрудненія.»

По всѣмъ вышеприведеннымъ причинамъ гр. Нессельроде совѣтовалъ ограничиться тѣмъ, по крайней мѣрѣ относительно политическихъ отдѣловъ, чтобъ обязать редакторовъ: «разсказывать событія просто, избѣгая, если возможно всякихъ разсужденій», но сопровождая иногда эти извѣстія «выраженіями одобренія, сочувствія, или же негодованія и насмѣшки, наподобіе, какъ то дѣлаетъ иногда Сѣверная пчела, вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, утверждаемыхъ законахъ, депутатахъ: однимъ словомъ, не обращать на нихъ никакого вниманія. Избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, производимыхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о поданіи голосовъ солдатами» и проч.

Таковы были мысли относительно цензуры внутренней. Въ то время, какъ одни упорно требовали; чтобъ цензура, не ограничиваясь, по выраженію государственнаго совѣта (*), ролью таможенной заставы, давала литературѣ тонъ и направленіе, другіе сомнѣвались въ практической возможности такого требованія. Что же касается до цензуры иностранной, то и съ этой стороны дѣло представлялось не въ болѣе удовлетворительномъ видѣ. Не то, чтобъ цензура эта была излишне снисходительна; но, независимо отъ комитета иностранной цензуры, продолжало проникать въ Россію много заграничной печатной контрабанды. Въ 1849 г. гр. Орловъ сообщалъ кн. Шихматову, что слѣдствіе, произведенное надъ г. Петрушевскимъ и его сообщниками, обнаружили какъ много запрещенныхъ книгъ обращается въ Россіи: у одного книгопродавца въ Петербургѣ ихъ захвачено болѣе 2500. Обративъ на это обстоятельство особое вниманіе, писалъ гр. Орловъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, войти въ соображеніе съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ къ предотвращенію подобныхъ злоупотребленій (*).

Во исполненіе этой Высочайшей воли графы Орловъ и Пе-

(*) См. выше мнѣніе госуд. сов. по поводу устава 1828 г.

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1849 г. № 149.

ровскій пришли къ слѣдующимъ предположеніямъ: а) отнять у университетовъ и ученыхъ обществъ право получать иностранныя книги, цензурою неодобренныя; это основывалось на томъ соображеніи, что «отъ ученыхъ людей запрещенныя книги, или вредныя мысли изъ этихъ книгъ, могутъ переходить и къ другимъ лицамъ». б) принять болѣе строгія мѣры относительно раскупорки тюковъ съ иностранными книгами и между прочимъ производить ее на границахъ въ таможняхъ, при чемъ книги, неодобряемыя къ ввозу внутрь страны, сожигать.

«Предположенія эти, присовокуплялъ гр. Орловъ, были удостоены въ основаніяхъ своихъ Высочайшаго одобренія, но Его Величество повелѣть соизволилъ войти въ ближайшія соображенія съ кн. Шихматовымъ и гр. Блудовымъ».

Кн. Шихматовъ, невозражая противъ второй изъ предположенныхъ мѣръ, находилъ, однакожъ, что для людей, спеціально занимающихся какою либо наукою необходимо слѣдить за всею безъ исключенія литературою этой науки, за всѣми возникающими въ ней здравыми, какъ и ложными мыслями; относительно же осмотра иностранныхъ книгъ въ таможняхъ онъ возражалъ только съ точки зрѣнія матеріальныхъ затрудненій и новыхъ расходовъ, которыя повлечетъ подобная мѣра.

Напротивъ, гр. Блудовъ коснулся вопроса о предполагаемомъ истребленіи запрещенныхъ книгъ: «сожиганіе книгъ, писалъ онъ, было бы мѣрою и ненужною и весьма неблаговидною. Такая публичная казнь книгъ, эстамповъ и проч. ни въ какое время и ни въ какой странѣ не производила полезнаго дѣйствія». Притомъ, замѣчалъ гр. Блудовъ, германскіе книгопродавцы присылаютъ сюда большею частію книги на коммисію, слѣдовательно до самой ихъ распродажи онѣ составляютъ собственность не русскихъ подданныхъ: «наказывать ли сихъ послѣднихъ за неисполненіе правилъ, которыхъ они, можетъ быть, не знаютъ или не поняли? и не поведетъ ли сіе къ непріятнымъ объясненіямъ и разсчетамъ съ другими правительствами?..

Предположенныя гр. Орловымъ и Перовскимъ мѣры и господство надъ цензурою комитета 2 апрѣля были крайнимъ напряженіемъ системы запрещенія и предупрежденія. Время это полу-

чило въ литературныхъ кругахъ наименованіе «эпохи цензурнаго террора». Но какъ всякій терроръ, онъ не могъ быть слишкомъ продолжителенъ и пророчилъ поворотъ идей въ другую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, новое направленіе, обнаруживавшееся чрезъ нѣсколько лѣтъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, не замедлило коснуться и цензуры, а оживленіе общественной мысли отразилось и на литературѣ. «Цензурный терроръ» миновалъ; но не оставилъ ли онъ по себѣ слѣда? Есть люди которые увѣрены, что продолжительное стремленіе цензуры подчинить себѣ литературу и вести ее на помочахъ произвело ту недовѣрчивость, со стороны послѣдней, ко всякому сближенію съ правительствомъ, которая въ ней замѣчается въ настоящее время.

III.

Патріотическое одушевленіе и патріотическія сѣтованія по поводу послѣдней войны, съ самаго ея начала придали литературѣ нашей болѣе жизни и физіономіи, нежели сколько это согласовалось съ тогдашнимъ состояніемъ цензуры; а первыя мѣры правительства, по окончаніи войны, докончили пробужденіе и общества и литературы. Этому общему пробужденію осталось не чуждымъ и Главное управленіе цензуры; въ его дѣйствіяхъ стала являться давно не бывалая снисходительность. Нѣсколько сочиненій и переводовъ, недозволявшихся прежде цензурою, было пропущено.

Снисходительность эта не встрѣтила однако всеобщаго одобренія, и въ первой половинѣ 1855 года кн. Вяземскій, бывшій въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, а слѣдовательно членомъ Главнаго управленія цензуры, писалъ слѣдующія строки по поводу одной переводной статьи, въ которой была проведена параллель между современнымъ состояніемъ Франціи и Голландіи, и въ которой нѣкоторые изъ сочленовъ кн. Вяземскаго видѣли злонамѣренные намеки (*): «Нельзя не сожалѣть о кривомъ направленіи нѣкоторыхъ умовъ, слишкомъ щекотливыхъ, которые во всякомъ похвальномъ отзывѣ о чужомъ

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1855 г. № 17.

порядкѣ вещей ищуть тайнаго порицанія порядка, у насъ существующаго, и во всякомъ замѣчаніи на постороннія злоупотребленія и недостатки видятъ лукавый намекъ на наши». Но мнѣнія, которыхъ кн. Вяземскій является въ это время органомъ, начинали брать верхъ; статья, по поводу которой написана вышеприведенная его замѣтка, была допущена къ печати. Въ томъ же году другой членъ Главнаго управленія цензуры, д. с. с. Скрыпицынъ, разсматривая повѣсть, предположенную къ недопущенію въ печать по различнымъ соображеніямъ цензора о намѣреніяхъ автора, замѣтилъ: «я полагаю, что цензоръ долженъ ограничиться разсмотрѣніемъ статьи, не входя въ сужденія о предполагаемыхъ намѣреніяхъ автора» (*).

Болѣе снисходительный на литературу взглядъ началъ проникать и въ другія вѣдомства. Не болѣе какъ за годъ передъ тѣмъ, редакторы «Современника» просили дозволить имъ помѣщать извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ; это было имъ отказано потому, какъ писалъ бывшій военный министръ, что отъ подобнаго совмѣстничества можетъ пострадать «Русскій инвалидъ», доходы съ изданія коего имѣютъ благотворительную цѣль; но въ 1855 г. г.-ад. кн. Долгоруковъ, безъ затрудненія согласился на это ($_*$).

Различію между цензурною практикою до 1855 года и послѣ способствовало между прочимъ и то, что въ первую изъ этихъ эпохъ цензоры, сами отъ себя преувеличивали цензурныя строгости. Такъ «Инвалиду» была предоставлена монополія военныхъ реляцій и офиціальныхъ извѣстій съ театра войны; цензоры же, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, не дозволяли въ прочихъ журналахъ печатать никакого извѣстія, никакого разсказа съ военною обстановкою. Въ маѣ 1855 года г. Панаевъ (*$_*$), представляя подобный разсказъ, непропущенный цензурою, министру народнаго просвѣщенія, писалъ ему ($_{**}$): «Такого рода статьи должны быть, кажется, достояніемъ всѣхъ газетъ и журналовъ, а не одного «Русскаго Инвалида», или «Сѣверной Пчелы», ибо патріотизмъ—чувство неотъемлемое ни у кого, присущее всѣмъ и не раздающееся, какъ монополія. Если литературные журналы

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1855 г. № 17.
($_*$) Дѣло гл. упр. ценз. 1855 г. № 147.
(*$_*$) Редакторъ «Современника».
($_{**}$) Дѣло гл. упр. ценз. 1855 г. № 147.

будутъ вовсе лишены права разсказывать о подвигахъ нашихъ героевъ, быть проводниками патріотическихъ чувствъ, которыми живетъ и движется въ сію минуту вся Россія, то оставаться редакторомъ литературнаго журнала будетъ постыдно».—«Развѣ мы, редакторы этихъ журналовъ, не русскіе по сердцу и убѣжденіямъ? Можемъ ли мы оставаться въ эти минуты совершенно чуждыми великимъ совершающимся событіямъ? Можемъ ли подавить въ себѣ всѣ патріотическія стремленія, порыванія, чувства? Описывая петербургскія новости провинціальнымъ нашимъ читателямъ, мы не смѣемъ упомянуть о томъ, какъ Государь Императоръ изволилъ дѣлать смотръ петербургской дружинѣ государственнаго ополченія, энтузіазмъ всѣхъ видѣвшихъ это; наши впечатлѣнія, наши слезы, наши ощущенія при этомъ зрѣлищѣ!»

Желаніе г. Панаева было немедленно исполнено Главнымъ управленіемъ цензуры.

Это управленіе даже принимало на себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ инициативу съ цѣлію поправить строгости прежняго времени; такъ, по поводу пересмотра для втораго изданія «Переписки съ друзьями», Гоголя, кн. Вяземскій подалъ слѣдующее мнѣніе (*): «полагаю, что мѣста, отмѣченныя московскою цензурой въ книгѣ: «Выбранныя мѣста изъ переписки Гоголя», могутъ и должны быть безъ малѣйшаго сомнѣнія разрѣшены къ перепечатанію. Болѣе того, желательно бы представить вновь и письма (19, 20, 21, 26 и 28), вовсе изъ помянутой книги исключенныя цензурою прежнихъ годовъ. Не помню въ подробности содержанія этихъ писемъ, но, судя по общему духу книги, духу высоко-нравственному и чисто религіозному и православному, нельзя не предполагать, что эти письма могутъ быть съ пользою допущены къ напечатанію. Впрочемъ, если и встрѣтились бы въ нихъ нѣкоторыя рѣзкія выраженія, возбуждающія сомнѣніе цензуры, по своему изложенію, но вовсе не предосудительныя по смыслу, они не должны подвергаться безусловной строгости цензуры; эта рѣзкость выраженій принадлежитъ къ характеристическимъ особенностямъ таланта автора, и при общемъ направленіи настоящаго сочиненія, придастъ только болѣе блеска и живости разсужденіямъ нравственнымъ и назидательнымъ.»

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1855 г. № 295.

Такой характеръ, принимаемый Главнымъ управленіемъ цензуры, былъ замѣченъ; литераторы начали мало по малу видѣть въ немъ не карающую только власть, и стали обращаться къ нему уже съ нѣкоторою довѣренностію. Тогдашній редакторъ «Московскихъ вѣдомостей», г. Катковъ, намѣреваясь приступить къ изданію «Русскаго вѣстника», отнесся къ министру народнаго просвѣщенія слѣдующимъ образомъ (*). «Просвѣщеніе, распространявшееся поверхностно и непосредственно изъ чуждыхъ источниковъ, теперь почувствовалось въ глубинѣ собственной нашей народности. Прекрасные проблески поэзіи и искуства возвѣстили міру присутствіе новаго духовнаго дѣятеля въ семьѣ человѣчества. Должно желать, чтобы образованіе наше укрѣплялось въ этомъ направленіи, чтобы все болѣе и болѣе прояснялся собственно русскій взглядъ на вещи, чтобы русскій умъ также свергъ съ себя иго чуждаго слова, чтобы наша литература, созрѣвая и обогащаясь, могла доставлять удовлетвореніе всѣмъ умственнымъ потребностямъ русскаго человѣка. Однѣхъ запретительныхъ мѣръ недостаточно для огражденія умовъ отъ несвойственныхъ вліяній; необходимо возбудить въ умахъ положительную силу, которая бы противодѣйствовала всему, ей не сродному. Къ сожалѣнію, мы въ этомъ отношеніи вооружены недостаточно».—«Отъ праздномыслія лучшее средство есть трудъ, совершаемый на глазахъ у всѣхъ, подлежащій общему суду и оцѣнкѣ, и потому должно желать, чтобы сколь можно болѣе процвѣтали у насъ законныя и публичныя средоточія умственной дѣятельности».

Ходатайствуя о разрѣшеніи открыть новый журналъ, г. Катковъ включилъ въ представленную имъ программу и отдѣлъ политическій, который имѣли тогда только четыре газеты (С.-Петербургскія и Московскія вѣдомости, Сѣверная пчела и Русскій инвалидъ) во всей литературѣ нашей и который издавна никому вновь не былъ разрѣшаемъ. Ходатайство г. Каткова подкрѣплялъ съ своей стороны и тогдашній попечитель московскаго университета, г. ад. Назимовъ, отдавалъ «полную справедливость отличнымъ способностямъ просителя», но возражалъ только съ точки зрѣнія экономическихъ соображеній относительно «Московскихъ вѣдомостей», что и понудило г. Каткова къ нѣкоторому,

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1855 г. № 144.

незначительному впрочемъ, измѣненію своей програмы; политическій отдѣлъ былъ въ ней сохраненъ.

По примѣру «Русскаго вѣстника» и другія періодическія изданія исходайствовали себѣ расширеніе своихъ программъ и дозволеніе говорить о политикѣ; начали основываться новыя періодическія изданія; такъ, въ 1855 году поступило въ Главное управленіе цензуры между прочимъ ходатайство объ изданіи въ Москвѣ органа такъ называемой славянофильской партіи. Партія эта была, какъ уже выше сказано, въ большомъ подозрѣніи въ предшествующія времена; поэтому мудрено казалось и въ настоящемъ случаѣ надѣяться на успѣхъ. Но славянофилы, еще недавно такъ подозрительные, встрѣтили въ настоящее время сильную поддержку въ самомъ цензурномъ вѣдомствѣ; вотъ что между прочимъ писалъ предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, г-лъ Назимовъ къ товарищу министра просвѣщенія: «Москва, гдѣ въ званіи издателей журнала когда-то дѣйствовали благороднѣйшіе представитсли русскаго слова,—Карамзинъ и Жуковскій, гдѣ въ томъ же званіи съ пользою трудились Каченовскій, Полевой, Надеждинъ и многіе другіе, гдѣ возникла и развилась большая часть нашихъ талантовъ, въ настоящее время лишена всякой литературной дѣятельности и почти не имѣетъ журнала, въ которомъ московскіе ученые и литераторы могли бы размѣниваться своими мыслями и высказать свои убѣжденія на пользу русскаго просвѣщенія. Я считаю излишнимъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ такого упадка отечественной словесности въ городѣ, гдѣ она преимущественно процвѣтала въ прежнее время. Но, конечно, всѣ истинно любящіе русское просвѣщеніе пожелаютъ, чтобы наша словесность выведена была изъ этого усыпленія».—«Поступившее уже въ министерство народнаго просвѣщенія прошеніе Каткова объ изданіи въ Москвѣ журнала, по моему мнѣнію, не должно служить препятствіемъ къ другимъ предпріятіямъ подобнаго рода. Я даже думаю, что совмѣстное изданіе двухъ и болѣе журналовъ могло бы скорѣе дѣйствовать къ пробужденію полезной литературной дѣятельности въ Москвѣ.»

Получивъ на это письмо отказъ, г-лъ Назимовъ написалъ еще другое, болѣе настойчивое (*): «в-му пр-ву не безъизвѣстно,

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1855 г. № 227.

что въ послѣднее время, публичная литературная дѣятельность, вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ мѣръ цензуры, у насъ замѣтно ослабѣла. Стѣсненіе мысли и умственнаго развитія неизбѣжно должно было имѣть вредныя послѣдствія, какъ для успѣховъ отечественнаго просвѣщенія, такъ и вообще для нравственнаго состоянія русскаго общества; наша публика, уже достигшая извѣстной степени образованія, не находя для себя умственной пищи въ скудныхъ произведеніяхъ отечественнаго слова, по необходимости, должна была обратиться къ источникамъ иностраннымъ, не всегда безукоризненнымъ, и въ нихъ почерпать всѣ свои насущныя свѣдѣнія. Между тѣмъ русская мысль и русское слово, при всѣхъ запретительныхъ мѣрахъ, не могли, однакожъ, совершенно остановиться въ своемъ развитіи: не имѣя возможности высказываться гласнымъ образомъ, они искали себѣ исхода на другомъ, болѣе безопасномъ пути, и вслѣдствіе этого приняли странное и совершенно неестественное направленіе. Вмѣсто печатной гласной литературы образовалась литература безгласная, письменная. Въ рукахъ читающей публики появились, во множествѣ списковъ, разныя сочиненія по всѣмъ современнымъ вопросамъ наукъ и словесности, и между ними, разумѣется, нашли себѣ путь и рукописи, содержанія не совершенно одобрительнаго. Но что всего прискорбнѣе: невозможность, въ которую были поставлены наши писатели и вообще образованные люди печатно высказывать свои мысли, была, можно сказать, одною изъ главныхъ причинъ того неудовольствія и того ропота, которые съ нѣкотораго времени обнаружились въ нашемъ обществѣ. Всѣ стѣснительныя по части народнаго просвѣщенія мѣры вызваны были, какъ мнѣ кажется, излишнимъ опасеніемъ революціонныхъ идей, волнующихъ умы въ западной Европѣ. Пора, наконецъ, убѣдиться, что эти идеи, какъ совершенно намъ чуждыя и противоположныя кореннымъ началамъ русской жизни, не могутъ имѣть вліянія на дѣйствія большинства нашего общества. Впрочемъ, русское правительство такъ сильно, что оно всегда можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать вторженію вредныхъ и ложныхъ началъ, не препятствуя чрезъ то правильному и неизбѣжному ходу просвѣщенія. Въ настоящее время необходимо дать большій просторъ и движеніе нашей умственной жизни, для чего слѣдуетъ поощрять нашихъ писателей и наши таланты, обращая ихъ отъ вреднаго бездѣйствія, въ которомъ они кос-

нѣютъ, разражаясь только въ безплодныхъ сѣтованіяхъ, къ трудамъ полезнымъ и возвышеннымъ».

Повторивъ о необходимости смягчить цензурныя правила и о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на всѣхъ дозволеніемъ издавать «Русскій вѣстникъ», г-лъ Назимовъ говоритъ: «Если же предпріятіе гг. Кошелева и Филиппова (*) принято неблагопріятнымъ образомъ по той, будто бы, причинѣ, что журналъ этотъ предназначается служить органомъ для такъ называемой славянской партіи, то я при семъ случаѣ считаю необходимымъ и удобнымъ сообщить в. пр. мои мысли по этому предмету, основанныя на 12 лѣтнемъ строгомъ наблюденіи за дѣйствіями этой партіи, или, выражаясь точнѣе, литературнаго кружка». За тѣмъ, сдѣлавъ краткій очеркъ идеи панславизма (весьма ненавистнаго у насъ въ сороковыхъ годахъ), онъ противупоставлялъ ей значеніе московскаго славянофильства. «Въ Москвѣ, пишетъ г-лъ Назимовъ, какъ въ городѣ, гдѣ сохранилось наиболѣе памятниковъ прежней русской жизни, образовался кружокъ молодыхъ литераторовъ, страстно предавшихся изученію отечественной старины и исторіи. Между ними нашлось нѣсколько пылкихъ умовъ, которые, увлекшись своимъ пристрастіемъ къ старинѣ, дошли до крайне односторонняго убѣжденія, что реформа Петра великаго имѣла во многомъ вредныя для Россіи послѣдствія. Эти то люди названы были славянофилами. Такое крайнее воззрѣніе встрѣтило, разумѣется, возраженіе и противодѣйствіе со стороны литераторовъ, державшихся такъ называемаго направленія западнаго. Завязалась литературная полемика и споръ, не между партіями, которыхъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, не существовало, а между двумя различными мнѣніями. Этотъ споръ заключался въ предѣлахъ чисто литературныхъ и былъ совершенно чуждъ политическаго значенія. Къ сожалѣнію, нашлись люди, которые заподозрили такъ называемыхъ славянофиловъ въ какихъ то политическихъ замыслахъ и признали ихъ людьми опасными и вредными, чѣмъ то въ родѣ якобинцевъ, тогда какъ это люди весьма мирные, вовсе непомышляющіе о нарушеніи законнаго порядка вещей. Можно отвергать крайніе выводы ихъ мнѣнія, но нельзя вполнѣ осуж-

(*) По первоначальному предположенію г. Филипповъ долженъ былъ соредижировать г. Кошелеву.

дать самое направленіе, потому что оно основано на чистой любви ко всему отечественному, къ уставамъ нашей церкви, къ народнымъ нашимъ обычаямъ, къ нашему родному языку и вмѣстѣ съ тѣмъ на сочувствіи къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ. Люди, раздѣляющіе этотъ образъ мыслей, даже и въ его исключительности, отличаются благородными нравственными свойствами и не заслуживаютъ того нареканія, которому они, по недоразумѣнію, подверглись со стороны правительства. Между такъ называемыми московскими славянофилами, есть люди съ истиннымъ талантомъ. Приведу имена Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскаго»....

Благодаря этимъ настояніямъ, «Русская бесѣда» получила право существованія, открывъ путь цѣлому ряду послѣдовавшихъ за нею славянофильскихъ періодическихъ изданій.

Впрочемъ, по предмету статей славянофиловъ встрѣчалось въ главномъ управленіи цензуры разногласіе, такъ напр. по поводу статьи Аксакова «Богатыри великаго князя Владиміра» (*). Статья предназначалась для только что начинавшейся «Русской бесѣды». По заведенному порядку, она была представлена прямо въ Главное управленіе цензуры и дана для прочтенія одному изъ состоявшихъ при управленіи чиновниковъ особыхъ порученій; этотъ послѣдній призналъ невозможнымъ ее напечатать; за тѣмъ взялъ ее для прочтенія кн. Вяземскій и не нашелъ въ ней ничего противнаго цензурнымъ правиламъ. Статья, подавшая поводъ къ двумъ такимъ противуположнымъ взглядамъ, была разсмотрѣна всѣми членами Главнаго управленія цензуры, и вотъ три весьма различныя, сохранившіяся при дѣлѣ, мнѣнія.

«Рукопись безполезная, отчасти безсмысленная, а между тѣмъ общее ея направленіе состоитъ въ томъ, чтобы выказать прелесть бывшей вольности», отозвался о ней одинъ изъ членовъ Главнаго управленія цензуры. Другой членъ, д. с. с. Рихтеръ, напротивъ, написалъ слѣдующее: «Я не знаю, вредно ли оно (славянофильство), или нѣтъ, но я убѣжденъ въ томъ, что излишняя строгость цензуры направленіе мыслей не измѣнитъ, а напротивъ придастъ имъ болѣе силы. Я направленія славянофильскаго не раздѣляю, и по сему самому считаю напечатаніе статьи о богатыряхъ скорѣе полезнымъ».—«Статья эта безъ

(*) Журн. глав. упр. ценз. 1856 г. 16 іюня.

сомнѣнія подвергнется критикѣ, между тѣмъ какъ мысли, которыя принуждены укрываться, остаются безъ всякаго контроля, безъ всякаго обсужденія и тѣмъ самымъ гораздо легче могутъ сдѣлаться впослѣдствіи опасными».

Около двухъ вышеприведенныхъ мнѣній групировались отзывы другихъ членовъ Главнаго управленія о рукописи Аксакова. Третье мнѣніе было вполнѣ самостоятельно. Оно устраняло рѣшеніе о политическомъ значеніи славянофильскихъ идей, какъ неподлежащемъ вѣдѣнію цензуры; «въ отношеніи же чисто литературномъ», писалъ авторъ мнѣнія, «невозможно признавать въ немъ ничего предосудительнаго»—«цензура должна судить не лицо, не автора, а только представленное имъ сочиненіе. Если совращать ее съ прямыхъ правилъ, коими руководствоваться она должна въ силу даннаго ей устава, если требовать отъ цензуры, чтобъ она иначе смотрѣла на рукопись, такъ называемаго, славянофила, нежели на рукопись, напримѣръ, послѣдователя такъ называемой натуральной школы, то сужденія ея будутъ неминуемо пристрастны, своевольны и слѣдовательно противузаконны. Что же касается прямо до статьи «О богатыряхъ», я никакъ не могу доискаться въ ней политическаго значенія и, во первыхъ, просто потому, что не могу признать автора ея сумашедшимъ, а одному безумію можно было бы приписать намѣреніе противодѣйствовать существующему законному порядку полуисторическою, полу-баснословною картиною нравовъ, обычаевъ и повѣрій, существовавшихъ въ Россіи почти за 1000 лѣтъ до насъ. Даже и сѣтованія объ этой отдаленной эпохѣ могутъ быть также неважны и чужды всякаго политическаго умысла, какъ общія сѣтованія поэтовъ о золотомъ вѣкѣ».—«Въ дополненіе къ моимъ замѣчаніямъ, позволю себѣ подкрѣпить ихъ общимъ заключеніемъ. Болѣе 40 лѣтъ принадлежу я къ званію писателей. Съ нѣкоторымъ самолюбіемъ и съ благодарностью замѣчу, что дѣятельности моей по этому званію отчасти обязанъ я возможностью и честью подавать нынѣ голосъ мой въ Главномъ управленіи цензуры. Такимъ образомъ, думаю, безъ излишней гордости, что нельзя отказать мнѣ, покрайней мѣрѣ, въ опытности по этому вопросу. Руководствуясь этою опытностью и добросовѣстнымъ убѣжденіемъ, которое, впрочемъ, раздѣляли со мною лучшіе и благороднѣйшіе писатели, начиная съ Карамзина и Жуковскаго, скажу откровенно, что всѣ многочисленныя, подо-

зрительныя и слишкомъ хитро обдуманныя притѣсненія цензуры не служатъ къ измѣненію въ направленіи мыслей, понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые, по дарованіямъ своимъ, могутъ быть ему полезны и нужны. Наконецъ, эти притѣсненія могутъ именно возродить ту опасность, отъ которой думаютъ отдѣлаться прозорливостью цензурной строгости. Они могутъ составить систематическую оппозицію, которая и безъ журнальныхъ статей и мимо стоокой цензуры, получитъ въ обществѣ значеніе, вѣсъ и вліяніе».—«Слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственнаго молчанія. Въ умѣренной свободѣ излагаемыя мнѣнія, желанія, даже и тогда, когда они небуквально согласны съ общимъ порядкомъ и ходомъ дѣйствительности, уже и тѣмъ безвредны, что они самымъ дѣломъ выраженія испаряются и къ тому же обезсиливаются и нейтрализируются противодѣйствіемъ другихъ мнѣній, другихъ воззрѣній, направленій. Взаперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнетъ и безмолвно вооружается; правительство обязано заботиться не только о текущемъ днѣ и случайныхъ явленіяхъ, съ нимъ сопряженныхъ, но еще болѣе должно пещись о будущемъ и о событіяхъ, которыя могутъ зародиться въ настоящемъ, чтобы впослѣдствіи созрѣть и осуществиться».

Мнѣніе это, какъ нетрудно было бы и догадаться, подалъ кн. Вяземскій. Его мнѣніе превозмогло; статья «О богатыряхъ» была напечатана.

Разительное различіе взглядовъ на значеніе и обязанности цензуры обнаруживалось въ средѣ высшей цензурной инстанціи нерѣдко. Въ томъ же 1855 году въ Главное управленіе поступила рукопись подъ заглавіемъ: «Сказаніе о томъ, что есть и что была Россія.» Разсмотрѣніе ея было поручено д. т. с. Мусину-Пушкину, который вообще одобрилъ ее. «Сочиненіе это предназначается для народнаго чтенія, и я нахожу, писалъ онъ (*), что оно составлено добросовѣстно и чтеніе онаго допущено быть можетъ. Позволяю себѣ, однакожъ, сдѣлать замѣчанія на немногія мѣста, которыя, по мнѣнію моему, должны быть исправлены: 1) на стр.—сказано, что Владиміръ Святославичъ поѣхалъ въ Царьградъ просить крещенія: это несогласно съ нашими лѣто-

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1855 г. № 213.

письмами. На стр.—слова: «мое дѣло простое, такъ иного, можетъ, и самъ не понялъ такъ, какъ слѣдуетъ, и вамъ разскажу по настоящему, что дѣлать», я полагалъ бы исключить, какъ могущія подать поводъ къ толкамъ, что весь разсказъ несправедливъ. Разсказъ, что Лефортъ былъ совѣтникомъ и помощникомъ Петру великому и что Государь многому у него научился, исключить, потому что это противорѣчитъ новымъ изслѣдованіямъ».

Приведенныя мѣста изъ мнѣнія д. т. с. Пушкина показываютъ, что нѣкоторыя лица высшаго цензурнаго вѣдомства продолжали считать въ числѣ обязанностей цензуры ученую и литературную критику. Еще болѣе разительнымъ образомъ выразилось это понятіе въ мнѣніи, представленномъ неизвѣстно кѣмъ и повидимому неимѣвшемъ хода, потому что оно находится при дѣлѣ зачеркнутымъ а вмѣсто него написано совершенно другаго содержанія мнѣніе рукою кн. Вяземскаго (*). Вотъ это первоначальное мнѣніе, состоявшееся по поводу одного «Обозрѣнія всеобщей исторіи.» «Показанъ годъ смерти Августа и непоказанъ годъ распятія и воскресенія Искупителя міра; означенъ годъ смерти Людовика-Филиппа, а не показанъ годъ кончины Екатерины великой; означенъ годъ, когда Наполеонъ принялъ титулъ императора французовъ, а не означены ни годъ вступленія, ни годъ кончины Императора Александра I; указана Марія-Терезія, а пропущена Императрица Елисавета Петровна; упомянуто о вступленіи на престолъ Людовика XIV, а не сказано о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; означенъ годъ побѣды французовъ при пирамидахъ, а умолчено о побѣдѣ русскихъ подъ Кагуломъ и Чесмою.» Смыслъ мнѣнія кн. Вяземскаго состоялъ въ томъ, что вышеприведенныя замѣчанія доказываютъ «невнимательность и небрежность составителя «Обозрѣнія», и подлежатъ суду литературной критики, но не цензуры.

Если между лицами, составлявшими Главное управленіе цензуры и долженствовавшими выражать собою виды высшаго правительства, могли имѣть мѣсто подобныя разнорѣчія, то они были тѣмъ многочисленнѣе въ инстанціяхъ второстепенныхъ. Цензурные комитеты и цензоры, видя передъ собою все прежній уставъ и прежніе циркуляры для своего руководства, счи-

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1855 г. № 17.

тали себя, и не безъ основанія, обязанными дѣйствовать по прежнему. Цензурная система 1849 года, какъ и всякая система, имѣла своихъ ревностныхъ приверженцевъ. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ петербургскихъ цензоровъ, по поводу представленной къ перепечатанію новымъ изданіемъ извѣстной сказки: «Конекъ-горбунокъ», не дозволилъ перепечатать ее, и будучи, по жалобѣ издателя, спрошенъ о причинѣ этого отказа, отвѣчалъ, (*) между прочимъ, что въ стихотвореніи Ершова «встрѣчаются выраженія, имѣющія прикосновеніе къ православной церкви, къ ея установленіямъ и къ постановленнымъ отъ правительства властямъ»,—«представляются земскій судъ и городничій; во многихъ шуточныхъ сценахъ приводится имя Божіе и употребляется крестное знаменіе, а на стр. — написано:

«Попъ съ причетомъ всѣмъ служебнымъ
«Пѣлъ на палубѣ молебенъ.»

«Обращеніе въ смѣхъ священныхъ предметовъ (кощунство), заключалъ цензоръ, употребленное въ волшебныхъ превращеніяхъ, не могло встрѣтить одобренія цензуры.» Напротивъ того, чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры, гр. Комаровскій, которому было поручено пересмотрѣть означенное сочиненіе, отозвался совершенно иначе. «Не терпѣть, чтобъ, въ русской сказкѣ, народъ крестился, пугался вѣдьмъ, чертей и домовыхъ, и упоминалъ въ шутку, хотя безъ обиды, о близкихъ къ нему властяхъ, любилъ приписывать успѣхъ простотѣ сердца и ума, и даже возносилъ ее надъ могуществомъ вымышленныхъ царей страны небывалой,—значило бы только, безъ прибыли для нравственности, искажать народную поэзію и мутить одинъ изъ живыхъ источниковъ русскаго слова.» Главное управленіе цензуры согласилось со взглядомъ гр. Комаровскаго.

Нѣкоторое облегченіе въ цензурной практикѣ, допущенное Главнымъ управленіемъ, не могло не имѣть вліянія на литературу; «Русскій вѣстникъ» и «Русская бесѣда» съ первыхъ же шаговъ обнаружили весьма опредѣленное направленіе,—явленіе давно небывалое, если не вовсе новое въ журналахъ нашихъ. Пресса коснулась вопросовъ общественныхъ, предметовъ внутренней администраціи и задачъ современной дипломаціи.

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1855 г. № 145.

Это новое, и весьма быстро совершившееся преобразованіе литературы, многихъ приводило въ недоумѣніе. Новороссійскій генералъ-губернаторъ, гр. Строгоновъ, по поводу одной статьи въ «Сѣверной пчелѣ», въ которой, «перечислялись внутренніе враги Россіи», писалъ къ д. т. с. Норову (*): «такъ какъ «Сѣверная пчела» издается въ Петербургѣ и считается ближайшимъ органомъ правительства, то эта статья читается съ жадностію всѣми сословіями общества и вѣроятно переведена уже иностранцами. За границею, гдѣ журналы издаются безъ предварительной цензуры, всякая статья, политическая, хозяйственная, или литературная, есть не что иное, какъ выраженіе частной мысли, сужденія или заключеніе автора. Она подвергается суду публики, и правительство преслѣдуетъ сочинителя послѣ за явное нарушеніе приличія, чьего либо добраго имени, а тѣмъ паче религіи или законовъ. Но у насъ другое дѣло. У насъ отъ моднаго журнала до «Инвалида,» отъ «Современника» до всякой губернской газеты, періодическое изданіе есть мнѣніе правительства, или съ одобренія правительства распубликованное.»

Заключеніе гр. Строгонова совершенно оправдывалось всѣмъ предшествующимъ (антецедентами) нашей цензуры, которая не только урѣзывала, но нерѣдко и передѣлывала разсматриваемыя рукописи, дѣлая это не только съ точки зрѣнія охраненія религіи, нравственности и правительства, но и съ точки зрѣнія ученыхъ и художественныхъ достоинствъ, какъ это и продолжалъ дѣлать д. т. с. Мусинъ-Пушкинъ.

Совершенно также понимали значеніе цензуры и начальники различныхъ вѣдомствъ, обязанные разсматривать статьи, до этихъ вѣдомствъ касающіяся. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, возникшихъ между общею цензурою и цензурою специальною по предмету статьи о желѣзныхъ дорогахъ, г.-ад. Чевкинъ писалъ министру народнаго просвѣщенія (*): «Разсматривая таковыя статьи собственно по предметамъ, до вѣдомства путей сообщенія и публичныхъ зданій относящимся, главное управленіе считаетъ обязанностію обращать вниманіе на то, не заключается ли въ оныхъ чего либо, или несообразнаго съ правилами, принятыми для обнародованія распоряженій и дѣйствій правительственныхъ,

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1856 г. № 138.

(*) Журн. гл. упр. ценз. 1855 г. 20 марта.

или же несогласнаго съ имѣющимися въ главномъ управленіи положительными офиціальными свѣдѣніями о предметахъ его вѣдомства. Главное управленіе считаетъ это тѣмъ болѣе для себя обязательнымъ, что, пропуская статью съ своимъ одобреніемъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы принимаетъ на себя отвѣтственность за справедливость изложенія сей статьи въ томъ, что до главнаго управленія относится.»

Подобно главноуправляющему путями сообщенія, смотрѣли на участіе литературы въ правительственныхъ вопросахъ и начальники другихъ вѣдомствъ. Статьями, помѣщенными въ «Русскомъ вѣстникѣ» противъ покровительственныхъ тарифовъ и протекціонной системы, вызвано было весьма много возраженій; наиболѣе рѣзкія и сильныя изъ нихъ были, какъ видно изъ дѣлъ Главнаго управленія цензуры, не допущены къ печати министерствомъ финансовъ. II-е отдѣленіе академіи наукъ, пользовавшееся, какъ сказано, правомъ предварительнаго просмотра статей, до него касавшихся, потребовало исключенія нѣсколькихъ мѣстъ въ статьѣ г. Греча «О пробныхъ листахъ академическаго словаря (*).» Два изъ исключенныхъ мѣстъ, писалъ разсматривавшій статью академикъ Давыдовъ, относятся не къ пробнымъ листамъ, а къ членамъ отдѣленія, а другія два къ типографскимъ погрѣшностямъ: однѣ непозволительны въ цензурномъ отношеніи, а другія излишни, потому что не заслуживаютъ вниманія».

Положеніе, въ которое была поставлена литература, по общему, или по крайней мѣрѣ, господствующему понятію, выражать правительственные виды и мнѣнія, представляло особенно важныя затрудненія въ отношеніяхъ между-народныхъ. «Неоднократно, писалъ кн. Горчаковъ (*), въ нашихъ русскихъ газетахъ, а именно въ «Сѣверной пчелѣ» и въ «Инвалидѣ», я находилъ обсужденія политическихъ событій, несовмѣстныя съ видами правительства. Я не люблю стѣснять русскаго ума въ раціональномъ направленіи; но до тѣхъ поръ, пока иностранныя правительства будутъ принимать разсужденія цензированныхъ нашихъ журналовъ за мысль правительственную, мы не должны подавать безъ необходимости повода къ разсужденіямъ, проистекающимъ отъ такого предположенія, и которыми наполняются иностранныя газеты».

(*) Дѣло гл упр. ценз. 1858 г. № 212.
(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1857 г. № 174.

Сознавая неудобство отвѣтственности правительства за всѣ мысли и тенденціи, симпатіи и антипатіи, выраженныя редакторами частныхъ журналовъ, кн. Горчаковъ объявлялъ чрезъ Journal de St. Pétersbourg въ 1859 году, что «журналы русскіе, или считающіеся таковыми, издающіеся въ Россіи или въ другихъ странахъ, представляютъ не болѣе, какъ свои собственныя мнѣнія, что правительство не беретъ на себя ни одобрять эти мнѣнія, ни порицать ихъ и что еще менѣе можетъ оно принять на себя отвѣтственность за нихъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи.»

Но, не смотря на это объявленіе, за границею продолжали смотрѣть на каждую строку нашихъ журналовъ, какъ на мнѣніе русскаго правительства. Такой взглядъ на литературу, прочно утвердившійся за границею, былъ поводомъ къ тому, что въ русскихъ газетахъ было запрещено печатать извѣстное письмо герцога Омальскаго объ исторіи Франціи, напечатанное даже въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ.

Подобная же требовательность чужеземныхъ властей подала поводъ и къ слѣдующему случаю, имѣвшему въ свое время большой отголосокъ въ литературномъ мірѣ и подавшему поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Въ «Русскомъ вѣстникѣ», «Московскихъ вѣдомостяхъ» и «Русской бесѣдѣ» было напечатано въ 1857 и 1858 годахъ нѣсколько статей о злоупотребленіяхъ греческаго духовенства въ Болгаріи. По этому поводу оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода отнесся къ министру просвѣщенія (*), «свидѣтельствуя о глубоко-горестномъ впечатлѣніи», произведенномъ помянутыми статьями на константинопольскаго патріарха. «Нельзя представить себѣ, писалъ гр. Толстой, чтобы православный христіанинъ могъ рѣшиться писать въ семъ духѣ, но должно скорѣе предположить, что это есть плодъ внушеній заграничной пропаганды! Съ перваго раза можно уже видѣть въ статьяхъ этихъ явное оскорбленіе главной іерархіи восточной православной церкви, и что онѣ не столько ведутъ къ возбужденію сочувствія нуждамъ болгаръ (которое можно возбудить и не оскорбляя іерархіи) сколько къ тому, чтобы поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ единовѣрному греческому народу и къ константинопольской церкви». «Появленіе подобныхъ статей, заклю-

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1858 г. № 223.

чилъ гр. Толстой, при существованіи у насъ цензуры, приписывается иностранцами, и въ томъ числѣ греками, разрѣшенію русскаго правительства.»

Черезъ нѣсколько времени послѣ того онъ сообщилъ д. т. с. Ковалевскому (вступившему между тѣмъ въ управленіе министерствомъ н. пр.) для напечатанія въ «Русскомъ вѣстникѣ» и «Московскихъ вѣдомостяхъ», нарочно составленныя опроверженія, съ тѣмъ, «чтобы не дѣлать въ нихъ никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, по замѣчанію гр. Толстаго, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныя имъ по духу статьи, чтобы какимъ нибудь ловкимъ намекомъ заранѣе предубѣдить противъ нихъ читателя». Министръ просвѣщенія, препровождая доставленныя ему гр. Толстымъ статьи къ попечителю московскаго учебнаго округа, поручилъ ему въ то же время истребовать объясненія отъ цензора и редакторовъ. Одна изъ препровожденныхъ такимъ образомъ статей была напечатана въ «Московскихъ вѣдомостяхъ»; редакторы же «Русской бесѣды» и «Русскаго вѣстника» доставили свои объясненія. Первый изъ нихъ свидѣтельствовалъ, что издаваемый имъ журналъ всегда былъ органомъ идей глубоко-религіозныхъ; но по этому-то самому, равно какъ по сочувствію своему къ заграничнымъ единовѣрцамъ, «Русская бесѣда» не могла не заявить о тяжелой судьбѣ болгаръ, угнетаемыхъ чуждою имъ по національности церковною іерархіею; если же статья, въ ней помѣщенная, писалъ г. Кошелевъ, проникнута одушевленіемъ и даже негодованіемъ, то «ни одинъ русскій, ни одинъ православный не долженъ и не можетъ оставаться равнодушнымъ при такомъ важномъ вопросѣ, не обличая въ себѣ въ то же время полнаго равнодушія къ отечеству земному и къ отечеству небесному». «При такихъ обстоятельствахъ, была очевидная необходимость познакомить съ ними людей благомыслящихъ и истинно просвѣщенныхъ въ Россіи. Странно и стыдно бы было намъ оставаться въ неизвѣстности по вопросу, который долженъ быть такъ близокъ сердцу всякаго православнаго и русскаго, тогда, когда онъ сдѣлался уже предметомъ изученія и разговора во всей Европѣ».—«Ни одно слово въ цѣлой статьѣ, писалъ далѣе г. Кошелевъ, не обращено не только противъ вѣры православной, но даже и противъ законовъ церковной іерархіи. Еще болѣе: обличая поступки фанаріотовъ, авторъ ограничивается

только тѣми, которые прямо враждебны духовной жизни болгарскаго народа, или разорительны для его вещественнаго состоянія, а не касается многихъ и слишкомъ плачевныхъ явленій въ цареградской іерархіи, которыя извѣстны къ несчастію всѣмъ, видѣвшимъ ее вблизи, но не прямо падаютъ на страдальческія головы за-дунайскихъ славянъ. Въ этомъ уже видно самое явное доказательство, что перомъ его водила не вражда, не невѣріе, не непочтеніе къ закону іерархическому, но единственная тяжелая необходимость исполнить священный долгъ заступничества за истомленныхъ братій».

Съ своей стороны г. Катковъ представилъ въ московскій цензурный комитетъ слѣдующее объясненіе: «Я не могу согласиться напечатать статью эту (доставленную гр. Толстымъ) въ моемъ журналѣ, какъ по причинѣ способа, какимъ доставлена эта статья, такъ и по причинѣ того условія, съ какимъ, какъ видно изъ отношенія цензурнаго комитета, должно быть сопряжено помѣщеніе ея въ «Русскомъ вѣстникѣ». Я не знаю узаконенія, по которому цензурный комитетъ, до сихъ поръ только разрѣшавшій или запрещавшій печатаніе статей, можетъ приглашать редакцію печатать что либо въ ея журналѣ. Если бы такое узаконеніе существовало, то изданіе частныхъ журналовъ стало бы совершенною невозможностію. Что же касается до условія, «чтобы редакція не дѣлала никакихъ замѣчаній, къ которымъ «обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на сво-«ихъ страницахъ непріятныя имъ по духу статьи, чтобы какимъ «нибудь ловкимъ намекомъ, заранѣе предупредить противъ нихъ «читателя», то я полагаю, что эти строки вошли въ отношеніе по какому нибудь недоразумѣнію, ибо никакъ не могу думать, чтобы съ какой либо стороны могло быть поставлено человѣку, пользующемуся покровительствомъ законовъ, подобное, оскорбительное для его совѣсти и чести, условіе. Въ своемъ журналѣ я ничего не печатаю, и по совѣсти ничего не могу печатать, невольно. Что же сказать о томъ требованіи, которое, предполагая, что я буду печатать статью невольно, то есть не соглашаясь съ нею, хочетъ, чтобы въ то же время я вводилъ публику въ заблужденіе, предлагая ей такую статью, какъ выраженіе собственныхъ мыслей, и принимая за нее отвѣтственность, какъ за свое собственное произведеніе? Впрочемъ, считаю не

лишнимъ объяснить, что если бы автору статьи было угодно обратиться частнымъ образомъ въ редакцію, то она не невольно, а весьма охотно напечатала бы изъ нея все то, что относится къ дѣлу, откинувъ всѣ неотносящіяся къ нему разглагольствія, съ тѣмъ, однако же, чтобы подъ статьею было подписано имя автора, а главное съ тѣмъ, чтобы редакціи дана была полная возможность возобновить рѣчь о предметѣ этой статьи и оспаривать изложенныя въ ней мнѣнія и показанія, съ которыми редакція имѣетъ основанія не соглашаться».

Дѣло это осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій и опроверженіе не было напечатано въ «Русскомъ вѣстникѣ».

Изъ приведенныхъ объясненій гг. Кошелева и Каткова не трудно убѣдиться, какъ далеко отходилъ взглядъ нѣкоторыхъ литераторовъ, раздѣляемый и частію публики, отъ того взгляда, который господствовалъ въ предшествующее время относительно значенія литературы въ обществѣ, а слѣдовательно и потребной для нея доли свободы. Дѣйствительно, не касаясь образа мыслей въ этомъ отношеніи читающей массы, какъ необнаруживающагося изъ дѣлъ цензурныхъ управленій, достаточно будетъ привести нѣкоторые факты, представляемые этими дѣлами. Еще въ 1855 году, по поводу ходатайства объ изданіи Русской бесѣды, г.-ад. Назимовъ писалъ между прочимъ д. т. с. Норову, что для оживленія литературы необходимо смягченіе цензурныхъ правилъ, доведенныхъ въ послѣднее время до такой степени строгой придирчивости, при которой уже невозможна никакая литература. «Не входя въ подробности по этому вопросу, я скажу только, что для выхода изъ того запутаннаго положенія, въ которое поставлена наша цензура, необходимо вернуться къ коренному уставу 1828 года, отмѣнивъ всѣ послѣдующія дополнительныя постановленія, ничего существенно недополняющія и только затрудняющія прямыя дѣйствія благоразумной цензуры». Мысль о необходимости отнять у цензоровъ право доискиваться «скрытаго смысла» и дѣйствовать въ этомъ отношеніи согласно духу цензурнаго устава 1828 г., была раздѣляема многими лицами, принадлежавшими къ вѣдомству цензуры; ее неоднократно, какъ выше видѣть можно, выражалъ кн. Вяземскій, а равно и другой, бывшій членъ Главнаго управленія цензуры, д. с. с. Скрыпицынъ. Г. Катковъ въ объяснительной запискѣ, представ-

ленной имъ министру народнаго просвѣщенія, по поводу вышеупомянутыхъ статей о Болгаріи, приписывалъ цензурнымъ затрудненіямъ и слишкомъ подозрительному контролю надъ мыслію, замѣчаемый въ нашемъ обществѣ упадокъ религіознаго чувства. «Нельзя безъ грусти, писалъ онъ, видѣть, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ великимъ интересамъ религіи. Это слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно отдѣлить высшіе интересы отъ живой мысли и живаго слова образованнаго русскаго общества. Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ полнаго религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ спеціальной духовной цензуры».— «Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ, и съ грустію должны мы сознаться, что будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею. Не добромъ помянутъ насъ потомки наши, вникая въ причины глубокаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ въ народѣ. Признаки этого упадка замѣчаются и теперь, и намъ, живущимъ среди общества и имѣющимъ возможность наблюдать жизнь въ самой жизни, а не въ искуственныхъ препаратахъ, признаки эти замѣтнѣе, нежели офиціальнымъ дѣятелямъ, которые, по своему положенію, иногда при всей доброй волѣ, не могутъ усмотрѣть, не только оцѣнить многихъ характеристическихъ явленій въ народной жизни».

Однимъ изъ обстоятельствъ, вызывавшихъ наиболѣе жалобъ литераторовъ и редакторовъ, было условіе — представлять назначенныя къ напечатанію статьи на разсмотрѣніе различныхъ вѣдомствъ, до которыхъ по содержанію своему онѣ могли касаться, что сверхъ того не уничтожало и просмотра общей цензуры. Замедленія, отъ такого разсмотрѣнія происходившія, естественно, производили неудовольствіе въ литературѣ, особенно періодической, гдѣ срочность и своевременность составляютъ основное условіе. Притомъ, согласуясь между собою большею

частію въ томъ, что литература не должна постановлять вопросовъ съ точки зрѣнія иной, чѣмъ та, съ которой на нихъ взираетъ правительство, высшіе органы управленій нерѣдко различествовали между собою и въ степени свободы, съ которою они предоставляли обсуживать свои дѣйствія и въ компетентности своей относительно подвѣдомственности ихъ разсмотрѣнію такой или другой статьи.

Множественность цензуры была стѣсненіемъ, на которое горько жаловались авторы и редакторы. «Нерѣдко бываетъ, писалъ тогдашній предсѣдатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета, кн. Щербатовъ д. т. с. Норову, что одно вѣдомство допускаетъ гласность какихъ либо фактовъ, а другое — запрещаетъ подобное, вслѣдствіе чего естественно рождается въ писателяхъ и читателяхъ недоумѣніе и даже жалобы (*). Замѣчаніе кн. Щербатова не могло не быть справедливымъ, когда сочиненіе, по содержанію своему, должно было подвергаться разсмотрѣнію многихъ вѣдомствъ, а это случалось нерѣдко; напримѣръ, представлена была въ 1856 году рукопись подъ названіемъ: «Хозяйственное обозрѣніе Оренбургской губерніи», которая изъ с.-петербургскаго цензурнаго комитета поступила въ Главное управленіе цензуры, а оттуда по-очередно въ министерства: внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, въ вѣдомства: удѣловъ, государственныхъ имуществъ, почтовое, путей сообщенія, военно-учебныхъ заведеній и къ оберъ-прокурору св. синода (**).

Подвергаясь разсмотрѣнію столь многихъ лицъ, статьи не могли не подвергнуться весьма разнообразнымъ оцѣнкамъ; это видно между прочимъ изъ дѣла о статьѣ (очень рѣзко впрочемъ написанной) подъ заглавіемъ «Червяки», принадлежавшей къ такъ называемой обличительной литературѣ (*). По поводу ея с.-петербургскій цензурный комитетъ выражалъ сочувствіе стремленію литературы обнаруживать частныя злоупотребленія администраціи. «Польза такихъ статей, писалъ онъ, неопровержима: снимать покровъ съ таящагося злоупотребленія, дѣлать его яв-

(*) Дѣло главн. упр. ценз. 1857 г. № 243.

(**) Дѣло глав. упр. ценз. 1856 г. № 62. Изъ мнѣнія, поданнаго, въ числѣ прочихъ, цензоромъ Лебедевымъ въ 1862 г. «о нынѣшнемъ состояніи цензуры», узнаемъ, что существовало 22 спеціальныя цензуры.

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1857 г. № 217.

нымъ,—не есть ли уже нравственно наказывать преступника, а еще болѣе, отвращать другихъ отъ поползновенія къ пороку, слѣдовательно обращать ихъ къ добродѣтели»? Притомъ, заключалъ кн. Щербатовъ, § 14 цензурнаго устава, допускающій печатаніе статей, «подъ общими чертами осмѣивающихъ общіе пороки и слабости», очевидно допускаетъ и настоящую статью.» —Въ означенной обличительной статьѣ рѣчь шла, между прочимъ, о лицахъ военнаго званія; по этому поводу она была послана на разсмотрѣніе къ военному министру. Комитетъ военной цензуры призналъ ее неудобною къ печати, но г-лъ Сухозанетъ, напротивъ того, одобрилъ ее: «По ближайшемъ моемъ разсмотрѣніи этой статьи, писалъ онъ д. т. с. Норову, я съ своей стороны нахожу, что за исключеніемъ въ оной мѣстъ, обозначенныхъ краснымъ карандашемъ, со стороны военнаго вѣдомства не встрѣчается препятствія къ напечатанію оной». Это, однакожъ не поколебало убѣжденій военно-цензурнаго комитета, или его предсѣдателя, барона Медема; «цензурный (военный) комитетъ находитъ, писалъ онъ, что статья эта, заключая въ себѣ оскорбительные и насмѣшливые izвѣты на счетъ всѣхъ вообще ротныхъ, эскадронныхъ и полковыхъ командировъ, по точному смыслу §§ 2 и 6 Высочайше утвержденной дополнительной инструкціи къ общему уставу о цензурѣ для руководства военно-цензурнаго комитета, не можетъ быть допущена къ напечатанію въ ея настоящемъ видѣ».

Б. Медемъ замѣчалъ при этомъ, что дозволеніе осмѣивать общіе пороки и слабости согласовать не трудно съ сохраненіемъ уваженія къ осмѣиваемому предмету: «стоитъ только, писалъ онъ, чтобы авторъ не представлялъ обнаруживаемыя имъ злоупотребленія, какъ явленія общія, въ той или другой части военнаго правленія,» а лишь какъ злоупотребленія частныхъ лицъ: это принесетъ еще и ту пользу, заключалъ онъ, «что откроетъ правительству всѣ тайныя увертки и хитрыя продѣлки злоупотребленій.»

И такъ, подобно кн. Щербатову, и б. Медемъ подкрѣплялъ, какъ выше показано, свои мнѣнія ссылками на существовавшія цензурныя распоряженія и статьи устава, хотя мнѣнія того и другаго были діаметрально противоположны. Замѣтить, однакожъ должно, что мнѣніе б. Медема противорѣчило какъ одному изъ

главныхъ основаній цензурнаго устава, желавшаго оградить личную неприкосновенность, такъ и различнымъ цензурнымъ распоряженіямъ, которыми запрещалось касаться служебной дѣятельности должностныхъ лицъ. Распоряженіями по этому послѣднему предмету наполнены дѣла Главнаго управленія цензуры 1856—1861 годовъ, о чемъ будетъ подробнѣе упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Сближая и сопоставляя между собою всѣ эти различныя мнѣнія относительно обязанностей цензуры и значенія литературы, не трудно представить себѣ, къ какимъ противоположнымъ и разнороднымъ требованіямъ должна была подделываться первая и съ какими затрудненіями бороться вторая; въ борьбѣ этой конечно не всегда сохранялось хладнокровіе съ ея стороны, а это подавало поводъ къ горькимъ жалобамъ, и если литература дѣлала промахи, бывала заносчива и говорила иногда раздражительнымъ тономъ, то и обвиненія противъ нея бывали неумѣренныя. Въ одномъ изъ журналовъ былъ напечатанъ отчетъ объ оффиціальномъ обѣдѣ, на которомъ провозглашались тосты за здравіе Государя Императора; это подверглось осужденію. «Я полагаю, писалъ одинъ сановникъ въ полу-оффиціальномъ письмѣ къ д. т. с. Норову, что тосты за здравіе Императора должны быть предлагаемы коротко, не допуская никакихъ разбирательствъ, безъ всякой иной побудительной причины, какъ только потому, что онъ Императоръ. Если же позволить выражать сочувствіе, одобреніе и т. п., то справедливо допустить выражать и чувства противоположныя. Допущенія огласки мнѣній *pro* исключаетъ возможность, безъ нарушенія въ строгомъ смыслѣ справедливости, воспрещать оглашеніе мнѣнія *contra*.»

Кн. Вяземскій, разсматривавшій эту переписку, находилъ вышеприведенное мнѣніе «софистическимъ и опровергаемымъ дѣйствительными фактами»: «въ театрѣ хлопаютъ, но свистать не дозволено, писалъ онъ.»—«Воспрещать подданнымъ изъявлять сознательную благодарность свою Царю за оказанныя народу милости, оцѣнивать ихъ, объяснять всю ихъ благодѣтельную важность значило бы разорвать священные узы сочувствія и любви, связывающія народъ съ Государемъ своимъ.»

Одинъ изъ цензоровъ, по поводу статейки, отвергавшей пользу экзаменовъ въ учебныхъ заведеніяхъ, вошелъ въ слѣдующія

объясненія съ Главнымъ управленіемъ (*). «При нынѣшнемъ состояніи умовъ на западѣ, откуда преимущественно двигается развитіе, многія изъ отраслей знаній вмѣщаютъ гибельныя начала. Профессоры и преподаватели могутъ увлекаться идеями, несродными государственному нашему порядку; потому повѣрять ихъ дѣйствія, во всѣхъ классахъ прохожденія курса, составляетъ непремѣнную заботливость правительства». Всѣ науки, заключалъ онъ, приняли съ нѣкотораго времени вредное и опасное направленіе. Не говоря уже о философіи и исторіи, «политическая экономія представляетъ въ себѣ также цѣлый рядъ утопій государственнаго строительства, опасныхъ въ устахъ неблагонадежнаго наставника; даже географія, наука, описывающая состояніе земли — и та приняла опасныя нововведенія». Вышеприведенныя мнѣнія относительно опасности, угрожающей обществу отъ литературы и науки были далеко не единственными; дѣла Главнаго управленія цензуры представляютъ не мало тому доказательствъ.

Колеблемая столь многоразличными воззрѣніями на дѣла прессы, цензура не находила твердой опоры и въ своихъ постановленіяхъ, ибо все основывалось не на точныхъ законахъ, а разрѣшалось всего болѣе тактомъ и личнымъ взглядомъ цензоровъ и требованіями лицъ, вліявшихъ на цензуру. По поводу одной статьи финансоваго содержанія, признанной министерствомъ финансовъ неприличною (*), кн. Щербатовъ представлялъ, что «если мнѣніе цензурнаго комитета не будетъ признано достойнымъ уваженія и если оцѣнка статей не будетъ основана на чисто научныхъ сеображеніяхъ, а на толкованіяхъ, подлежащихъ личному взгляду того или другаго вѣдомства, то цензурный комитетъ будетъ находиться въ крайнемъ затрудненіи». Еще болѣе опредѣлительно выражался въ этомъ отношеніи одесскій цензурный комитетъ (*): «Съ нѣкотораго времени, писалъ его председатель, т. с. Пироговъ, начали появляться во многихъ журналахъ и газетахъ обѣихъ столицъ статьи, въ которыхъ гласно высказываются мнѣнія о разныхъ вопросахъ общественнаго и служебнаго интереса, не исключая даже и самаго значенія цензурнаго

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1858 г. № 208.
(**) Дѣло гл. упр. ценз. 1857 г. № 252.
(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1857 г. № 69.

устава».—«Статьи эти, какъ по предмету содержанія, такъ и по духу самаго изложенія, ни мало не отвергая неоспоримой благонамѣренности ихъ, выходятъ изъ ряда тѣхъ постановленій, которыми руководствуются доселѣ цензоры ввѣреннаго управленію моему одесскаго цензурнаго комитета и поставляютъ ихъ въ крайнее затрудненіе въ отношеніи редакцій и авторовъ, навлекая незаслуженныя нареканія въ публикѣ. Цензоры, соблюдая во всей точности предписанныя имъ въ руководство правила и не имѣя ввиду позднѣйшихъ распоряженій, измѣняющихъ дѣйствія ихъ по внутренней цензурѣ, остаются по прежнему строгими исполнителями предписанныхъ постановленій; авторы же и публика, ссылаясь на статьи «Русскаго вѣстника», «Морскаго сборника», «Сына отечества» и другихъ журналовъ, требуютъ отъ цензоровъ, по духу и направленію этихъ статей, соразмѣрнаго снисхожденія и приносятъ мнѣ постоянно жалобы, а чрезъ то побуждаютъ и самихъ цензоровъ обращаться ко мнѣ за постановленіями». Ту же самую мысль, семь лѣтъ спустя принужденъ былъ выразить и б. Медемъ. «Главный недостатокъ нашихъ цензурныхъ постановленій заключается въ ихъ неясности и неопредѣлительности, писалъ онъ въ 1862 году. Во всей Россіи нѣтъ, можетъ быть, двухъ цензоровъ, которые бы всегда одинаково понимали эти предѣлы дозволенной гласности (*).

Дѣло цензуры вообще сдѣлалось особенно затруднительнымъ, когда въ 1857 г. было Высочайше разрѣшено министрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными вѣдомствами докладывать Государю Императору о статьяхъ, въ которыхъ проявляются сужденія о вопросахъ государственныхъ или стремленіе къ нововведеніямъ. На этомъ основаніи отъ одного вѣдомства было повергаемо на Высочайшее усмотрѣніе о нѣкоторыхъ вышедшихъ въ послѣднее время неодобрительныхъ журнальныхъ статьяхъ и между прочимъ о романѣ «Старые годы» (*). Съ своей стороны управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, кн. Вяземскій, представлялъ Его Величеству, что по его мнѣнію изъ числа вышеозначенныхъ статей только одна касается злоупотребленій по тому вѣдомству, которое

(*) Мнѣніе б. Медема о томъ: «удобно ли у насъ въ настоящее время введеніе репрессивной цензуры».

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1857 г. № 232.

на нихъ указывало, остальныя же не должны были бы, писалъ кн. Вяземскій, «подлежать, по моему мнѣнію, разсмотрѣнію этого вѣдомства. Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, что въ этомъ отношеніи участіе гг. министровъ, въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдомству цензуры, должно быть ясно и твердо опредѣлено и положительно ограничено Высочайшими выраженіями Государя Императора. Изъ помянутой Высочайшей резолюціи слѣдуетъ, что на г.г. министровъ возлагается только на будущее время обязанность слѣдить за періодическими изданіями, и то исключительно въ отношеніи тѣхъ статей, которыя касаются постановленій и распоряженій ихъ личнаго вѣдомства, не входя въ посторонніе и чисто литературныя отрасли и не устремляя обратнымъ путемъ изслѣдованій своихъ на такія статьи, которыя уже нѣсколько мѣсяцевъ тому напечатаны, и въ которыхъ, напримѣръ, какъ здѣсь (романъ «Старые годы»), описываются нравы и личный бытъ людей тысяча семисотыхъ годовъ, что̀ уже совершенно чуждо государственныхъ вопросовъ и стремленія къ нововведеніямъ. Иначе, если всѣ министерства будутъ входить въ разсмотрѣніе разнородныхъ сочиненій, неимѣющихъ никакого характера, ни административнаго, ни политическаго, и подвергать заднимъ числомъ сужденію своему даже повѣсти и романы, то дѣло цензуры, при множествѣ журналовъ, нынѣ издающихся, такъ омногосложится и расплодитъ такую переписку, что добросовѣстное дѣлопроизводство по этому предмету окажется невозможнымъ».

При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть о замѣчательной перепискѣ, вызванной рѣчью, произнесенною на одномъ офиціальномъ обѣдѣ комм. совѣт. Кокоревымъ вслѣдъ за первыми Высочайшими рескриптами по крестьянскому дѣлу (*). Бывшій тогда попечителемъ въ Москвѣ, т. с. Ковалевскій, на сдѣланный ему министромъ просвѣщенія запросъ, отвѣчалъ: «не оправдывая цензора ф. Крузе (пропустившаго статью), писалъ онъ, можно допустить, однакожъ, что онъ могъ увлечься слухами, доходившими изъ С.-Петербурга, что всѣ рѣчи, произнесенныя на обѣдѣ 28-го декабря, въ томъ числѣ и рѣчь Кокорева, найдены благонамѣренными. Изъ свѣдѣній, дошедшихъ до васъ, что Крузе сталъ предметомъ чествованія публичнаго, справедливо только то, что Крузе пользуется

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1858 г. № 35.

популярностію и что имѣетъ на своей сторонѣ общественное мнѣніе, за малыми исключеніями. Поэтому-то именно и нужна осторожность особенная. Я полагаю, что отрѣшеніе его въ настоящее время было бы неполитически».

Съ своей стороны цензоръ выражалъ слѣдующія мысли въ полуофиціальномъ письмѣ къ министру. «Обязанность цензора, писалъ онъ, обозначается уставомъ и административными распоряженіями начальства; но кромѣ того, онъ обязанъ понимать и значеніе современности. Если онъ служитъ честно, если онъ убѣжденъ, что призванъ обуздывать злоупотребленія мысли, а не посягать на святыню просвѣщенія, то для него одинаково страшно впасть въ преувеличенность опасеній, или переступить за границы благоразумія. Постоянные виды правительства извѣстны. Ихъ опредѣлить легко; но его временное направленіе, но духъ и требованіе текущаго дня,—тутъ представляется цензору не мало затрудненій. Чтобъ не дать воли своему воображенію, онъ долженъ по какимъ либо несомнѣннымъ признакамъ истолковывать себѣ правительственныя желанія и цѣли».—«Судя по доступнымъ для всѣхъ признакамъ, писалъ г. Крузе, я заключалъ, что правительство требуетъ отъ цензора охраненія, а не придирокъ, осторожной терпимости, а не произвольныхъ и всегда возможныхъ стѣсненій, ибо смотритъ на литературу не какъ на враждебный элементъ, допускаемый только по обычаю или изъ приличія, а какъ на дѣло существенное, необходимое, желательное, какъ на ва́жное и лучшее пособіе себѣ во всѣхъ благихъ начинаніяхъ». Таковы соображенія, продолжалъ г. Крузе, которыми я постоянно руководствуюсь; относительно же пропуска рѣчи Кокорева не было надобности ни въ чемъ другомъ, какъ въ исполненіи прямого смысла устава. Написана она въ спокойномъ, примирительномъ духѣ. Въ ней всѣ сословія приглашаются соединиться въ стремленіяхъ къ одной цѣли. Ея главная мысль заключается въ сочувствіи къ обнародованнымъ мѣрамъ правительства и въ надеждѣ, что купцы, владѣльцы доходныхъ домовъ и откупщики не откажутся принять участіе въ общемъ дѣлѣ. Если съ одной стороны я не могъ опереться ни на какой пунктъ цензурнаго устава и ни на какое предписаніе начальства, чтобы помѣшать публичному выраженію такихъ безвредныхъ надеждъ, то съ другой, мысль Кокорева, неимѣющая

въ себѣ ничего раздражающаго и тревожнаго, представилась мнѣ не только справедливой, но и существенно полезной. Положимъ, что содѣйствіе купечества ненужно и не будетъ допущено; но все же для чести Россіи хорошо, когда никто не останется холоднымъ зрителемъ историческаго событія. «По этимъ причинамъ, писалъ г. Крузе, я не представлялъ статьи, о которой идетъ рѣчь, цензурному комитету. Слова Кокорева, если они несогласны съ видами правительства, пропущены будучи только цензоромъ, безъ представленія высшему начальству, имѣютъ характеръ не болѣе какъ частнаго мнѣнія; напротивъ, если бы рѣчь эта была пропущена высшимъ правительствомъ, то она немедленно получила бы въ глазахъ публики особенное значеніе.»

Объясненія г. Крузе были на этотъ разъ приняты во вниманіе; но во всѣхъ этихъ жалобахъ цензуры инацензуру со стороны офиціальныхъ лицъ, литераторовъ и публики было, конечно, много справедливаго, и все это вмѣстѣ указывало на необходимость какихъ либо существенныхъ измѣненій. Какъ понимало ихъ тогдашнее министерство народнаго просвѣщенія, или, по крайней мѣрѣ, какъ оно ихъ разумѣло въ предѣлахъ практической возможности, видно изъ всеподданнѣйшей записки, представленной д. т. с. Норовымъ въ 1858 году (*). «Для Россіи, писалъ онъ, наступаетъ теперь новая эпоха, и въ дѣлѣ ея обновленія литература призвана играть не маловажную роль». За тѣмъ, обращаясь къ современному состоянію нашей литературы, д. т. с. Норовъ отмѣчалъ три главныя господствующія въ ней направленія: нравоописательное и сатирическое, учено-практическое и, наконецъ, третье направленіе, стоящее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ, славянофильское. Изъ нихъ на второе обращено главное вниманіе записки. «Оно, сказано тамъ, прямо истекаетъ изъ современныхъ потребностей и обстоятельствъ. Литература никогда не оставалась равнодушною и нѣмою зрительницею тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые преимущественно занимали и озабочивали современную ей эпоху. Нынѣ это участіе, это вмѣшательство развилось болѣе противу прежняго, и таковое развитіе совершенно естественно.

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1858 г. № 24.

Нынѣ эти интересы въ обществѣ сами заговорили громче».—«Можетъ ли она молчать о томъ, что въ помышленіяхъ каждаго и у каждаго на языкѣ? Литература должна содѣйствовать и помогать обществу въ уразумѣніи и присвоеніи этихъ побѣдъ, одержанныхъ наукою и просвѣщеніемъ въ пользу правительствъ и въ пользу управляемыхъ. Въ эту среду, которою обхвачено все общество, сами собою врываются вопросы промышленности, торговли, финансовъ, законодательства, всего государственнаго хозяйства. Отчужденіе общества отъ знакомства, покрайней мѣрѣ въ общихъ понятіяхъ, съ сими важными и жизненными вопросами, равнодушіе къ ихъ дѣйствіямъ и пользѣ, было бы явленіемъ прискорбнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно лишило бы правительство надежнѣйшаго пособія, нравственной силы, которою оно можетъ дѣйствовать на общество, на его довѣріе, убѣжденіе, сочувствіе и единомысліе». «Однакожъ, продолжалъ министръ, эта важная общественная сила связана и затруднена въ приложеніи своего вліянія. При тѣхъ цензурныхъ требованіяхъ, которыя еще въ настоящее время существуютъ, невозможно изученіе ни всеобщей исторіи, ни законодательства, ни статистики. Между тѣмъ, слѣдя, хотя бы только и поверхностно, за ходомъ ученой журналистики, нельзя не признатъ, что въ послѣднее время появлялись нѣкоторыя весьма дѣльныя статьи.» «Нерѣдко появлялись ученыя разсужденія о поземельной собственности, о распредѣленіи сельскихъ работъ и т. п., гдѣ безъ всякой рѣзкости и заносчивости, хладнокровно и ученымъ образомъ, разсматривались тѣ же вопросы, которые нынѣ будутъ предложены на разсмотрѣніе губернскихъ комитетовъ. Подобное вмѣшательство науки уясняетъ и провѣряетъ частныя понятія. Многіе опасаются у насъ толковъ, которые каждая печатная статья можетъ породить. Но въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ вынужденное молчаніе породитъ еще болѣе толковъ, истекающихъ часто отъ невѣжества и невѣдѣнія, а иногда и отъ недоброжелательства. Когда умы заняты важными современными вопросами, здоровая пища нужна для ихъ возбужденнаго вниманія и дѣятельности. Извѣстно, что въ военное время недостатокъ вѣстей изъ дѣйствующей арміи всегда порождаетъ въ массѣ самые нелѣпые, неблагонамѣренные и недоброжелательные слухи».

Записка д. т. с. Норова весьма обширна, ибо касается

нуждъ и современнаго состоянія литературы; въ заключеніе говорится въ ней слѣдующее: «должно положительно опредѣлить и обозначить ту долю благоразумной и законной свободы, которую правительство полагаетъ возможнымъ предоставить наукѣ и литературѣ»; для практическаго же разрѣшенія этой задачи д. т. с. Норовъ предполагалъ заняться опредѣленіемъ этихъ границъ, и ходатайствовалъ о назначеніи отъ различныхъ вѣдомствъ довѣренныхъ чиновниковъ, «которые могли бы разрѣшать спорные пункты, возникающіе въ цензурѣ», относительно статей, касающихся этихъ вѣдомствъ, чѣмъ и надѣялся нѣсколько упростить дѣйствіе спеціальныхъ цензуръ.

Изъ предположеній министра народнаго просвѣщенія осуществилось въ то время только назначеніе довѣренныхъ чиновниковъ отъ различныхъ вѣдомствъ; вопросъ же о цензурѣ не получилъ еще разрѣшенія; онъ даже еще болѣе осложнялся по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ и въ самомъ правительствѣ обнаруживалась потребность коренныхъ цензурныхъ преобразованій.

Уже выше замѣчено къ какимъ затрудненіямъ повела одна изъ манифестацій, возбужденныхъ началомъ измѣненія въ судьбѣ крѣпостнаго сословія. Крестьянскій вопросъ далъ неудержимый толчекъ литературѣ, и движеніе это было тѣмъ труднѣе, тѣмъ невозможнѣе цензурѣ регулировать, чѣмъ мудренѣе было каждому частному лицу сохранять хладнокровіе посреди разнообразныхъ и противоположныхъ увлеченій. При началѣ этой великой реформы литература наша была вовсе устранена отъ ея обсужденія. Академія наукъ, признавъ полезнымъ предложить на соисканіе задачу, «относящуюся къ историческимъ изслѣдованіямъ объ отмѣнѣ и выкупѣ помѣщичьихъ правъ въ различныхъ государствахъ Европы», за отвѣтами на этотъ вызовъ обратилась къ иностраннымъ литературамъ, и програму, составленную на этотъ предметъ, было запрещено перепечатывать въ русскихъ журналахъ (*). Публичное обсужденіе главныхъ основаній занимавшаго всѣхъ дѣла, вообще казалось опаснымъ и едвали полезнымъ. «Вопросъ о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, писалъ кн. Вяземскій тогдашнему предсѣдателю московскаго цензурнаго комитета (**), есть одинъ изъ важнѣйшихъ и щекот-

(*) Дѣло гл. управ. ценз. 1857 г. № 293.
(**) Дѣло гл. упр. ценз. 1856 г № 152.

ливѣйшихъ нашихъ государственныхъ вопросовъ. Касаться до него должно съ чрезвычайною предусмотрительностію и осторожностію. Возбужденіе же о немъ частныхъ сужденій и преній въ печати едва ли есть дѣло литературное и, въ особенности, журнальное,—такъ вопросъ сей и по сущности своей и по своимъ послѣдствіямъ есть преимущественно вопросъ правительственный и подлежащій въ свое время рѣшенію верховной власти».—«Не сомнѣваюсь въ благонамѣренности и добросовѣстности нашихъ писателей, продолжалъ кн. Вяземскій, но едва ли участіе литературы принесетъ въ этомъ дѣлѣ пользу. Тѣхъ, которые не расположены къ дѣлу этому, она не переувѣритъ, но раздражитъ неизбѣжно». Другая опасность предвидится со стороны тѣхъ малограмотныхъ, но заинтересованныхъ читателей, для которыхъ, заключалъ кн. Вяземскій словами поэта

«Печатный каждый листъ быть кажется святымъ».

Слѣдствіемъ подобнаго взгляда было разрѣшеніе обсуждать въ печати начатое преобразованіе исключительно съ точки зрѣнія ученой и хозяйственной, и строго запрещались статьи, «гдѣ будутъ разбирать, осуждать и критиковатъ распоряженія правительства» по этому дѣлу, или же въ видѣ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній касаться крестьянскаго вопроса въ смыслѣ, могущемъ «возбудить крестьянъ противу помѣщиковъ» (*).

Цензура употребляла, повидимому, величайшія усилія, чтобъ удержать вопросъ въ указанныхъ границахъ. Министръ народнаго просвѣщенія и Главное управленіе цензуры разослали, по 19 февраля 1861 г., 14 циркуляровъ относительно статей по крестьянскому вопросу; изъ Москвы, гдѣ онъ съ особою силою разработывался, присылались въ цензуру цѣлыя кипы рукописей, и большая часть ихъ была устраняема отъ печати (*); но жгучій вопросъ самъ врывался на литературную арену и вытѣснить его не было возмжности. Въ концѣ 1858 г. была напечатана статья «Милліардъ въ туманѣ», коснувшаяся прин-

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1857 г. № 290 и 1858 г. № 4.

(*) Такъ однажды было прислано 14 ст.; изъ нихъ не одобр. 10 одобр. съ искл. 4.
въ другой разъ — — 12 — — — — — 4 — — — 4.
въ третій разъ — — 9 — — — — — 6 — — — 3.
(Дѣла глав. управ. ценз. 1859 г. №№ 186 и 192 и 1859 № 238).

ципа о выкупѣ и предлагавшая для этой цѣли нѣкоторыя финансовыя соображенія. Цензору, пропустившему эту статью, былъ сдѣланъ выговоръ, но главный комитетъ по крестьянскому дѣлу представилъ въ то же время на Высочайшее усмотрѣніе (*), что можно и въ извѣстной степени полезно допускать печатаніе статей о выкупѣ крестьянами земли, дозволяя при этомъ и сужденія о необходимыхъ финансовыхъ для сего операціяхъ, о продажѣ казенныхъ земель и проч.; но что всѣ эти статьи могутъ быть допускаемы къ печатанію не иначе какъ подъ условіемъ, чтобы въ нихъ не были помѣщаемы сужденія неумѣстныя, неотносящіяся прямо къ предмету и возбуждающія толки противъ дѣйствій правительства.

Выше приведено свѣдѣніе о количествѣ статей по крестьянскому вопросу, присылаемыхъ двумя главными въ то время литературными органами этого вопроса: «Русскимъ вѣстникомъ» и «Сельскимъ благоустройствомъ»; безъ сомнѣнія, много поступало такого рода статей и въ другія редакціи; это даетъ мѣру того участія, съ которымъ относилось общество къ преобразованію крестьянскаго быта, и объясняетъ ту силу напора, съ которою цензура должна была бороться. Между тѣмъ цензурныя затрудненія производили неудовольствія со стороны литераторовъ. Редакторъ «Сельскаго благоустройства», г. Кошелевъ, ходатайствовалъ о расширеніи права изслѣдованій по крестьянскому вопросу. «Безъ права говорить о будущемъ окончательномъ устройствѣ крестьянскаго сословія, писалъ онъ, нѣтъ возможности разсуждать о постепенномъ переходѣ отъ настоящаго къ будущему» (*).—«Я не теорикъ, а практическій, опытный хозяинъ, не менѣе кого бы то ни было заинтересованный въ мирной развязкѣ этого важнаго и затруднительнаго вопроса: но вижу рѣшительную невозможность продолжать журналъ, если цензурныя постановленія по крестьянскому вопросу не измѣнятся».

Дѣйствительно, скоро послѣ того г. Кошелевъ прекратилъ свое изданіе.

Подобно крестьянскому, и другіе вопросы государственнаго устройства были по-очередно затрогиваемы литературою. Такъ еще въ 1857 г. началась въ журналахъ разработка по пред-

(*) Дѣло глав. управ. ценз. 1858 г. № 9.

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1858 г. № 141.

мету судоустройства и судопроизводства. Двѣ статьи «Русскаго вѣстника»: «Объ устности и гласности» и «О словесномъ дѣлопроизводствѣ въ Россіи» обратили вниманіе Главнаго управленія цензуры и министерства юстиціи. Предметъ, котораго они касались, былъ тогда признанъ неподлежащимъ обсужденію литературы; тогдашній министръ народнаго просвѣщенія считалъ, однакожъ, своимъ долгомъ представить на Высочайшее усмотрѣніе, что «благонамѣренныя и скромно написанныя сужденія о предметахъ, подобныхъ порядку судопроизводства, могли бы быть у насъ допускаемы (*)» и статьи юридическаго содержанія получили право появляться, а чрезъ годъ послѣ этого, въ 1858 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе о распространеніи «на всѣ предметы современныхъ государственныхъ вопросовъ и правительственныхъ распоряженій» той мѣры гласности, которая была дозволена по крестьянскому вопросу (*).

Стремясь все болѣе расширить предѣлы своихъ изслѣдованій, литература съ особенною силою и можетъ быть не всегда съ должною умѣренностью обращалась къ разсмотрѣнію дѣйствій частныхъ лицъ въ сферѣ ихъ служебной и общественной дѣятельности и даже личной ихъ нравственности. Ни одно, кажется, вторженіе прессы не было встрѣчено столь непріязненно, какъ это. Не перечисляя всѣхъ случаевъ, подавшихъ поводъ къ жалобамъ на такъ называемую обличительную литературу, достаточно будетъ упомянуть объ одномъ, получившемъ особенно серьозный характеръ. Въ 1858 г. была напечатана въ Петербургѣ повѣсть «Откупное дѣло», изображавшая въ весьма непривлекательномъ видѣ цѣлое общество одного изъ нашихъ губернскихъ городовъ, конечно, безъ означенія настоящихъ названій лицъ и мѣстности. По поводу этой повѣсти мѣстный начальникъ обратился съ энергическою жалобою къ министру просвѣщенія (**). «У какой власти, писалъ онъ, должны оскорбленныя личности, почитая себя обиженными, искать суда и расправы? И ежели правительство попускаетъ подобнаго рода оскорбленія, за которыя законнаго защищенія найдти негдѣ,

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1857 г. № 234.
(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1858 г. № 24.
(**) Дѣло гл. упр. ценз. 1858 г. № 352.

то казалось бы, по крайней мѣрѣ, справедливымъ не воспрещать поединковъ и оставлять самоуправство безнаказаннымъ». Относя этотъ случай къ послабленію цензуры, онъ заключалъ: «мы узнаемъ «Ревизора» Гоголя въ болѣе широкомъ размѣрѣ! Еще немного, и другой цензоръ,—конечно, въ С.-Петербургѣ этого никогда не допустятъ, — разрѣшитъ къ печати новую статью, въ которой главными предметами типическихъ изображеній будете уже вы, гг. министры!».

Въ настоящемъ случаѣ министръ народнаго просвѣщенія, д. т. с. Ковалевскій, не призналъ виновнымъ с.-петербургскаго цензора, которому мудрено было понять междустрочное значеніе пропущенной имъ повѣсти; но было множество другихъ случаевъ, гдѣ Главное управленіе цензуры признавало цензоровъ виновными въ пропускѣ каррикатуръ и пасквилей, иногда весьма искусно замаскированныхъ.

Жалобы на слабость цензуры, жалобы цензоровъ на неопредѣленность цензурныхъ постановленій, множество различныхъ, иногда противорѣчивыхъ и другъ друга исключавшихъ циркуляровъ, совершенно уничтожавшихъ значеніе устава 1828 года, очевидно требовали какихъ либо существенныхъ преобразованій. Еще въ 1857 г. объявлена д. т. с. Норову Высочайшая воля о необходимости составить новый цензурный уставъ (*). Изъ дѣлъ Главнаго управленія цензуры видно, что мысль о настоятельной надобности пересмотра цензурныхъ правилъ была выражена Государемъ Императоромъ и д. т. с. Ковалевскому при вступленіи его въ должность министра народнаго просвѣщенія. Но въ ожиданіи радикальныхъ измѣненій въ вѣдомствѣ цензуры, учрежденъ былъ въ 1859 году особый негласный комитетъ, подъ названіемъ «комитетъ по дѣламъ книгопечатанія» (*).

На обязанность этого комитета возлагалось «принятіе мѣръ къ правильному и соотвѣтственному видамъ правительства направленію нашей литературы». Предметъ и кругъ его дѣйствій опредѣлялись слѣдующими главнѣйшими чертами данной ему инструкціи:

«Надзоръ за направленіемъ литературы.

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1860 г. № 56.
(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1859 г. № 40.

«Сношенія съ министерствами и главными управленіями для полученія нужныхъ свѣдѣній и объясненій по вопросамъ, до подлежащихъ вѣдомствъ относящихся и обсуживаемыхъ въ печатаемыхъ статьяхъ.

«Комитетъ, не касаясь цензурныхъ установленій, ни въ чемъ не ограничиваетъ и не измѣняетъ существованія и дѣйствія сихъ послѣднихъ.

«Статьи, составляемыя въ министерствахъ для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ, препровождаются предварительно въ комитетъ.

«Статьи, печатаемыя въ журналахъ по распоряженію сего комитета, подъ рубрикою «Сообщено», какъ исходящія отъ правительства, должны служить цензорамъ указаніемъ и руководствомъ для ихъ дѣйствій.

«Помѣщеніе въ газетахъ и журналахъ статей, доставляемыхъ съ надписью одного изъ членовъ комитета, обязательно для редакцій оныхъ.»

Таковы были цѣль и атрибуты этого комитета; но онъ существовалъ недолго; въ октябрѣ того же года онъ самъ представлялъ на Высочайшее усмотрѣніе, что своимъ «неофиціальнымъ положеніемъ» и съ другой стороны участіемъ своимъ въ рѣшеніи существеннѣйшихъ вопросовъ общественныхъ, онъ принужденъ былъ принять видъ «какого то чрезвычайнаго, контролирующаго, и по его уединенности, устрашающаго постановленія». Предполагая, по первоначальной мысли своей, имѣть вліяніе на литературу и дать ей желаемое направленіе, комитетъ скоро замѣтилъ, какъ представлялъ онъ, что литераторы «уклонились отъ всякихъ съ нимъ сношеній» и что такимъ образомъ онъ «сталъ въ какое-то странное положеніе въ средѣ, гдѣ ему надлежало дѣйствовать», а потому онъ самъ ходатайствовалъ о прекращеніи своего существованія.

Между тѣмъ, въ томъ же 1859 г. д. т. с. Ковалевскимъ составленъ былъ проэктъ цензурнаго устава. Главныя его основанія были тѣ же, что и предшествовавшихъ; цензура учреждалась при министерствѣ народнаго просвѣщенія, сохранялось, или, справедливѣе, возстановлялось начало, выраженное уставомъ 1828 г., чтобъ цензоры обращали вниманіе «на видимую

цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ принимали за основаніе смыслъ рѣчи, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія оной» (§ 6), недѣлая привязокъ «къ словамъ и отдѣльнымъ выраженіямъ» (§ 7). Относительно строгости цензурнаго разсмотрѣнія, положено дѣлать различіе между сочиненіями учеными, дидактическими и специальными съ одной стороны, сочиненіями популярными и журналами съ другой, обращая болѣе бдительное вниманіе на вторую категорію (§§ 8 и 9). Допускались «разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой либо отрасли государственнаго хозяйства или администраціи», если они написаны «благонамѣренно и безъ порицанія настоящаго порядка», и при томъ неиначе, какъ по одобреніи со стороны подлежащихъ вѣдомствъ. Впрочемъ, Главному управленію цензуры предоставлялось пріостанавливать литературное обсужденіе такихъ вопросовъ, которыхъ касаться признано будетъ несвоевременнымъ. Новый уставъ старался также установить ясныя границы между дозволенною сатирою и пасквилемъ, или оскорбительнымъ порицаніемъ отдѣльныхъ лицъ и сословій (§§ 19 и 20). Наконецъ, относительно организаціи цензурнаго управленія проэктъ предполагалъ, оставляя составъ Главнаго управленія безъ измѣненій, сообщить ему, однакожъ, болѣе самостоятельности: «всѣ высшія правительственныя вѣдомства» должны были по новому предположенію «съ требованіями, до цензуры относящимися, исключительно обращаться въ Главное управленіе цензуры»,—чѣмъ отчасти устранялось бы вмѣшательство въ цензурное дѣло постороннихъ вѣдомствъ,—и только въ случаѣ разногласія управленія съ которымъ либо изъ вѣдомствъ, оно представляло бы о томъ на Высочайшее усмотрѣніе (§§ 168 и 169).

Уставъ этотъ, не вводившій, впрочемъ, никакихъ новыхъ началъ въ цензуру, былъ внесенъ въ государственный совѣтъ, но вскорѣ взятъ обратно д. т. с. Ковалевскимъ по причинѣ болѣе обширныхъ, задуманныхъ въ то время по предмету этому, преобразованій. Вышеупомянутый комитетъ, въ представленіи своемъ, изъ котораго предъ симъ приведены отрывки, указывая на недостатки существующихъ цензурныхъ учрежденій, обращалъ особенное вниманіе на несамостоятельность цензуры, подчиненной разнообразнымъ взглядамъ множества правительственныхъ, ученыхъ, филантропическихъ и другихъ учрежденій. Въ виду этихъ

неудобствъ комитетъ представлялъ, что цензурному управленію необходимо придать полную самостоятельность и сосредоточенность, то есть образовать изъ него особое вѣдомство, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія; при такомъ условіи, и при помощи предполагаемой имъ большой правительственной газеты, онъ надѣялся обнаружить на литературу положительное вліяніе и сообщить ей болѣе сообразное съ видами правительства направленіе.

Мысль комитета, какъ видно, отчасти совпадала съ мыслію д. т. с. Ковалевскаго, выраженною имъ въ его проэктѣ цензурнаго устава; ей предположено было дать еще болѣе широкое развитіе, а именно организовать цензуру совершенно отдѣльнымъ вѣдомствомъ, подъ высшимъ управленіемъ Главнаго управленія цензуры; но эта мысль была вскорѣ покинута и уставъ 1828 года былъ оставленъ во всей своей силѣ; преобразованіе коснулось только цензурнаго управленія, съ цѣлію сообщить ему болѣе независимости и самостоятельности.

Главное управленіе цензуры получало значеніе «отдѣльнаго самостоятельнаго» учрежденія (*); атрибуты его состояли существеннымъ образомъ въ слѣдующемъ:

«Главное управленіе цензуры обязано слѣдить *систематически* за ходомъ литературы, направлять ее, сколько возможно, къ истинной цѣли просвѣщенія и государственной пользы, наблюдать постоянно за дѣйствіями цензоровъ, руководить ихъ, взыскивать съ нихъ по мѣрѣ вины и награждать по заслугамъ.

«Въ семъ управленіи должны быть окончательно разрѣшаемы всѣ вопросы и дѣла, до цензуры относящіеся и возникающіе не только въ кругу самаго управленія, но и въ другихъ вѣдомствахъ, съ тѣмъ только, чтобы въ случаѣ разногласія управленія съ министрами и главноуправляющими отдѣльными частями, управленіе испрашивало Высочайшее разрѣшеніе чрезъ своего предсѣдателя.»

Личный составъ управленія предполагалось образовать изъ трехъ лицъ, «которыя, неотвлекаясь посторонними занятіями, имѣли бы возможность слѣдить за ходомъ и направленіемъ литературы, замѣчать ея уклоненія и о томъ вносить свои доклады въ общее присутствіе Главнаго управленія», которое

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1860 г. № 10.

должно было состоять, кромѣ вышепомянутыхъ трехъ лицъ, изъ лицъ, призванныхъ особымъ Высочайшимъ довѣріемъ и изъ членовъ комитета по дѣламъ книгопечатанія.

Организованное на этихъ началахъ, Главное управленіе цензуры дѣйствительно обнаружило болѣе самостоятельности, нежели прежнее. До этого времени едва ли можно, перебирая дѣла цензурныхъ архивовъ, найти примѣръ, чтобъ оно не согласилось безусловно съ заключеніемъ какого либо министра о неумѣстности такой или другой статьи. Въ 1860 году была представлена и признана довѣреннымъ чиновникомъ вѣдомства путей сообщенія неудобною къ печати статья, написанная въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ. Предсѣдатель общества, б. Мейендорфъ, принесъ на это жалобу, представляя, что если цензура дозволяетъ статьи, строго порицающія дѣйствія этого общества, то было бы совершенно несправедливо препятствовать обществу защищаться. Главное управленіе, разсмотрѣвъ представленную б. Мейендорфомъ статью, нашло, что она можетъ быть напечатана и представило о томъ на Высочайшее Государя Императора усмотрѣніе, который заключеніе Главнаго управленія соизволилъ утвердить (*).

Подобнымъ образомъ, оно отвергло требованіе совѣта Императорскаго человѣколюбиваго общества, домогавшагося права предварительной цензуры по статьямъ, до его вѣдомства касавшимся (*). Наконецъ, по поводу одной весьма рѣзкой статьи въ духовномъ журналѣ «Странникъ», касавшейся отношеній между крестьянами и помѣщиками, Главное управленіе просило оберъ-прокурора святѣйшаго синода не дозволять духовной цензурѣ пропускать по крестьянскому вопросу такихъ статей, которыя не дозволяются общими постановленіями (**).

Къ этому же періоду относится разрѣшеніе законодательнымъ путемъ важнаго вопроса о предѣлахъ литературной гласности вообще. Выше замѣчено, что правила, постановленныя относительно журнальной оцѣнки крестьянскаго вопроса, были распространены и на всѣ прочіе предметы современныхъ государственныхъ вопросовъ; въ 1859 году было признано совѣтомъ мини-

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1860 г. № 9.
(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1859 г. № 261.
(**) Дѣло гл. упр. ценз. 1860 г. № 126.

стровъ (*), «что оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о существующихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ можетъ быть полезнымъ въ томъ отношеніи, что этимъ способомъ представляется правительству возможность получать свѣдѣнія независимо отъ офиціальныхъ источниковъ, и нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній могутъ служить поводомъ къ повѣркѣ свѣдѣній офиціальныхъ и къ принятію надлежащихъ по усмотрѣнію мѣръ. Но гласность можетъ быть и вредною, когда она касается важныхъ предметовъ управленія, правительствомъ окончательно не обсужденныхъ, или непризнанныхъ имъ заслуживающими вниманія, и когда напечатанныя сужденія о такихъ предметахъ, не вполнѣ доступныхъ по неполнотѣ свѣдѣній читающей публикѣ, могутъ быть принимаемы въ видѣ истинъ, неподлежащихъ сомнѣнію, а не въ видѣ вопросовъ, подлежащихъ еще обсужденію и допускающихъ возможность опроверженія. Когда предметомъ подобныхъ сужденій дѣлаются вопросы, касающіеся основныхъ государственныхъ постановленій, тогда гласность становится опасною, и въ такомъ случаѣ необходимо предупредить послѣдствія вредныхъ заблужденій.»

Въ этомъ убѣжденіи полагалось возможнымъ допускать «оглашеніе въ печатныхъ сочиненіяхъ и журнальныхъ статьяхъ о предметахъ правительственныхъ, въ такомъ случаѣ, когда изложеніе подобныхъ статей будетъ заключаться въ предѣлахъ, согласныхъ съ постановленіями, охраняющими неприкосновенность самодержавнаго правленія и государственныхъ учрежденій. Такимъ образомъ все, непротивное основнымъ началамъ нашихъ государственныхъ учрежденій, представляемое въ видѣ разсужденій, или предположеній, допускающихъ разсмотрѣніе и, слѣдовательно, опроверженіе, можетъ быть допущено къ обнародованію; тогда какъ, напротивъ того, безусловное утвержденіе преимущества порядка государственнаго устройства, несогласнаго въ основаніяхъ съ существующимъ въ нашемъ отечествѣ, или изложеніе рѣшительныхъ заключеній о вопросахъ государственнаго устройства, непризнанныхъ еще правительствомъ подлежащими его обсужденію, или по коимъ не послѣдовало распоряженій, обнаруживающихъ намѣреніе верховной власти подвергнуть пересмотру какую либо часть нашего законодательства, къ печатанію допускаемо быть не можетъ».

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1859 г. № 150.

Другой весьма существенный вопросъ, и котораго лишь слегка касался уставъ 1828 года, вопросъ, объ охраненіи личной неприкосновенности отъ печатныхъ оскорбленій, возбудилъ въ это время со стороны правительства живѣйшее вниманіе. Еще въ 1857 года Главное управленіе цензуры стало весьма часто давать по этому предмету частныя наставленія цензорамъ. Вопросъ, о правѣ литературы касаться дѣйствій лицъ офиціальныхъ и неофиціальныхъ, былъ въ 1859 году разсматриваемъ въ совѣтѣ министровъ, рѣшеніе котораго по этому предмету изложено Главнымъ управленіемъ цензуры въ пространномъ циркулярѣ (*). «Въ послѣднее время, значилось въ ономъ, въ нашей журналистикѣ, стали появляться статьи, чуждыя всякаго литературнаго вымысла, но посвященныя преимущественно указанію на злоупотребленія лицъ существующихъ и разсказамъ дѣйствительныхъ будто бы происшествій». Произведенныя по такимъ указаніямъ слѣдствія доказали, что въ статьяхъ этихъ вообще много преувеличеннаго и часто недобросовѣстнаго; а какъ распространеніе такого рода литературы можетъ повести, замѣчало Главное управленіе, къ весьма вреднымъ злоупотребленіямъ печати, то цензорамъ вмѣнялось въ обязанность не допускать въ печать вышепоказанныхъ обличеній иначе, какъ по полученіи въ дѣйствительности оныхъ «фактическаго удостовѣренія».

Такое рѣшеніе очевидно оставляло большой просторъ произволу и даже въ нѣкоторой степени противорѣчило вышеприведенному мнѣнію о пользѣ печатныхъ обличеній, а потому для обсужденія этого вопроса и принятія соотвѣтствующихъ мѣръ, былъ въ 1860 г. составленъ комитетъ изъ министровъ юстиціи, просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и изъ шефа жандармовъ. Комитетъ этотъ пришелъ къ убѣжденію, что мѣры для охраненія личной чести частныхъ лицъ и достоинства государственныхъ сословій должны быть двоякаго характера: судебнаго и административнаго. Относительно перваго было предположено комитетомъ предоставить судамъ второй степени разсмотрѣніе жалобъ на оскорбленія печати; подобные иски предоставлялось вчинать или самимъ оскорбленнымъ лицамъ, или, въ случаѣ нарушенія сочинителями должнаго къ Августѣйшимъ особамъ и правительству уваженія, вчинаніе иска предполагалось возложить

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1857 г. № 288.

на прокуроровъ. Судопроизводство допускалось по литературнымъ дѣламъ сокращенное съ опубликованіемъ, по желанію оскорбленныхъ лицъ, судебнаго приговора.

Что же касается до мѣръ административныхъ, то онѣ должны были заключаться въ запрещеніи статей и изображеній, способствующихъ къ возбужденію непріязни между сословіями, насмѣшки надъ оными, а также оскорбленій, наносимыхъ частнымъ лицамъ, и наконецъ, въ недопущеніи къ печати неосновательныхъ и неприличныхъ извѣстій о жизни и правительственныхъ дѣйствіяхъ лицъ царствующаго дома по смерти Петра великаго.

Административная часть предположеній этихъ была Высочайше одобрена Государемъ Императоромъ, а относительно судебной, было опредѣлено войти въ сношеніе съ управляющимъ II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Впрочемъ, дальнѣйшаго хода дѣло это, кажется, не имѣло.

Относительно собственно цензурной практики замѣтить можно, что Главное управленіе обнаруживаетъ въ это время болѣе прежняго строгости въ отношеніи къ литературѣ; многимъ лицамъ, просившимъ разрѣшенія издавать журналы, было отказано, безъ объясненія даже причинъ отказа (*), или по причинамъ, которыя въ предшествующіе годы не считались препятствіемъ (**). Вообще, какъ видно изъ отчета Главнаго управленія за 1860 годъ, въ этомъ году изъ числа 50 ходатайствъ объ открытіи различныхъ періодическихъ изданій, разрѣшено только 30 и запрещено нѣсколько газетъ и журналовъ, изъ которыхъ по поводу двухъ была слѣдующая переписка.

Газета «Парусъ» была запрещена, конечно, не безъ основанія; но вслѣдъ затѣмъ была почувствована необходимость поддержать и развить сочувствіе къ соплеменнымъ намъ славянамъ, а потому въ Главное управленіе цензуры представлено было ходатайство о дозволеніи издавать въ Москвѣ журналъ съ этою цѣлію (*). «Пароходъ» (предполагавшееся названіе газеты) будетъ имѣть существенною цѣлію поддерживать въ русскихъ читателяхъ сочувствіе къ единоплеменнымъ славянамъ; сочувствіе это вполнѣ законно и основано на неискоренимыхъ нравственныхъ нача-

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1861 г. № 161.
(**) Дѣло гл. упр. ценз. 1861 г. № 257, 1860 г. №№ 37 и 471.
(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1859 г. № 9.

лахъ». Далѣе въ ходатайствѣ, при которомъ представлялась программа «Парохода», заключалось слѣдующее, какъ будто въ предупрежденіе ожидаемыхъ возраженій: «Русская литература, конечно, вправѣ говорить съ особенною любовію о тѣхъ славянахъ, которые связаны съ нами, кромѣ родства кровнаго, еще родствомъ вѣры. Но вправѣ ли она оказывать сочувствіе нѣкоторымъ только изъ славянскихъ племенъ, а исключать другія? Что́ бы подумали, напримѣръ, поляки, если бы русская газета, изъявляя участіе къ другимъ славянскимъ народамъ, вовсе забыла о нихъ? Въ такомъ случаѣ сочувствіе наше къ славянской братьѣ показалось бы имъ разсчитаннымъ съ политическою цѣлію,—служить приманкою для единовѣрныхъ намъ соплеменниковъ, живущихъ внѣ нашихъ предѣловъ. Напротивъ, мы должны убѣдить ихъ, что сочувствія наши вполнѣ безкорыстны, чужды мыслей о политическомъ преобладаніи и обнимаютъ безразлично всѣ единокровные намъ народы. Въ такомъ смыслѣ славянская идея есть лучшая примирительница между польскою народностью и русскою. Извѣстно, что въ новѣйшей польской литературѣ именно тѣ писатели, которые принадлежатъ къ славянскому направленію, указываютъ своимъ соотечественникамъ на необходимость братолюбиваго союза съ Россіею. Умственное сближеніе съ нами и нашею литературою возможно неиначе, какъ при развитіи чувства славянскаго сродства, особенно желательнаго для того, чтобы вывести поляковъ изъ ихъ тѣсной исключительности, плодомъ которой являются въ нихъ самообольщенія народной гордости и мечтательный патріотизмъ.»

Предположеніе московскихъ славянофиловъ однакожъ тогда не осуществилось.

Другое періодическое изданіе, подвергшееся въ это время запрещенію, была «Русская газета», въ которой напечатаны были двѣ статьи по поводу дворянскихъ собраній и права, симъ собраніямъ предоставленнаго, ходатайствовать о своихъ нуждахъ и желаніяхъ (*). Появленію этихъ статей были приписаны нѣкоторые обнаружившіеся въ то же время безпорядки. Главное управленіе цензуры, неистребовавъ впрочемъ по этому поводу объясненій отъ редактора, представило Его Императорскому Ве-

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1859 г. № 408.

личеству, что «Русская газета» уже неоднократно подвергалась замѣчаніямъ, и что потому оно считаетъ необходимымъ прекратить ея изданіе.

Между тѣмъ редакторъ-издатель оной, г. Поль, представляя о нанесенномъ ему ущербѣ этимъ запрещеніемъ, объяснялъ, что послѣдовавшихъ за появленіемъ его статьи обстоятельствъ предвидѣть не могли ни авторъ, ни редакторъ, ни цензоръ при напечатаніи этихъ статей: «я видѣлъ въ нихъ разработку юридическихъ вопросовъ, не болѣе, писалъ онъ: такое же значеніе придавали имъ и цензоръ и московскій цензурный комитетъ». —«Уже послѣ запрещенія моей газеты, продолжалъ г. Поль, получено здѣсь предписаніе не допускать къ печати подобныхъ статей»; почему, заявляя о своемъ искреннемъ желаніи содѣйствовать благимъ видамъ правительства, онъ просилъ дозволить ему предпринять новое періодическое изданіе. Объясненія г. Поля, на этотъ разъ, показались удовлетворительными и изданіе новой газеты было ему разрѣшено, хотя и безъ политическаго отдѣла.

Такимъ образомъ, перенося въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріемы административной власти въ сферу дѣлъ судебныхъ, Главное управленіе цензуры оказывалось въ оной несостоятельнымъ и, приведенное силою обстоятельствъ къ необходимости ходатайствовать о пріобрѣтеніи самостоятельности, оно, пріобрѣтя ее, долженствовало само подрывать свои слишкомъ широкія основанія.

Слѣдующій случай еще очевиднѣе доказываетъ эту неоспоримую истину. Одинъ изъ с.-петербургскихъ цензоровъ представилъ чрезъ цензурный комитетъ Главному управленію, что Редакторомъ журнала «Свѣточъ» была прислана ему для полученія выпускнаго билета, книжка, въ которой не были сдѣланы замѣченныя цензурою измѣненія и что къ ней было приложено объявленіе «въ саркастическомъ тонѣ» о несвоевременномъ выходѣ въ свѣтъ изданія «по причинамъ, отъ редакціи независящимъ» (*). По представленію Главнаго управленія цензуры редакторъ «Свѣточа» былъ лишенъ права редижировать этотъ журналъ; поступокъ же его преданъ чрезъ военнаго генералъ-губернатора формальному изслѣдованію. Отъ слѣдователя дѣло это обыкновеннымъ порядкомъ поступило въ с.-петербургскій надворный судъ, который постановилъ слѣдующее заключеніе:

(*). Дѣло глав. упр. ценз. 1861 г. № 162.

«Редактора журнала «Свѣточъ», отст. прап. Калиновскаго, по предмету возведеннаго на него обвиненія относительно допущенія къ выпуску, безъ цензурнаго дозволенія, объявленія при второй книжкѣ журнала «Свѣточъ», а также въ измѣненіи подписи въ каррикатурномъ листкѣ, подъ заглавіемъ: «Похожденіе туриста», какъ въ томъ несознавшагося и неизобличеннаго, никакому взысканію, согласно 103 ст. улож., не подвергать».

Что касается до сферы чисто административной и до цензурной практики, то едва ли и здѣсь можно указать на какія либо существенныя перемѣны къ лучшему; спеціальныя цензуры, противъ которыхъ съ такимъ единодушіемъ выразились комитетъ по дѣламъ книгопечатанія и д. т. с. Ковалевскій, продолжали существовать, и въ вышеприведенной жалобѣ б. Мейендорфа заключается весьма сильный противъ нихъ протестъ. Наконецъ, относительно главной цѣли цензурныхъ учрежденій — недопущенія въ печать статей, незаслуживающихъ одобренія, можно замѣтить, что едва ли когда ихъ появлялось столько, какъ въ 1859—61 годахъ; это доказываютъ весьма многочисленные, какъ уже замѣчено, выговоры и иныя административныя взысканія съ цензурныхъ чиновниковъ, запрещенія журналовъ и отрѣшенія редакторовъ. Это же доказываютъ и жалобы самихъ членовъ Главнаго управленія цензуры. Одинъ изъ членовъ онаго, д. с. с. Пршецлавскій представилъ записку, въ которой съ жаромъ возставалъ противъ безпрестанныхъ уклоненій литературы отъ цензурныхъ правилъ (*): «Потребность скандала, писалъ онъ, удовлетворяемая такъ называемыми обличительными статьями и каррикатурными рисунками, по необыкновенному восторгу, съ которымъ явленія эти принимаются публикою, породила въ свою очередь новый элементъ соревнованія между писателями: *скандалезной популярности*, заявляющей притязанія на благородныя патріотическія цѣли»;— «этотъ элементъ распространилъ и на самыхъ цензоровъ свое вліяніе, подвергая ихъ гнету искуственно возбужденнаго общественнаго мнѣнія».—«Отсюда постепенныя уступки со стороны предупредительной власти, вслѣдствіе которыхъ пасквильная литература достигла теперешнихъ своихъ размѣровъ и степени дерзости».

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1860 г. № 62.

Д. с. с. Пршецлавскій полагалъ, что если не у авторовъ, то по крайней мѣрѣ у цензоровъ установленіе обязательнаго анонима отниметъ эту жажду популярности и предлагалъ отмѣнить подписываніе имени цензора подъ пропущенною имъ статьею, употребляя вмѣсто того формулу: «напечатано съ дозволенія цензуры».

Другой членъ Главнаго управленія цензуры, б. Медемъ, описывая современное состояніе литературы въ весьма мрачныхъ чертахъ, замѣчалъ (*): «При такомъ почти общемъ направленіи журналистики, цензура рѣшительно не въ силахъ устранять изъ газетъ и журналовъ все то, что скрывается въ нихъ предосудительнаго. Для достиженія такой цѣли нужно бы было возвратиться къ самымъ строгимъ цензурнымъ постановленіямъ, какія когда либо существовали, а именно: нужно было бы не только запретить всякія разсужденія о либеральныхъ мысляхъ и всякія объясненія политическаго устройства европейскихъ государствъ, но не допускать даже сообщенія большей части заграничныхъ происшествій».

Б. Медемъ не совѣтовалъ, однакожъ, употреблять въ настоящее время мѣръ крайней строгости. «Возвращеніе къ подобнымъ цензурнымъ строгостямъ, продолжалъ онъ, считаю въ настоящее время невозможнымъ; оно было бы болѣе вредно, чѣмъ полезно». —«Большая часть нашихъ литераторовъ станетъ тогда печатать свои сочиненія заграницею и никакія таможенныя и полицейскія мѣры не воспрепятствуютъ приливу этихъ сочиненій въ Россію, въ особенности послѣ открытія желѣзныхъ дорогъ, устроиваемыхъ для соединенія насъ съ государствами запада. Другіе будутъ распространять свои статьи въ рукописяхъ; наконецъ, найдутся и такіе, которые устроятъ въ самой Россіи тайныя литографіи и типографіи; они будутъ несравненно опаснѣе и вреднѣе какихъ бы то ни было сочиненій и статей, пропущенныхъ самою снисходительною цензурою». Единственнымъ средствомъ, по мнѣнію г-ла Медема, было бы составленіе для цензоровъ весьма подробныхъ и точныхъ инструкцій по всевозможнымъ категоріямъ литературныхъ сочине-

(*) Дѣло глав. упр. ценз. 1861 г. № 32.

ній, изъ коихъ одну, по предмету политическихъ извѣстій, онъ представлялъ при своей запискѣ.

Главное управленіе цензуры обратило вниманіе на мысль б. Медема и поручило представить свое о ней заключеніе д. с. с. Пршецлавскому, который вслѣдствіе этого писалъ между прочимъ слѣдующее: «Б. Медемъ полагаетъ дозволить помѣщать въ нашихъ газетахъ парламентскія рѣчи, или отрывки изъ нихъ, въ такихъ случаяхъ, когда вслѣдъ за ними помѣщены и отвѣты другихъ членовъ палаты, опровергающіе сказанныя мысли и разсужденія, несогласныя съ видами нашего правительства».— «Но можно ли положиться на судъ всякаго читающаго газету цензора, въ рѣшеніи тонкаго вопроса объ удовлетворительности или неудовлетворительности такихъ опроверженій? Безопаснѣе, по мнѣнію моему, не помѣщая подобныхъ рѣчей, упоминать о нихъ вкратцѣ, а за то помѣщать вполнѣ дѣльныя опроверженія, изъ коихъ читатель всегда узнать можетъ сущность опровергаемаго. Я, по крайней мѣрѣ, въ изданіи здѣсь, въ С.-Петербургѣ, польской политической газеты, постоянно слѣдовалъ этому правилу.»—«Во всякомъ же случаѣ удобнѣе, кажется, промалчивать вовсе предосудительныя рѣчи, чѣмъ (какъ полагается въ проэктѣ) помѣщать ихъ съ *исключеніями*, то есть передѣлывать ихъ». —«Въ политическомъ отдѣлѣ газетъ, болѣе чѣмъ въ какихъ либо другихъ, достиженіе истинной цѣли цензуры не можетъ имѣть полнаго, успѣха безъ искренняго соучастія самихъ редакторовъ. Инструкціи цензорамъ могутъ лишь указать болѣе выдающіеся, осязательные пункты внѣшней, положительной стороны предмета; но сколько еще останется внутреннихъ, неуловимыхъ оттѣнковъ, составляющихъ отрицательную сторону, которыхъ сформулировать невозможно и которые всегда должны оставаться зависящими, съ одной стороны, отъ большей или меньшей степени добросовѣстности редактора, а съ другой—отъ проницательности, такта и какъ бы чутья цензора. Кромѣ самаго изложенія политическихъ статей, оттѣнки эти состоятъ въ тонѣ, въ порядкѣ расположенія, въ сопоставленіи или раздѣленіи, то есть въ группировкѣ извѣстій, и наконецъ, въ намѣренномъ промолчаніи такого, какого нибудь, повидимому и незначительнаго факта, но который, бывъ поставленъ на своемъ мѣстѣ и въ свое время, придалъ бы совсѣмъ иной видъ цѣлой группѣ окружающихъ

событій, или иное значеніе разсужденіямъ и выводамъ. На все это, какъ на внутреннее и отрицательное, цензура дѣйствія имѣть не можетъ; все это остается рѣшительно во власти редактора».

По всѣмъ этимъ соображеніямъ д. с. с. Пршецлавскій заключалъ, что единственно полезною мѣрою для сообщенія литературѣ иного направленія, было бы склоненіе къ иному образу мыслей или дѣйствія самихъ редакторовъ и въ привлеченіи ихъ къ отвѣтственности за статьи неодобрительнаго содержанія.

Въ то время, какъ мысль б. Медема о цензорскихъ инструкціяхъ разсматривалась въ Главномъ управленіи цензуры, его уже занимала другая мысль, нерѣдко возобновлявшаяся, какъ было указано, со времени г. Баккаревича, о правительственномъ органѣ, или газетѣ, издаваемой правительствомъ (*). «Основаніе журнальнаго органа, который имѣлъ бы направленіе въ духѣ правительства, сдѣлалось крайнею необходимостью», писалъ онъ; «одно или нѣсколько довѣренныхъ отъ правительства лицъ должны быть назначены для постояннаго, бдительнаго надзора за ходомъ органа и имѣть право перемѣнить редакцію при малѣйшемъ отступленіи ея отъ духа и направленія, указанныхъ инструкціею.» —«Такой органъ, продолжалъ б. Медемъ, долженъ издаваться ежедневною газетою по цѣнѣ, втрое или вчетверо дешевѣйшій противъ нынѣшней подписки на «С.-Петербургскія вѣдом.» и «Сѣверную пчелу.»—«Съ принятіемъ такихъ основаній можно положительно быть увѣреннымъ въ томъ, что уклоненіе органа отъ даннаго направленія сдѣлается невозможнымъ и что даже при редакторѣ съ посредственными только дарованіями органъ распространится по Россіи въ огромномъ числѣ экземпляровъ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ рѣшительно вытѣснитъ всѣ прочія политическія русскія газеты изъ среднихъ и низшихъ классовъ публики.»

Всѣ эти многочисленные проэкты и предположенія, эти разнообразныя усилія ввести литературу въ желаемыя границы, доказывали настоятельную потребность преобразованій радикальныхъ. Назначенный въ это время министромъ народнаго просвѣщенія, гр. Путятинъ энергически приступилъ къ рѣшенію этой задачи. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 9-го ноября 1861 г. онъ яркими красками изображалъ безпрерывныя уклоненія литературы отъ цензурныхъ правилъ; безсиліе цензуры бо-

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1861 г. № 164. О проэктѣ г. Баккаревича см. въ началѣ сей записки.

роться съ ними, а съ другой стороны неудобство «вызвать употребленіе крайнихъ мѣръ» и ходатайствовалъ объ установленіи залоговъ для повременныхъ изданій. «Но при этихъ условіяхъ, заключалъ гр. Путятинъ, дающихъ цензурѣ характеръ какъ бы карательный, она не можетъ оставаться при министерствѣ народнаго просвѣщенія, а по естественному порядку должна перейти въ министерство внутреннихъ дѣлъ (*).

Вслѣдствіе такого представленія гр. Путятина была, по соглашенію его съ статсъ-секретаремъ Валуевымъ, составлена смѣшенная коммисія изъ двухъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія и двухъ же министерства внутреннихъ дѣлъ (**). Цѣль этой коммисіи состояла въ томъ, чтобъ подготовить работы для другаго, предполагавшагося, высшаго комитета.

Въ третьемъ засѣданіи коммисіи было рѣшено: «приступить къ разсмотрѣнію устава, имѣя по возможности въ виду постепенный переходъ изъ предупредительной цензуры въ карательную.» Однакожъ въ слѣдующее за тѣмъ засѣданіе члены отъ цензурнаго вѣдомства предъявили мнѣніе объ удержаніи системы предупредительной, соединивъ ее съ карательною. Напротивъ того, два другіе члена находили, что «предупредительная цензура должна сохранить вообще обязательный характеръ въ тѣхъ случаяхъ, когда административная власть дѣйствуетъ исключительно отъ своего имени, какъ напримѣръ, во время военнаго положенія и тому подобныхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ; при нормальномъ же порядкѣ вещей, какъ изданія періодическія, такъ и отдѣльныя сочиненія должны подвергаться главнымъ образомъ предварительной цензурѣ лишь тогда, когда редакторы и издатели отказываются принимать на себя отвѣтственность по всей строгости карательныхъ законовъ.»

Вслѣдствіе этого раздвоенія мнѣній составилось два радикально противоположныхъ проэкта: одинъ съ усиленнымъ предупредительнымъ характеромъ, другой, допускающій начало судебнаго преслѣдованія за нарушеніе законоположеній о печати.

(*) Дѣло гл. упр. ценз. 1861 г. № $\frac{350}{351}$.

(**) Дѣло гл. упр. ценз. 1861 г. № $\frac{350}{351}$.

Соображая все вышеизложенное, нельзя не придти къ заключенію, что существующая цензурная система оказалась во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельною? Всѣ многочисленныя предписанія и циркуляры, вызванные различными уклоненіями литературы отъ цензурныхъ правилъ и которыми думали восполнить пробѣлы устава 1828 г., были или нарушаемы, или обходимы; лица, призываемыя для цензированія, какъ по общей, такъ и по спеціальнымъ цензурамъ, были безсильны противъ ежедневныхъ захватовъ прессы, и между тѣмъ жалобы литераторовъ на медленность, привязчивость и произволъ цензуры постоянно усиливались. «Положеніе литературы невыносимо,» писалъ редакторъ «Русскаго вѣстника» д. т. с. Норову еще въ 1858 году». Еслибъ кто сталъ держаться буквально нашихъ постановленій, писали нѣкоторые литераторы въ одной изъ записокъ, представленныхъ ими министерству народнаго просвѣщенія въ послѣднее время, то рѣшительно ни одна строчка не могла бы пройти въ печати». И нельзя сказать, чтобъ приведенныя выраженія были преувеличены; неизбѣжная неопредѣленность цензурныхъ правилъ давала полный просторъ произволу: съ 1828 по 1862 годъ цензура дѣйствовала на основаніи однихъ и тѣхъ же установленій; ни одинъ циркуляръ со времени кн. Ливена не былъ отмѣненъ до сего года, а въ практикѣ различіе между ними необъятное. Подобно тому, какъ нѣкогда Жуковскій и Вяземскій, Гречъ и Булгаринъ жаловались на произволъ цензоровъ, такъ точно и въ началѣ текущаго года б. Медемъ на нее указывалъ: «во всей Россіи, можетъ быть, нѣтъ и двухъ цензоровъ, писалъ онъ, которые бы всегда одинаково понимали предѣлы дозволенной гласности (*). «И это естественно: произволъ есть органическая принадлежность предварительной цензуры, ея сущность. Поэтому «каждый редакторъ и писатель справляется прежде всего съ личными воззрѣніями своего цензора и старается поладить съ нимъ въ извѣстныхъ пунктахъ, пригладить наружность статьи согласно его вкусу» (**), дѣлать ему уступки въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ другихъ требуя отъ него таковыхъ же. Отсюда та «нескончаемая игра въ уступки, загадки, мистификаціи» (*), столь несогласная съ достоинствомъ

(*) Мнѣнія разныхъ лицъ.
(**) Записка нѣсколькихъ редакторовъ, читанная въ смѣшанной коммисіи 1861 г.
(*) Мнѣнія разныхъ лицъ.

администраціи и столь вредно дѣйствующая на нравственныя свойства пишущаго сословія, вредно, ибо пріучаетъ писателей играть съ закономъ, хитрить съ его исполнителями и торжествовать, когда они успѣваютъ одурачить цензора.

Лучшіе изъ литераторовъ чувствуютъ это сами. Говоря о такихъ неправильныхъ отношеніяхъ между писателемъ и цензоромъ, авторы одной записки, представленной правительству, выражаются такъ: «занятый своей игрою съ цензурой, редакторъ не имѣетъ ни времени, ни охоты, ни побужденія самъ вникать въ требованія закона, въ практическія условія времени, въ виды правительственной власти, совпадающіе съ существенными интересами народа и общества. Трудно рѣшить, кто отъ этого болѣе теряетъ» (*).

Дѣйствительно, рѣшить это трудно; но несомнѣнно, что теряетъ и правительство, съ агентами котораго осмѣливаются вести такую *игру*, и литература, которая въ ней упражняется въ теченіи полустолѣтія! А между тѣмъ вотъ печальная картина русскаго общества, начертанная лицами, ни искренности, ни вѣрности взгляда которыхъ нельзя заподозрить. «Журналисты, писалъ гр. Путятинъ, нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, въ одномъ изъ своихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, находятъ, къ сожалѣнію, сочувствіе къ себѣ большинства»—«и тѣмъ настойчивѣе и дружнѣе между собою дѣйствуютъ, чѣмъ болѣе на ихъ сторонѣ общественное мнѣніе.» Статсъ-секретарь Валуевъ, съ своей стороны почти въ то же время писалъ къ гр. Путятину: «При самомъ даже поверхностномъ взглядѣ на современное направленіе общества нельзя не замѣтить, что главный характеръ эпохи заключается въ стремленіи къ уничтоженію всякаго авторитета. Все, что доселѣ составляло предметъ уваженія націи: вѣра, власть, заслуга, отличіе, возрастъ, преимущества, все попирается: на все указывается, какъ на предметы, отжившіе свое время.»

Таково состояніе умовъ; не имѣла ли вліяніе цензура наша на содѣланіе его таковымъ? Припоминая горькія жалобы литераторовъ тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ, противъ придирчивости и неразумія цензоровъ, — жалобы такихъ людей, какъ

(*) Записка. читан. въ коммисіи 1861 г.

Карамзинъ, Жуковскій, Вяземскій, Пушкинъ (*), припоминая нѣкоторыя черты, приведенныя въ настоящей запискѣ о цензорѣ Красовскомъ и другихъ, новѣйшихъ даже цензорахъ, нельзя не признать столь же глубокой, сколько и горькой правды въ словахъ одной изъ записокъ, поданныхъ въ послѣднее время литераторами, что «вся горечь, которая необходимо развивается изъ отношеній редактора (или автора) къ цензору, переносится на самое правительство, а иногда и на самые предметы, которые поставлены подъ охрану закона: вотъ источникъ того прискорбнаго антагонизма, который замѣчается у насъ между правительствомъ и мыслящею частію общества» (*).

Печальныя услуги, оказанныя правительству цензурою, далеко не изчерпываются вышеисчисленными явленіями. Едва ли чему иному, какъ не желанію регламентировать прессу, подчинять себѣ и направлять ее, постоянно обнаруживавшемуся со стороны цензурныхъ управленій, должно приписывать ту преувеличенную недовѣрчивость и то систематическое отвращеніе ко всякому сближенію съ правительствомъ, которыя до послѣдняго времени обнаруживались со стороны прессы; ту осторожность и сдержанность, съ которою она одобряла даже тѣ правительственныя мѣры, которыя очевидно не могли не вызвать съ ея стороны полнѣйшихъ симпатій. Подобную мысль выразилъ г. Катковъ въ приведенномъ выше письмѣ своемъ къ д. т. с. Норову, по поводу религіозныхъ вопросовъ; повторимъ слова его: «нельзя безъ грусти видѣть, писалъ онъ, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ великимъ интересамъ религіи! Это слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно отдѣлить высшіе интересы отъ живой мысли и живаго слова образованнаго русскаго общества».—«Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій поневолѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ такого религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ»....

(*) Жалобы первыхъ трехъ приведены въ своемъ мѣстѣ; что же касается до Пушкина, то въ дѣлахъ глав. управ. цензуры есть его собственноручное письмо къ гр. Уварову съ жалобою на цензуру.

(*) Записка, читан. въ коммисіи 1861 г.

Что говорится здѣсь объ ослабленіи религіозныхъ интересовъ въ литературѣ нашей, можно сказать и о всѣхъ прочихъ. Всѣ, слѣдящіе за нашею литературою, должны были замѣтить съ какою нерѣшимостію, послѣ какихъ долгихъ колебаній она коснулась, напримѣръ, польскаго вопроса, отношеній къ Россіи и Польшѣ западнаго края и т. п. Едва ли чему другому можно приписать это, какъ не опасенію писателей быть заподозрѣнными въ недостаткѣ независимости и въ сознаніи неблаговидности писать о такихъ предметахъ, на которые возраженія невозможны. Въ самое лишь послѣднее время явилась возможность такихъ возраженій, но тогда появились и статьи, полныя откровеннаго патріотизма.

Всю эту неловкость положенія литературы относительно правительства и вообще «великихъ интересовъ» понимаетъ читающая часть общества и сочувствуетъ ей. Всѣ ея симпатіи на сторонѣ литературы и все порицаніе на сторонѣ цензуры. Необходимо, слѣдовательно, въ настоящее время привести въ дѣйствіе пружины еще не истертыя, дать мѣсто началамъ, охранительной силѣ которыхъ еще само общество вѣритъ и строгость которыхъ литература будетъ, можно надѣяться, переносить терпѣливо, — покрайней мѣрѣ терпѣливѣе, нежели дѣйствіе самой снисходительной, самой уклончивой предварительной цензуры. Это новое начало есть *система цензуры карательной*, простое, естественное и справедливое распространеніе на писателей общаго закона объ отвѣтственности за свои дѣйствія, прекращеніе исключительно-безнаказаннаго положенія, въ которомъ они до сего времени находились за щитами цензоровъ, подведеніе литераторовъ подъ одну категорію со всѣми совершенно-лѣтними подданными русскаго Государя.

Противъ введенія у насъ системы такъ называемой карательной, или репресивной цензуры существуютъ сильныя предубѣжденія; но основательность ихъ болѣе нежели сомнительна. Множество мнѣній по этому предмету, собранныхъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія путемъ печатной гласности и конфиденціальныхъ записокъ, а равно почерпнутыхъ изъ мнѣній различныхъ правительственныхъ коммисій и изъ дѣлъ бывшаго Главнаго управленія цензуры, сосредоточиваются на слѣдующихъ главныхъ соображеніяхъ.

При весьма распространенномъ у насъ въ настоящее время духѣ отрицанія и порицанія, при существующей, можно сказать, модѣ на фрондерство, опасаются, что литературные проступки будутъ оставаться безнаказанными и что тѣ непозволительныя сочиненія, которыя нынѣ только писались, но не печатались, будутъ печататься.

На это можно возразить, что никакое законодательство невозможно, если предполагать несправедливость судовъ. При томъ можно замѣтить, въ опроверженіе этихъ предположеній, что суды могли до настоящаго времени и дѣйствительно быть слишкомъ снисходительными къ литературнымъ противозаконіямъ, во первыхъ потому, что система уликъ нашего уложенія о наказаніяхъ была несовершенна, требуя главнѣйшимъ образомъ собственнаго признанія; во вторыхъ, что единственныя наказанія, полагаемыя закономъ за нарушеніе цензурныхъ правилъ, принадлежатъ къ разряду самыхъ тяжкихъ (*) и что, слѣдовательно, весьма естественнымъ должно считать, если судьи не могутъ рѣшиться ихъ прилагать безъ совершенно неотразимыхъ уликъ, и лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ. Напротивъ того, при развитіи системы карательной, можетъ и должна быть соблюдена постепенность въ наказаніяхъ, и слѣдовательно, можетъ быть судьями сохраняема и строгая законность.

Наконецъ, возражаютъ противники цензуры карательной, допустивъ, что судьи будутъ строго исполнять свое дѣло, можетъ встрѣтиться такой безстрашный фанатикъ, который пуститъ въ публику статью зажигательнаго свойства и завѣдомо пойдетъ подъ неизбѣжное тяжкое наказаніе. На это можно отвѣтить, что подобная статья можетъ быть немедленно изъята изъ обращенія, что подобныхъ фанатиковъ вообще всегда и вездѣ весьма мало и что, наконецъ, противъ всѣхъ физически возможныхъ чудовищностей принять предупредительныхъ мѣръ невозможно. Возможны

(*) Улож. о наказ. ст. 107 и 308—ссылка въ Сибирь на поселеніе.
207 заключеніе въ смирительномъ домѣ, или же въ крѣпости, или даже ссылка въ Сибирь на житье.
279, 282, 285, 286—ссылка въ каторжную работу.
2098, 2102—арестъ или заключеніе въ тюрьму и сверхъ того испрошеніе у оскорбленнаго прощенія и уплата ему безчестія.

и убійства среди бѣла-дня, и поджоги и возмутительныя прокламаціи, но ни одному законодателю не приходило еще въ голову запрещать употребленіе ножей, фосфорныхъ спичекъ, чернилъ и перьевъ. Всѣ современныя законодательства стремятся къ возможному ослабленію мѣръ предупредительныхъ и къ тѣмъ сильнѣйшему взысканію за совершенное преступленіе.

Таковы главнѣйшія изъ возраженій, дѣлаемыхъ у насъ противъ уничтоженія предварительной цензуры, и таковы возможныя противъ нихъ возраженія, едва ли уступающія первымъ въ силѣ. Кромѣ того, въ пользу уничтоженія предварительной цензуры говорятъ еще слѣдующія соображенія.

Первое, и конечно слабѣйшее, есть сокращеніе издержекъ казны, которая употребляетъ ежегодно на содержаніе цензурнаго управленія 165 т., а велика ли польза отъ этого расхода, показываетъ и настоящее обозрѣніе и современное состояніе литературы и общества.

Несравненно важнѣе то соображеніе, на которое было нѣсколько выше указано, а именно—устраненіе и въ этой сферѣ правительственныхъ дѣйствій, подобно другимъ, произвола и замѣна его господствомъ закона, рѣшеній судебныхъ. Довольно уже нареканій на правительство вызвано самоволіемъ цензоровъ, между тѣмъ какъ учрежденіе цензуры на тѣхъ основаніяхъ, которыя признаны за наилучшія всѣми европейскими государствами, не можетъ не вызвать сочувствія, и во всякомъ случаѣ даетъ поводъ надѣяться, что литература прекратитъ ту непристойную «игру въ уступки, загадки и мистификаціи», которая постыдна для нея самой и унизительна для правительства.

Но это не все. Изъ нѣсколькихъ приведенныхъ въ настоящемъ обозрѣніи примѣровъ видно, въ какой непріятной перепискѣ, къ какимъ мелкимъ затрудненіямъ существованіе цензуры подавало поводъ въ отношеніи дипломатическомъ. Правительство наше должно было отвѣтствовать за каждую строку русскихъ публицистовъ; оно и не въ состояніи, и даже не вправѣ будетъ отклонить подобную отвѣтственность, пока будетъ существовать предварительная цензура; а между тѣмъ случаи, подобные запрещенію печатать письмо герцога Омальскаго, не могутъ не подавать повода къ ропоту журналистовъ и къ насмѣшкамъ со стороны публики.

Словомъ: предварительная цензура не ограждаетъ правительства,—это доказано опытомъ. Она накопила много горечи и раздраженія противъ правительства: этого также нельзя отвергать.

Есть ли же, слѣдовательно, основаніе желать продолженія ея существованія? Болѣе того: ея существованіе не представляетъ ли положительной опасности въ настоящее время, когда литература получаетъ все болѣе силы и значенія и когда не въ далекомъ, можетъ быть, будущемъ, она сдѣлается, какъ сдѣлалась въ другихъ странахъ, органомъ не литературныхъ только, но общественныхъ, политическихъ мнѣній и партій? Если мнѣнія, высказывавшіяся иногда, напримѣръ въ дворянскихъ собраніяхъ, овладѣютъ какимъ либо изъ нашихъ періодическихъ изданій, если стремленія, еще смутно мелькающія въ различныхъ сословіяхъ, классахъ и состояніяхъ, окрѣпнувъ и опредѣлившись, поставятъ прессу на почву болѣе дѣйствительную, нежели та, на которой она до сихъ поръ находилась,—какой отпоръ дастъ имъ предварительная цензура,—эта цензура, которая оказалась вполнѣ несостоятельною противъ отвлеченныхъ теорій и неосязаемыхъ положеній науки?

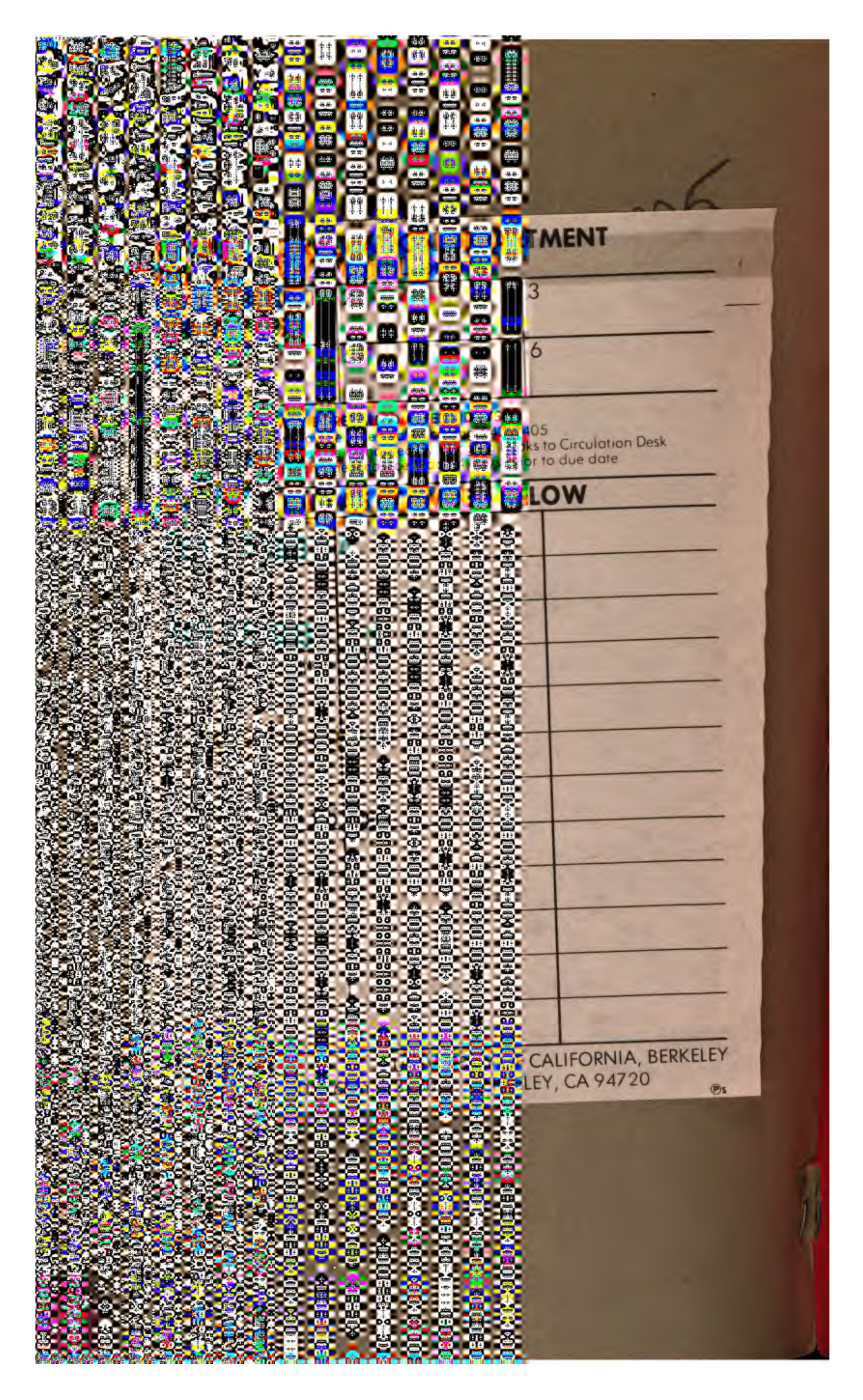
Кажется, что нѣкоторыхъ изъ людей, искренне желающихъ охранить правительство и общественное спокойствіе отъ злоупотребленій прессы, смущаетъ то, что она сама расположена къ преобразованію предупредительной системы въ карательную. Во первыхъ, замѣтить надлежитъ, что хотя и дѣйствительно большая часть литераторовъ расположена къ этому преобразованію, но есть и такіе между ними, которые предпочитаютъ прежній порядокъ: это именно тѣ, которые постоянно нарушали законы прежней цензуры. Есть другіе, которые, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, чтó нынѣ предполагается, смѣшиваютъ понятіе объ уничтоженіи предварительной цензуры съ неограниченною свободою прессы и надѣются получить ее. Наконецъ, третья категорія литераторовъ желаетъ уничтоженія предварительной цензуры, какъ учрежденія безполезно и безцѣльно стѣснительнаго; они радуются ему, какъ новому шагу правительства по стезѣ благотворныхъ преобразованій, и не отрицаютъ необходимости нѣкоторыхъ ограниченій въ свободѣ слова и репрессивныхъ мѣръ за нарушеніе указанныхъ правъ.

Подобныя вышеприведеннымъ соображенія управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія представлялъ Государю Императору, въ началѣ 1862 г., и Его Величество изволилъ выразить волю, чтобъ существующія по дѣламъ книгопечатанія постановленія были пересмотрѣны, а до введенія новыхъ законовъ, исполнялись въ точности существующіе, съ тѣмъ, что если нѣкоторые изъ нихъ устарѣли и сдѣлались совершенно неудобоисполнимыми, то замѣнить ихъ *временными* правилами.

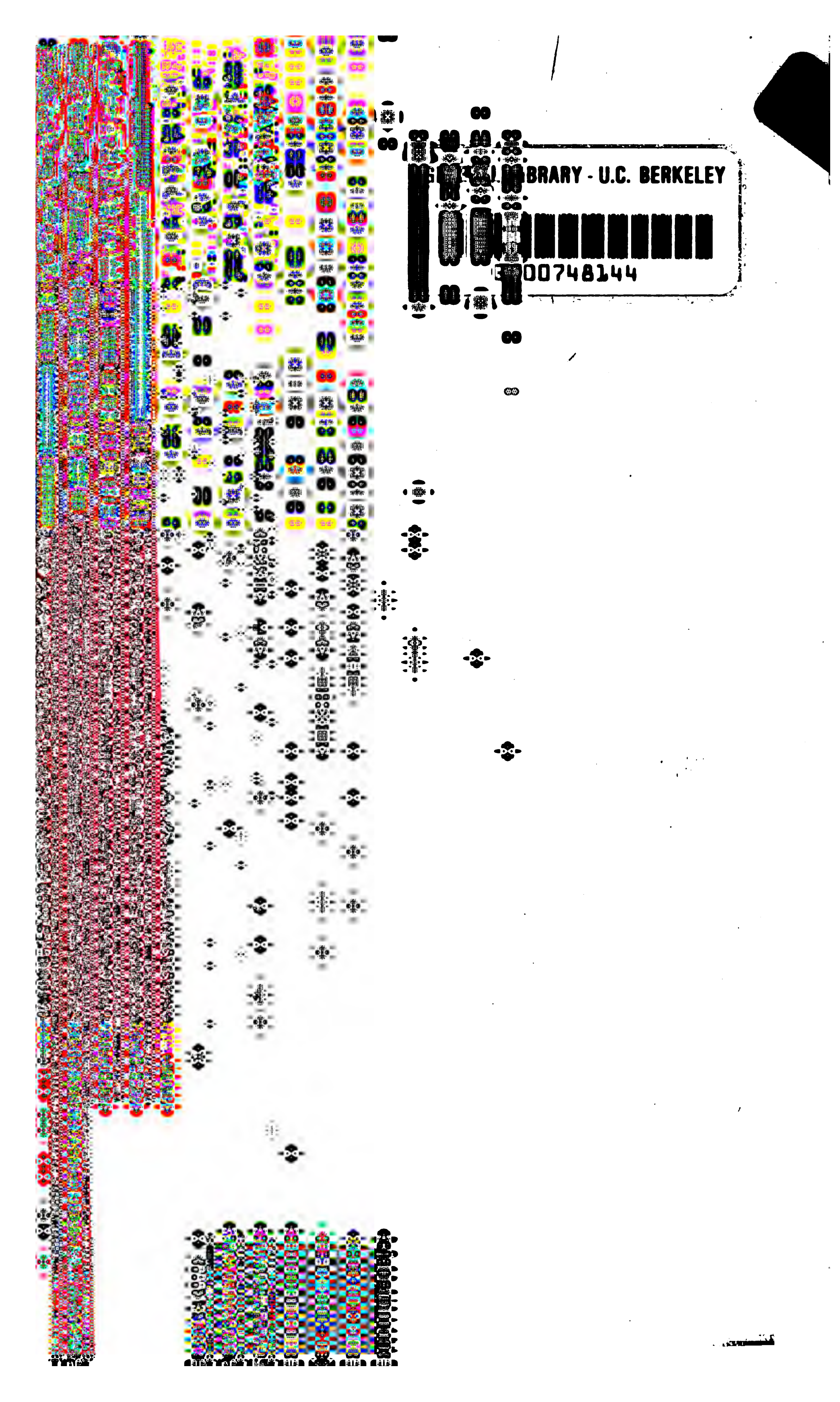
Во исполненіе сей Монаршей воли, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія исходатайствовалъ учрежденіе особой коммисіи, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря кн. Оболенскаго, для пересмотра, измѣненія и дополненія всѣхъ вообще постановленій по дѣламъ книгопечатанія. Въ предложеніи предсѣдателю коммисіи, управляющій министерствомъ, указывая на необходимость «охраненія вѣры, православной церкви, уваженія ко всѣмъ вообще церквамъ, основныхъ государственныхъ законовъ, неприкосновенности верховной власти, особъ Императорской фамиліи, нравственности вообще, чести и домашней жизни каждаго, и въ то же время на необходимость допускать сужденія о несовершенствѣ прочихъ законовъ, о несовершенствѣ и злоупотребленіяхъ администраціи, о мѣстныхъ нуждахъ и недостаткахъ, порокахъ и слабостяхъ людскихъ вообще», предоставлялъ коммисіи обсудить: «а) какія книги и періодическія изданія можно бы вовсе освободить отъ предварительной цензуры; б) возможно ли освободить отъ цензуры всѣ вообще періодическія изданія, съ тѣмъ, чтобъ редакторъ имѣлъ право выбора: печатать безъ цензуры подъ собственною отвѣтственностію, или обращаться къ цензору, не отвѣчая уже за пропущенную статью».

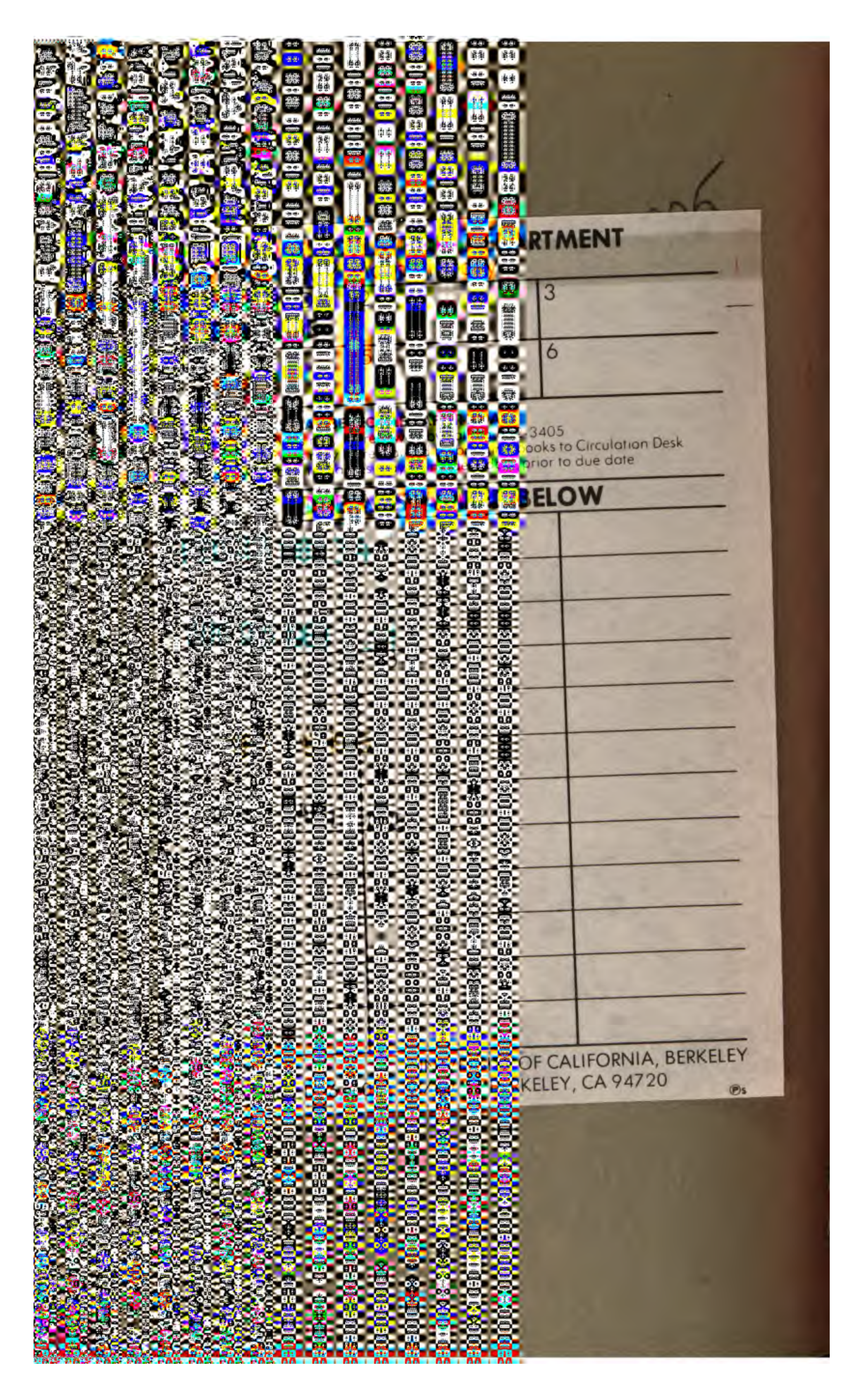
Такимъ образомъ мысли Государя Императора, относительно законодательства по дѣламъ книгопечатанія, дано было немедленное движеніе. Для доставленія же названной коммисіи средства обсудить вопросъ съ возможною многосторонностію, управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія затребовалъ мнѣніе цензоровъ и возбудилъ мнѣнія по этому предмету путемъ печатной гласности.

Затруднительнѣе было привести въ исполненіе съ желаемымъ успѣхомъ вторую половину вышеозначеннаго повелѣнія, относитель-

TMENT
3
6
405
ks to Circulation Desk
or to due date
LOW
CALIFORNIA, BERKELEY
LEY, CA 94720

ARTMENT
3
6
3405
ooks to Circulation Desk
prior to due date
BELOW
OF CALIFORNIA, BERKELEY
KELEY, CA 94720

